

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Девайкин Игорь Александрович

**Преодоление корреляционизма в современной онтологии
(на материале работ Г. Хармана, К. Мейясу и Р. Брассье)**

5.7.1. Онтология и теория познания

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель:
доктор философских наук, профессор
Сокулер Зинаида Александровна

Москва — 2023

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1. Постановка проблемы. Истоки спекулятивного реализма	17
1.1. Преодоление корреляционизма как проблема современной онтологии	17
1.2. Предпосылки современного онтологического поворота.....	26
Глава 2. Программы преодоления корреляционизма в современной онтологии	38
2.1. Объектно-ориентированная онтология Грэма Хармана: критика философии доступа, онтологическая горизонталь и объектная реальность	38
2.1.1. Философия доступа	39
2.1.2. Аргументы против философии доступа	42
2.1.3. Онтологическая плоскость и отсутствие субъекта	45
2.1.4. Модель реальности: четверичный объект.....	48
2.1.5. Объектно-ориентированная философия: догматический и критический взгляд на онтологию	56
2.2. Фактуальная онтология Квентина Мейясу: преодоление эпохи корреляции, контингентность и некорреляционистский субъект	60
2.2.1. Эпоха корреляции	61
2.2.2. Абсолютизация фактичности и закрытие эры корреляции	66
2.2.3. Вещь-в-себе и фактуальная онтология	73
2.2.4. Некорреляционистский субъект.....	78
2.3. Вычитательная онтология Рэя Брассье: уничтожение манифестного образа, бытие-ничто и активный субъект.....	85
2.3.1. Корреляционизм и манифестный образ	86

2.3.2. Против сильного корреляционизма	87
2.3.3. Вычитание манифестного образа: унилатеральность и бытие-ничто	90
2.3.4. Смена ориентира: активный субъект	106
2.4. Выводы по главе 2	111
Глава 3. Критика проектов преодоления корреляционизма в спекулятивном реализме	113
3.1. Анализ ООО.....	113
3.1.2. Субъектализм и отсутствие субъекта	113
3.1.2. Непроясненность теории объектов и дорефлексивная чувственность	121
3.2. Недочеты фактуальной онтологии Квентина Мейясу	126
3.2.1. Невозможность существования позиции сильного корреляционизма и другие замечания относительно идей Мейясу	126
3.2.2. Необоснованность перехода мышления в бытие и еще некоторые трудности фактуальной онтологии	132
3.3. Критика вычитательной онтологии Рэя Брассье	138
3.3.1. Необоснованность введения унилатеральности и проблематичность ставки на естественные науки	138
3.3.2. Сведение в-себе к для-нас у «позднего» Брассье и продуктивность возврата фигуры пассивного субъекта	143
3.4. Вывод по главе 3	149
Заключение	151
Список литературы	160

Введение

Актуальность темы исследования

В начале XXI века философское движение, которое назвало себя «спекулятивным реализмом», куда входили Грэм Харман, Квентин Мейясу, Рэй Брассье и Йен Грант, поставило перед собой онтологическую цель: прояснить то, как на нас влияет реальность сама по себе, и концептуализировать эту реальность. Мартина Хайдеггера и особенно Николая Гартмана тоже интересовал вопрос связи с реальностью самой по себе. Отличие спекулятивного реализма заключается в том, что он делает основным предметом своего рассмотрения именно независимую от мышления реальность и стремится потеснить человека с господствующего положения среди объектов философской рефлексии.

Реальность спекулятивные реалисты отождествляют с кантовской вещью-в-себе и считают, что актуальность онтологического вопроса состоит в том, что каждый человек испытывает воздействие независимой от мышления реальности в повседневной жизни. Тем не менее изначальная привязанность к реальности самой по себе, от которой человек не может скрыться, зачастую остается забытой, хотя без первичного аффицирования вещью-в-себе не было бы человеческого опыта. Порой, не обращая внимания на подобную навязывающую себя реальность, философы занимают неадекватную позицию в отношении нее, поскольку недооценивают ее влияние. Это означает, что философы порой неверно понимают свою связь с реальностью: мышление склонно к тому, чтобы относиться к себе как к чему-то полностью независимому от реальности как таковой, но на деле оно «пришито» к ней.

Мешает прояснению данного вопроса то, что спекулятивные реалисты назвали «корреляционизмом». Этим термином они обозначают концепции и направления, утверждающие, что субъект не может вступить в контакт с реальностью самой по себе, поскольку ограничен человеческим мышлением

и чувственностью. Помимо этого, корреляционизм иногда (но не всегда) вообще отрицает существование вещи-в-себе. На сегодняшний момент, по мнению спекулятивных реалистов, корреляционизм является наиболее распространенным философским подходом. Соответственно, для понимания подлинной связи с некоррелированной реальностью современные онтологи требуют «преодолеть» корреляционизм, т.е. полностью избавиться от влияния нашей человеческой субъективности на соприкосновение с подобной реальностью. Опыт современных философов, которые пытаются упразднить корреляционизм, принадлежит онтологии. Поэтому, изучив этот опыт, можно прийти к определенному пониманию онтологического вопроса: возможно ли, избавившись от корреляционизма, соприкоснуться с независимой от человека реальностью, и какова будет эта реальность? Это важно для онтологии, поскольку тут оценивается возможность концептуализировать реальность. В литературе отсутствует критическая работа, которая бы проанализировала успешность решения этой задачи спекулятивным реализмом в целом. В этом отношении, данный текст восполняет названный пробел.

Кроме того, данная работа актуальна, поскольку в ней исследуются ключевые фигуры малоизученного философского направления. Проведенный анализ и сделанные по его результатам выводы о некоторых представителях этого интеллектуального движения привнесут новые знания в комментаторскую традицию, ориентированную на изучение современной философии вообще и онтологической традиции в частности.

Таким образом, актуальность данной работы состоит в том, что в ней, во-первых, проясняется связь с некоррелированной реальностью, во-вторых, восполняется пробел в исследовательской литературе в плане анализа того, насколько успешно спекулятивные реалисты преодолевают корреляционизм.

Проблемное поле исследования

Спекулятивные реалисты, стремясь соприкоснуться с независимой от мышления реальностью, считают необходимым преодолеть корреляционизм, т.е. полностью избавиться от влияния человеческой субъективности на контакт с вещью-в-себе. Чтобы решить данную задачу, считают эти мыслители, нужно понять, каким термином следует определить реальность так, чтобы это понятие не было лишь человеческим конструктом, но каким-то образом схватывало вещь-в-себе. Кроме того, необходимо выяснить, какую позицию субъекту стоит занять в отношении этой реальности для того, чтобы полнее соприкоснуться с вещью-в-себе, не превратив ее благодаря субъективной активности в вещь-для-нас. Должна ли философия прибегать к понятию субъекта, и если да, то какую роль ему следует играть? Также нужно установить, могут ли другие дискурсы (и если да, то какие?) способствовать контакту с некоррелированной реальностью и возможно ли доказать, что подобные дискурсы (например, естественнонаучный, математический или эстетический) действительно способны выводить за пределы мышления.

Этот пучок проблем связан одним общим вопросом, который можно сформулировать в разных версиях: как мы можем, будучи людьми, прикоснуться к тому, что лежит за пределами человеческого? Как, неизбежно находясь в субъективной перспективе, выйти к тому, что с ней не связано? На полное решение обозначенной группы вопросов и главной проблемы, которая их объединяет, претендуют спекулятивные реалисты в лице Квентина Мейясу, Грэма Хармана, Рэя Брассье и Йена Гранта. Работы последнего сегодня пользуются наименьшим интересом, а влияние его текстов на современную онтологию нельзя назвать весомым. Поэтому наше исследование будет сконцентрировано на исследовании преодоления корреляционизма К. Мейясу, Г. Харманом и Р. Брассье, а также на критической оценке достигнутых ими результатов и возможных перспектив движения в этом направлении.

Степень разработанности темы исследования

Нельзя сказать, что существует специальная научная работа, посвященная преодолению корреляционизма в современной онтологии. Едва ли не единственным исследователем, занимающимся поиском различий в интерпретации корреляционизма и изучением проблемы преодоления корреляционизма у новых онтологов, является Н. Янг¹. Но данный исследователь наметил разночтения в понимании корреляционизма лишь у Г. Хармана и К. Мейясу, не затрагивая интерпретацию корреляционизма у Р. Брассье. Кроме того, нужно упомянуть две работы, в которых устанавливаются некоторые характеристики корреляционизма в концепциях спекулятивных реалистов: П. Грэттон «Спекулятивный реализм: проблемы и перспективы»² и Г. Харман «Спекулятивный реализм: введение»³.

П. Грэттон рассматривает лишь отдельные аспекты теорий спекулятивных реалистов, но им высказываются некоторые важные интуиции относительно зависимости этих теорий от корреляционизма. Во второй работе предлагается более обстоятельная реконструкция данных программ, но этот текст отражает собственную точку зрения Хармана. Поэтому непредвзятость хармановской оценки в книге «Спекулятивный реализм: введение» остается под вопросом. Также следует упомянуть еще двух исследователей, которые изучают вопрос преодоления корреляционизма в контексте спекулятивного реализма: Й. Регева⁴ и Д.Ю. Кралечкина⁵. Их работы концентрируются на философии Грэма Хармана и Квентина Мейясу, а идеям Рэя Брассье практически не уделяется внимания.

¹ Young N. On Correlationism and the Philosophy of (Human) Access: Meillassoux and Harman // *Open Philosophy*. – Berlin: De Gruyter, – 2019. – №3. – PP. 42–52.

² Gratton P. *Speculative realism: Problems and Prospects*. – London: Bloomsbury, 2014.

³ Харман Г. *Спекулятивный реализм: введение* / пер. с англ. А.А. Писарева. – М.: РИПОЛ классик, 2020.

⁴ Регев Й. *Невозможное и совпадение: о революционной ситуации в философии* / пер. с иврита М. Макаровского; пер. с англ. П. Хановой. – Пермь: Гиле Пресс, 2016.

⁵ Кралечкин Д. Ю. Мейясу и экономия конечности // *Логос*. – 2013. – Т. 92. – № 2. – С. 44–69.

Поскольку преодоление корреляционизма отчасти совпадает с традицией критики концепции субъекта XIX-XX вв.⁶, то и спекулятивные реалисты, в свою очередь, подвергают сомнению то представление о субъекте, которое было сформировано Декартом⁷ и закреплено Кантом⁸. В некоторой степени обобщающим текстом по критике понятия субъекта является работа под редакцией Ж.-Л. Нанси «Кто придет после субъекта?»⁹. Также ввиду того, что одним из элементов корреляционизма является антропоцентризм, отдельного внимания заслуживает текст Шеффера Ж.-М.

-
- ⁶ Юм Д. Трактат о человеческой природе / пер. с англ. С.И. Церетел. – М.: Мысль, 1965.
Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. второе, Т. 42, М.: Издательство политической литературы, 1974.
Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей (черновики и наброски из наследия Фридриха Ницше 1883–1888 годов в редакции Элизабет Фёрстер-Ницше и Петера Гаста). Пер. с нем. – М.: Культурная революция, 2016.
Фрейд З. Я и Оно / Под. ред. В. Обручева. – М.: АСТ, 2015.
Альтюссер Л. За Маркса / Пер. с франц. А. В. Денежкина. — М.: Праксис, 2006
Лакан Ж. Инстанция буквы в бессознательном или судьба разума после Фрейда / Пер. с фр. А.К. Черноглазова. – М.: Русское феноменологическое общество, Логос, 1997.
Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Пер. с фр. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой. СПб., А-cad, 1994
Барт Р. Смерть автора // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М., 1994 – С. 384–391
Деррида Ж. Письмо к японскому другу // Вопросы Философии. — № 4. — 1992.— С. 53–57
Делез Ж. Логика смысла. — М.: Раритет; Екатеринбург: Деловая книга, 1998.
Ларюэль Ф. Словарь нефилософии // Синий Диван. – 2013. – № 18. С. 7–30.
Анри М. Неинтенциональная феноменология: задача феноменологии будущего // (Пост)феноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами / Сост. С.А. Шолохова, А.В. Ямпольская. — М.: Академический проект, 2014. С. 43–58
Ришир М. Ελοχῆ, мерцание и редукция в феноменологии // (Пост)феноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами / Сост. С.А. Шолохова, А.В. Ямпольская. — М.: Академический проект, 2014. С. 209–229.
⁷ Декарт Р. Размышления о первой философии. СПб.: Азбука, 2000.
Декарт Р. Рассуждение о методе. Разыскание истины / пер. М. Позднева. – СПб.: Азбука, 2018.
⁸ Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н.О. Лосского с вариантами пер. на рус. и европ. языки. – М.: Наука, 1999.
Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике / под ред. А. Сараджева. – Москва; Ленинград: Соцэргиз (ОГИЗ, Государственное социально-экономическое издательство), 1934.
⁹ Who Comes After the Subject? / edited by E. Cadava, P. Connor, J.-L. Nancy – London: Routledge. 1991.

«Конец человеческой исключительности»¹⁰, в котором суммируются неантропоцентристские взгляды, подчерпнутые из разных дискурсов.

Ключевыми работами для исследования проблемы корреляционизма являются труды представителей современного онтологического поворота. В известной книге Квентина Мейясу «После конечности: Эссе о необходимости контингентности»¹¹ философ в наиболее полном виде формулирует концепт «корреляционизма» и аргументы против него. В несколько более позднем тексте «Итерация, реитерация, повторение. Спекулятивный анализ знака, лишённого значения»¹² Мейясу уточняет, но существенно не развивает свою позицию.

В свою очередь, Грэм Харман в тексте «Четвероякий объект: Метафизика вещей после Хайдеггера»¹³ наиболее обстоятельно формулирует основные принципы объектно-ориентированной онтологии. Но в новой работе 2018 года «Объектно-ориентированная онтология: новая теория всего»¹⁴ Харман дополняет и разрабатывает свой проект борьбы с корреляционизмом, обращаясь к эстетическим теориям. Кроме того, в тексте 2018 года Харман иллюстрирует на конкретных примерах, как его теория функционирует на практике. В случае Рэя Брассье мы имеем дело с его интересной и противоречивой, а также плохо известной отечественному читателю книгой – «Несвязанное Ничто: просвещение и вымирание»¹⁵. Кроме того, существует другой текст этого философа – «Трансцендентальная

¹⁰ Шеффер Ж.-М. Конец человеческой исключительности / пер. с фр. С.Н. Зенкина. — М.: Новое литературное обозрение, 2010.

¹¹ Мейясу К. После конечности: Эссе о необходимости контингентности / пер. Л. Медведевой. – М.: Кабинетный ученый, 2016.

¹² Meillassoux Q. Iteration, Reiteration, Repetition : A Speculative Analysis of the Meaningless Sign. Unpublished version / Trans. Mackay R. – 2012. – Berlin: Freie Universität – URL: <https://s3.amazonaws.com/arena-attachments/886529/539a4b4a8c213179c159eefc04a28947.pdf> (дата обращения: 12.07.2021).

¹³ Харман Г. Четвероякий объект: Метафизика вещей после Хайдеггера / пер. с англ. А. Морозова и О. Мышкина. – Пермь: Гиле-Пресс, 2015.

¹⁴ Харман Г. Объектно-ориентированная онтология: новая «теория всего» / Пер. с англ. М. Фетисов. – Москва: Ад Маргинем, 2021.

¹⁵ Brassier R. Nihil Unbound: Enlightenment and Extinction. – London: Palgrave Macmillan, 2007.

логика и истинная репрезентация»¹⁶, судя по которому позиция мыслителя в отношении корреляционизма спустя годы значительно эволюционировала. Кроме названных спекулятивных реалистов, отчасти вопросом борьбы с корреляционизмом занимались Й. Грант¹⁷, Ю. Такер¹⁸, М. Розен¹⁹, Д. Тригг²⁰, Д. Вудард²¹, Н. Ланд²², Н. Срничек²³, А. Уильямс²⁴, Р. Негарестани²⁵ и П. Вульфиндейл²⁶.

Успешность преодоления корреляционизма спекулятивными реалистами исследовалась некоторыми авторами лишь местами. Самые обстоятельные работы, в которых подход Грэма Хармана рассматривается на предмет зависимости от корреляционизма, принадлежат П. Вульфиндейлу²⁷ и Д.О. Головашиной²⁸. Частные трудности хармановской

¹⁶ Brassier R. Transcendental Logic and True Representings. – 2016. URL: <http://www.glassbead.org/article/transcendental-logic-and-true-representings/?lang=enview> (дата обращения: 18.12.2021)

¹⁷ Brassier R., Grant I. H., Harman G., Meillassoux Q. Speculative Realism // Collapse. — 2007. — Vol 3.

¹⁸ Такер Ю. Ужас философии: в 3 т / Пер. с англ. А. Иванова. – Пермь: Гиле Пресс, 2017.

¹⁹ Розэн М. Спекулятивный аннигиляционизм: Пересечение археологии и вымирания / Пер. с англ. Г. Коломийца. – Пермь: Гиле Пресс, 2021.

²⁰ Тригг. Д. Нечто: Феноменология ужаса / пер. с англ. Я. Цырлиной и Д. Чулакова. – Пермь: Гиле Пресс, 2017.

²¹ Вудард Д. Динамика слизи. Зарождение, мутация и ползучесть жизни / пер. с англ. Хамис. — Пермь: Гиле Пресс, 2016.

²² Land N. The Thirst for Annihilation: Georges Bataille and Virulent Nihilism. – London: Routledge, 1992.

²³ Срничек Н., Уильямс А. Манифест акселерационистской политики / Пер. с англ. Д. Колесника // Логос. – 2018. – Т.28. – №2. С. 7–20.

²⁴ Срничек Н., Уильямс А. Изобретая будущее. Посткапитализм и мир без труда. — М.: Strelka Press, 2019.

²⁵ Negarestani R. Intelligence and Spirit. – Falmouth: Urbanomic, 2018.

Негарестани Р. Циклопедия: соучастие с анонимными материалами / пер. с англ. П. Хановой. – М.: Носорог, 2019.

Негарестани Р. Что такое философия? URL: <http://www.philosophystorm.org/reza-negarestani-cto-takoe-filosofiya> (дата обращения: 09.03.2022).

Негарестани Р. Работа нечеловеческого // Логос. – 2021. – Т.31. – №3. – С. 1–38

Негарестани Р. Мертвая невеста. URL: <https://syg.ma/@yanavolkova/rieza-nieghariestani-miortvaia-nieviesta> (дата обращения: 13.03.2022)

²⁶ Wolfendale P. The Reformatting of Homo Sapiens Wolfendale, P. // Angelaki. – 2019. – Vol. 24 – №1– PP. 55–66.

²⁷ Wolfendale P. Object-Oriented Philosophy: The Noumenon's New Clothes. Urbanomic, 2014.

²⁸ Головашина О.В. Объективная онтология? Метафизика Г. Хармана // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. – 2018. – Т. 34. – С. 4 – 16.

антикорреляционисткой программы изучались С. Пиллардом²⁹, Т. Ву³⁰, С. Шавиро³¹ и Д.И. Вяткиным³². В случае Квентина Мейясу существуют работы, в которых его некорреляционистская онтология анализировалась наиболее пристально, например, книга известного исследователя П. Грэттона³³, а также труд, написанный о Мейясу его коллегой Харманом³⁴. Отчасти успешность преодоления корреляционизма Мейясу рассматривали в своих критических статьях А. Галлуэй³⁵, Дж. Бэкман³⁶, К. Малабау³⁷, А. Тоскано³⁸ и Д. Хамис³⁹. Исследовательской литературы, посвященной Рэю Брассье, не так много: нет книг о философии этого автора, есть лишь некоторые статьи на английском языке. Среди таких текстов о Брассье отсутствуют те, в которых предпринимается попытка провести системную критику данного философа на предмет зависимости его теории от корреляционизма. Тем не менее существуют статьи Д. Ли⁴⁰, Дж. Родэна⁴¹, Р. Годарда⁴², А. Мендизабаля⁴³ и А.

²⁹ Parildar S. All For A Realist Defense of Metaphysics: Graham Harman vs. Peter Wolfendale.

—
URL:https://www.researchgate.net/publication/337200299_All_For_A_Realist_Defense_of_Metaphysics_Graham_Harman_vs_Peter_Wolfendale (дата обращения: 20.01.2022)

³⁰ Wu T. A Dream of a Stone: The Ethics of De-anthropocentrism // *Open Philosophy*. – 2020. – №3. – PP. 413–428

³¹ Шавиро С. Вселенная вещей // *Логос*. – 2017. – № 3. – С. 127–152.

³² Вяткин Д. «Плазма в себе»: между онтологией и эпистемологией // *Логос*. – 2017. – № 3. – С. 57–82.

³³ Gratton P. and Paul J. Ennis *The Meillassoux dictionary*. Edinburgh: Edinburgh University Press Ltd, 2015.

³⁴ Harman G. *Quentin Meillassoux: Philosophy in the Making*. Edinburgh. University Press, 2011.

³⁵ Galloway A.R. The Poverty of Philosophy: Realism and Post-Fordism // *Critical Inquiry*. – 2013. – Vol. 39. – №2. – PP. 347–366

³⁶ Backman J. Transcendental Idealism and Strong Correlationism: Meillassoux and the End of Heideggerian Finitude // *Phenomenology and the Transcendental*, ed. Sara Heinämaa, Mirja Hartimo, and Timo Miettinen. – 2014. – PP. 276–294.

³⁷ Малабу К. Можем ли мы отказаться от трансцендентального? / пер. с англ. М. Д. Мирошниченко // *Философский журнал*. – 2018. – Т. 11. – № 1. – С. 99–110.

³⁸ Тоскано А. Против спекулятивизма // *Логос*. – 2013. – Т.92. – №2. – С. 81–93.

³⁹ Хамис Д. Пустота корреляционизма. // *Логос*. – 2013. – Т.92. – №2. – С. 113–127.

⁴⁰ Le V. The Decline of Politics in the Name of Science? Constellations and Collisions between Nick Land and Ray Brassier // *Cosmos and History: The Journal of Natural and Social Philosophy*. – 2018. – Vol. 14. – №. 3. – PP. 31–50

⁴¹ Roden D.J. Promethean and Posthuman Freedom: Brassier on Improvisation and Time // *Performance Philosophy*. – 2019. – Vol. 2. – №4. – PP. 510–527.

Лонго⁴⁴, в которых обсуждаются слабые места концепции Брассье. Таким образом, наше исследование восполняет пробел в литературе, связанный с отсутствием обобщающей работы, в которой бы давалась критическая оценка успешности преодоления корреляционизма спекулятивными реалистами.

Цели и задачи исследования

Целью данной работы является реконструкция проектов преодоления корреляционизма, а также установление их истоков и выявление трудностей при реализации этих программ.

Осуществление поставленной цели предполагает решение следующих четырех задач:

1. Определить основные проблемы, сформулированные спекулятивным реализмом, и выявить мотивы их постановки.
2. Установить предпосылки современного онтологического поворота.
3. Реконструировать программы преодоления корреляционизма Грэма Хармана, Квентина Мейясу и Рэя Брассье.
4. Выявить достоинства и недостатки, которыми обладают данные подходы.

Объект и предмет исследования

Объектом исследования являются концепции спекулятивного реализма.

Предметом же выступают особенности программ преодоления корреляционизма в работах Грэма Хармана, Квентина Мейясу и Рэя Брассье.

⁴² Goddard R. Honouring Nihilism. A Review of Ray Brassier's Nihil Unbound: Enlightenment and Extinction // Other Education: The Journal of Educational Alternatives. – 2016 – Vol. 5. – №2 – PP. 56–86

⁴³ Mendizabal A.D. _Who is time?_: Brassier on Heidegger's Philosophy of Time. – URL: <https://omnitudo.wordpress.com/2015/09/21/who-is-time-brassier-on-heideggers-philosophy-of-time/> (дата обращения: 18.12.2021)

⁴⁴ Лонга А. Вне-научная фантастика и истории ужаса (Квентин Мейясу и Рэй Брассье) / пер. с фр. – URL: <http://s357a.blogspot.com/2019/01/blog-post.html> (дата обращения: 17.03.2022)

Методология диссертационного исследования

Проводимое исследование не следует какому-либо подходу, предлагаемому представителями онтологического поворота, но стремится дать собственную оценку успешности попыток преодоления корреляционизма у спекулятивных реалистов. Для исполнения этой задачи нами были использованы вполне традиционные методы реконструкции, интерпретации и сравнения.

Научная новизна исследования

1. Выявлены теоретические истоки спекулятивного реализма.
2. Показано, что у спекулятивных реалистов отсутствует полное согласие относительно понимания термина «корреляционизм».
3. Установлено, что идеи «объекта» у Грэма Хармана, «абсолюта» у Квентина Мейясу и «материи» у Рэя Брассье не соответствуют кантовской концепции вещи-в-себе.
4. Доказано, что каждый из трех представителей спекулятивного реализма не преодолевает корреляционизм, а, наоборот, его усиливает. В своих концепциях субъекта и способах приближения к вещи-в-себе, а также в основных идеях, предлагаемых взамен корреляционизму, спекулятивные реалисты упускают бытие само по себе и полностью концентрируют свое внимание на скоррелированной реальности.

Положения, выносимые на защиту

1. Спекулятивный реализм как философское движение начала XXI века имеет теоретические истоки, к числу которых относятся критика концепций субъекта в философии XIX-XX вв., ностальгия по независимому от мышления бытию докантовской догматической онтологии, посткантовская критика метафизики и постметафизические концепции бытия, а также антиантропоцентристские интерпретации некоторых естественнонаучных теорий.

2. Спекулятивный реализм представляет собой набор гетерогенных программ, которые, за исключением желания преодолеть корреляционизм, практически не имеют ничего общего и во многих ключевых аспектах противоречат друг другу, поэтому нельзя говорить о спекулятивном реализме как сколько-нибудь едином движении. Так, подходы Грэма Хармана, Квентина Мейясу и Рэя Брасье значительно отличаются друг от друга в плане понимания независимой от мышления реальности и способов борьбы с корреляционизмом. Также радикально различаются предлагаемые этими философами антикорреляционистские стратегии.

3. Принципиальные отличия в понимании корреляционизма в подходах спекулятивных реалистов не позволяют утверждать, что среди этих философов существует общее представление о корреляционизме. Преодоление корреляционизма, согласно Грэму Харману, должно подразумевать отрицание субъекта, в то время как Квентин Мейясу и Рэй Брасье считают необходимым присутствие фигуры субъекта.

4. Претензии трёх представителей спекулятивного реализма на преодоление корреляционизма не обоснованы, наоборот, данные мыслители в своих подходах только усиливают влияние человеческой оптики в философии. Квентин Мейясу и Рэй Брасье упраздняют в своих концепциях реальность саму по себе, а Грэм Харман распространяет очеловеченное представление о реальности на всю реальность.

5. В подходах спекулятивных реалистов вещь-в-себе в качестве их основного предмета рассмотрения подменяется вещью-для-нас. «Объекты» в теории Грэма Хармана, «Абсолют» у Квентина Мейясу и «материя» в философии Рэя Брасье являются лишь произвольными конструктами мышления и не схватывают вещь-в-себе.

Теоретическая и практическая значимость исследования

Теоретически данное исследование важно с точки зрения того, что в нем выявляются актуальные тренды в онтологии. Также в этой работе

устанавливаются преемственность и различие между онтологическими традициями прошлого и настоящего. Кроме того, для более адекватного понимания связи с вещью-в-себе, предлагаются способы уменьшения значимости корреляционизма в философии: концепция пассивного субъекта (как такого субъекта, который смещает свое внимание со скоррелированной реальности на нескоррелированную), представление о несводимости реальности к мышлению и идея зависимости мышления от влияния нескоррелированной реальности.

В практическом отношении материалы данного исследования могут быть использованы для специализированных учебных курсов по онтологии и современной континентальной философии. Также полученные здесь результаты способны дополнить общеобразовательные курсы по философии для непрофильных направлений.

Степень достоверности и апробация результатов исследования

Результаты проведенной работы были подкреплены ссылками на изыскания авторитетных и компетентных исследователей в сфере современной онтологии. Методология данного диссертационного исследования опирается на всесторонний и подробный анализ своего предмета. Основные положения и выводы исследования были изложены в четырех научных работах, опубликованных в изданиях, отвечающих требованиям п. 2.3 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова:

I. Публикации в рецензируемых изданиях, индексируемых в международных базах Web of Science, Scopus, RSCI:

1. Девайкин И.А. Онтологические концепции Г. Хармана и К. Мейясу // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2022. – № 66. – С. 38–46 (Web of Science, RSCI; JCI – 0,13, пятилетний импакт-фактор РИНЦ – 0,544).

II. Публикации в журналах, включенных в Список рецензируемых научных изданий по философским наукам, утвержденный решением Ученого совета МГУ имени М.В. Ломоносова:

2. Девайкин И.А. О понятии корреляционизма: К. Мейясу, Г. Харман, Р. Брассье // Идеи и идеалы. – 2022. – Т. 14, № 1, ч. 1. – С. 82–99 (пятилетний импакт-фактор РИНЦ – 0,408).
3. Девайкин И.А. Векторный субъект в фактуальной онтологии К. Мейясу // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. – 2021. – Т. 21, № 3. – С. 247–251 (пятилетний импакт-фактор РИНЦ – 0,432).
4. Девайкин И.А. Критика «метафизики субъективности» в философии М. Хайдеггера // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. – 2021. – № 3. – С. 93–98 (пятилетний импакт-фактор РИНЦ – 0,190).

Работа прошла обсуждение на заседании кафедры онтологии и теории познания философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова и была рекомендована к защите.

Главные результаты диссертационного исследования и возможности их теоретического применения в различных предметных областях были представлены на следующих конференциях, круглых столах и семинарах:

1. Доклад: «Как на путях преодоления субъекта создается онтология нечеловеческого? Хайдеггер, Харман, Мейясу, Брассье» / Всероссийская научная конференция "Философия перед лицом новых цивилизационных вызовов", Москва, Россия, 4–5 февраля 2022;
2. Доклад: «Едины ли спекулятивные реалисты в интерпретации корреляционизма?» / Актуальные проблемы онтологии и теории познания – Москва, Россия, МГУ имени М.В. Ломоносова, Философский факультет, Россия, 16 октября 2021;
3. Доклад: «Спекулятивный реализм: основные сюжеты» /Московский семинар по философии математики, Москва, Россия, 8 октября 2021;
4. Доклад: «Деструкция субъекта в философии "раннего" Хайдеггера» / Восьмой Российский Философский Конгресс – «Философия в полицентричном мире». Секции (I), Москва, Россия, 2022.

Глава 1. Постановка проблемы. Истоки спекулятивного реализма

1.1. Преодоление корреляционизма как проблема современной онтологии

В 2007 году философы Квентин Мейясу, Грэм Харман, Рэй Брассье и Йен Грант провели воркшоп под названием «спекулятивный реализм». Из этой четверки по сей день наименьшим влиянием, насколько нам известно, пользуются работы Гранта. За остальными тремя участниками самопровозглашенного движения закрепилась репутация зачинателей нового онтологического поворота⁴⁵. Поэтому если мы хотим нечто узнать о состоянии современной онтологии, феномен спекулятивного реализма нельзя обойти вниманием.

Близкий к этому кругу философ Леви Р. Брайант пишет, что вопросы онтологии не сводятся к «эпистемологии и должны предшествовать им как вопросам о нашем доступе»⁴⁶. Конечно, в подобном духе высказывался в начале 20 века Гартман⁴⁷. В ту же эпоху и хайдеггеровская фундаментальная онтология, а потом философия другого Начала пыталась перевести трансцендентализм в онтологическую плоскость. Как видно, оба онтологических поворота связаны, но в чем их принципиальное различие? Представляется, оно состоит в том, что сегодняшнюю онтологию особенно интересует бытие, которое для своего существования не нуждается в наблюдателе⁴⁸. Нельзя сказать, что онтологов прошлого столетия совсем не занимал данный вопрос (к примеру того же Гартмана). Но дело в том, что спекулятивный реализм делает бытие, понятое таким образом, основным

⁴⁵ О том, что новый онтологический поворот совершил именно спекулятивный реализм, пишет, например, Д.Ю. Кралечкин. См. Кралечкин Д. Ю. Мейясу и экономия конечности // Логос. – 2013. – Т. 92. – № 2.

Онтологический поворот – тема не новая для европейской философии последнего столетия. Традиционно данное интеллектуальное течение связывают с мыслью Николая Гартмана и Мартина Хайдеггера.

⁴⁶ Брайант Л. На пути к окончательному освобождению объекта от субъекта // Логос. – 2014. – Т. 24. – №4. – С. 280.

⁴⁷ См. Гартман Н. К основоположению онтологии / Пер. с нем. Ю.В.Медведева под ред. Д. В. Складнева. — СПб.: Наука, 2003.

⁴⁸ Такое бытие мы дальше будем называть нескоррелированным бытием, вещь-в-себе и просто в-себе.

предметом своего рассмотрения, а также борется с антропоцентризмом. Именно в этом специфика сегодняшнего поворота и это интересно исследовать.

Так, Мейясу разъясняя вопрос который он перед собой ставит, пишет: «как мышление может получить доступ к нескоррелированному — к миру, способному продолжать существовать, не будучи данным... бытию настолько непривязанному... настолько сильно отделенному от мышления, что оно предоставляет себя как безотносительное к нам — способное существовать независимо от того, существуем мы или нет»⁴⁹. Зачем современным онтологам понадобилось именно такое понимание бытия? Судя по их текстам, можно предположить, что эти мыслители исходят из ощущения хрупкости и незначительности человека в современном мире. Бытие, которое они ищут, способно на все, даже на невысказанное для человека. Но одним ли этим чувством исчерпывается обращение к нескоррелированному бытию? Думается, что нет. Вопрос заключается в возможности существования онтологии как таковой.

В чем специфика онтологии? Что для нее бытие? Из перспективы спекулятивного реализма можно сказать, что бытие это некоторое самое общее понятие, которым мы маркируем реальность существующую независимо от нас. И не мы конструируем такое бытие, но скорее сами являемся продуктами его влияния. Особенно, эту пассивность нас как субъектов подчеркивают представители сегодняшнего онтологического поворота. Их учение о бытии ищет подобную реальность и стремится установить, что она такое. Онтология пытается обнаружить общие свойства этого бытия. Но как их найти, если бытие есть то, благодаря чему определяется все остальное, т.е. бытие проблематично охарактеризовать лишь из него самого? Ответов возможно два: первый состоит в том, что бытие обнаруживается в сущем, второй – что все же можно найти подход к

⁴⁹ Мейясу К. После конечности: Эссе о необходимости контингентности / пер. Л. Медведевой. – М.: Кабинетный ученый, 2016. С. 35.

бытию самому по себе. В русле этих вполне традиционных для онтологии вопросов движется мысль спекулятивных реалистов.

Не менее значимым вопросом для онтологии является выяснение того, «кто» взаимодействует с бытием. Точнее, что нужно произвести с этим «кто» или что он должен сделать сам с собой, чтобы обнаружить бытие? Если подлинным бытием для спекулятивного реализма является нескоррелированное бытие, то кто повинен в корреляции? Субъект. Он относится к бытию так, будто оно существует лишь благодаря мышлению. Таким образом, какова, пожалуй, центральная проблема, которую ставит перед собой современная онтология? Это проблема преодоления корреляционизма.

Что понимать под корреляционизмом? Вопрос чрезвычайно трудный. Самим спекулятивным реалистам, невзирая на их заявления, не удастся договориться насчет этого термина. Обстоятельнее интерпретацию корреляционизма в случае каждого из представителей современного онтологического поворота мы разберем в следующей главе. Здесь вкратце обозначим, что корреляционизм – это зонтичный термин, который включает в себя, по нашему мнению, три темы: субъект, антропологизм и примат корреляции. Итак, в первую очередь корреляционизм соотносится с субъектом. Вообще, в определенном аспекте антикорреляционизм требует приравнивания субъекта к объекту. Субъект наряду с другими сущими рассматривается в качестве подчиненного некоторому принципу. Раз существует такое условие, то субъект перестает быть онтологически отличным от других сущих⁵⁰. По мнению спекулятивных реалистов, корреляционизм отстаивает (явно или нет) бытийное превосходство субъекта

⁵⁰ Данный тезис содержится у Хармана, но также отчасти он характерен для философии Мейясу и Брассье. Так, согласно Мейясу, контингентность безразлична к разделению на субъекта и других сущих, поскольку всё в равной степени не имеет достаточного основания. Идея вымирания у Брассье также предполагает аннигиляцию всего, а, следовательно, делает субъекта онтологически равным другому сущему.

перед другим сущим⁵¹, т.е. он защищает ту идею, что есть некоторая инстанция (субъект), благодаря которой существует весь остальной мир.

Кроме того, корреляционизм в текстах новых онтологов сближается (но не отождествляется) с понятием антропологизма. Последнее означает перенесение человеческих свойств вроде воли, жизни, мышления или чувственности на бытие. В этом смысле Кант, признававший существование вещи-в-себе, не антропологизировал реальность. В данном случае, скорее, имеются в виду те мыслители, которые, либо прямо отрицают существование вещи-в-себе (например, Деррида или Латур⁵²), либо не считают нужным уделять ей особое внимание, поскольку субъект якобы обречен иметь дело только с бытием-для-нас. В этом смысле спекулятивные реалисты (в особенности Мейясу и Брассье) считают, что некоторые корреляционисты склонны антропоморфизировать реальность. Также современные онтологи требуют элиминирования (или, мы бы сказали мягче, — уменьшения значимости) таких антропных феноменов, как смысл, цель, ценность, культура, история и язык⁵³. Забегая вперед, можно сказать, что под именем антропологизма, указанного нами, Мейясу будет определять «субъектализм».

Наконец, перейдем к третьему компоненту, из которого, как мы считаем, состоит корреляционизм. Что представляет собой сама корреляция? Только ли это связь между двумя инстанциями? Да, это так. Скажем, в конкретной стране существует корреляция между уровнем благосостояния населения и уровнем преступности. Этому ли корреляционизму

⁵¹ Из всех спекулятивных реалистов особенно активно субъектоцентризму противостоит Харман.

⁵² В данном случае Деррида и Латур отвергают вещь-в-себе. Кроме того, из перспективы спекулятивного реализма деконструкция напоминает сомнение субъекта, опрокинутое в мир, а нечеловеческие акторы АСТ можно рассмотреть в качестве сущностей, на которые человек перенес свою способность действовать.

⁵³ На первый взгляд может показаться, что здесь спекулятивные реалисты попадают в противоречие, когда выступают за бытие, которое находится вне языка, и при этом составляют тексты об этом бытии. Или противоречат они себе, провозглашая бытие ценностно нейтральным, а сами в погоне за бытием, наделяют его ценностью. Но, по их мнению, здесь нет противоречия, поскольку выражая реальность в словах или наделяя (отрицая) её ценностью, мы не влияем на саму реальность; если мы думаем о мире, это не означает, что он населяется нашим мышлением.

противопоставляет себя спекулятивный реализм? Отчасти да, поскольку в данном примере говорится, что преступность порождена бедностью, а бедность является следствием преступности. Выходит, что сам факт существования бедности поддерживается преступностью и наоборот. Таким образом, первичны не сами инстанции, а связь между ними, т.е. оба факта (в том виде, в каком они есть) не существуют без отношений между ними.

Спекулятивный реализм по преимуществу имеет в виду определенный вид корреляции: корреляции между мышлением и бытием. По нашему мнению, спекулятивные реалисты делают акцент на освобождении от корреляции, скорее, бытия, а не мышления. Новые онтологи стремятся обосновать самостоятельное существование бытия и отвести корреляции второстепенную роль. Для них ключевым является вопрос: как соприкоснуться именно с самостоятельно существующим бытием, а не с фантомом, созданным нашим мышлением?

Итак, корреляционизм, судя по текстам спекулятивных реалистов, имеет три главные составляющие: субъектоцентризм, антропологизм и первичность корреляции. Все три компонента, конечно, пересекаются в некоторых аспектах. Скажем, субъект сближается с человеком, поэтому субъектоцентризм иногда у современных онтологов отождествляется с антропоцентризмом. Впрочем, это происходит не всегда, и к тому же подобное отождествление чрезвычайно рискованно в контексте современных дискуссий о субъекте⁵⁴. Кроме того, в некотором отношении, например, антропологизм базируется на первичности корреляции. Поскольку корреляцией из известных нам существ увлечен именно человек, то принимая, что мы можем говорить не о бытии самом по себе, а только о

⁵⁴ Внутри современной философии, придерживаясь различия человека и субъекта, стараются работать Бадью, Жижек, Брайдотти, а также представители неорационализма (скажем, Негарестани и Вульфиндейл). См. Бадью А. Философия и событие. Беседы с кратким введением в философию Алена Бадью / пер. с фр. Д. Кралечкина. – М.: Институт общегуманитарных исследований 2013., Жижек С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии / Пер. с англ. С. Шуковой. – М.: Дело, 2014., Брайдотти Р. Постчеловек // Пер. с англ. Д. Хамис, под ред. В. Данилова. – Москва: Издательство Института Гайдара, 2021.

бытию в корреляции, человек неизбежно переносит антропные черты на бытие. У спекулятивных реалистов мы не находим сколько бы то ни было подробных и убедительных реконструкций корреляционизма (кроме, пожалуй, Мейясу). Мы считаем, что этот зонтичный термин «корреляционизм» подразумевает три темы, границы между которыми порой условны.

Что же не так с корреляционизмом? Если вкратце, то Мейясу считает, что корреляционизм противоречит себе (когда отрицает то, что может иметь дело с реальностью, изначальное обращение к которой и сделало возможным сам факт отрицания) и закрывает от нас бытие. В свою очередь, Харман полагает, что корреляционизм необоснованно рассматривает отношения только между человеком и миром, в то время как реальность гораздо богаче. Брассье же считает, что отрицание нескоррелированного бытия ведет к неадекватному представлению о мышлении и научной работе. По нашему же мнению, и, представляется, спекулятивные реалисты бы с этим согласились, корреляционизм затрудняет понимание мира и нашего места в нем. В чем это проявляется? В том, что корреляционизм недооценивает влияние нескоррелированного бытия, например тех же природных катаклизмов или микроорганизмов. Также часто он оставляет без должного внимания то, благодаря чему вообще возможно мышление, например, те же материальные вещи, которые нас окружают.

Итак, что именно требуют современные онтологи сделать с корреляционизмом? Видимо, правильнее всего это назвать «преодолением», или хотя бы «снижением роли» корреляционизма. Почему мы выбираем именно такую терминологию? Понятие «преодоление» будет означать полное нивелирование корреляционизма. На подобный успех очевидным образом претендует Мейясу и отчасти Харман с Брассье. Мы утверждаем, что совершенное упразднение корреляционизма, вероятно, не осуществимо⁵⁵.

⁵⁵ Размышляя насчет упразднения корреляционизма, сложно занять однозначную позицию, поскольку, с одной стороны, некоторые из стратегий предложенных

И полагаем, что окончательно избавиться от всех трех частей корреляционизма (субъектоцентризма, антропологизма и примата корреляции) не удалось никому из спекулятивных реалистов. Поэтому наша позиция состоит в том, что никто из современных онтологов не смог предложить принцип, который бы окончательно приравнивал субъекта к другим вещам, а также представить абсолютно достоверного критерия, который бы гарантировал отличие в-себе от для-нас.

В таком случае нами было принято решение занять умеренную позицию и говорить лишь о снижении роли корреляционизма. Следует признать факт существования фигуры субъекта. Что не менее важно, этот субъект будет пассивен в отношении нескоррелированного бытия. Подобная реальность знакома каждому, так как все мы в повседневной жизни испытываем воздействие внешних сил на нас. Случайная аффектация со стороны вещи-в-себе захватывает нашу чувственность и впоследствии становится тем, что превращается в эмпирический опыт, который уже скоррелирован. Тем не менее от первичного столкновения с независимой реальностью нельзя избавиться, и для приближения к этому нескоррелированному бытию следует признать непознаваемость и подчиняющее воздействие вещи-в-себе.

Поэтому мы полагаем, что корреляция и вместе с ней корреляционизм являются нередуцируемыми структурами в силу существования инстанции субъекта. Но какой же выход из сложившейся ситуации? Стоит ли вообще браться за преодоление корреляционизма, раз данная задача заведомо невыполнима? Полагаем, что стоит. Ведь в каком-то отношении философия — это про возможность невозможного. Но более веские основания для оптимизма все-таки нам дает опыт спекулятивного реализма. Мы считаем,

спекулятивным реализмом способствуют интенсификации нашего контакта с реальностью, с другой, — нельзя представить себе то состояние, когда мы полностью освободимся от представления, что реальность есть феномен опыта. Мы полагаем, что окончательно избавиться от корреляционизма (т.е. от всех его трех компонентов) не получится никогда. Это, пожалуй, возможно лишь в случае буквальной смерти всех людей, но тогда проблема корреляционизма будет решена сама собой.

что некоторые концепции представителей нового онтологического поворота отчасти позволяют нам в какой-то мере соприкоснуться с в-себе и уменьшить влияние субъективной корреляции.

Пунктирно обозначим, какие идеи мы имеем в виду. Во-первых, это снижение активности субъекта (познавательной и практической) в отношении бытия. Подобная позиция позволяет всмотреться в нескоррелированное бытие, которое на нас исходно влияет⁵⁶. Но что претерпевается нами с особой силой? Гартман считал, что это «космический контекст»⁵⁷, с чем, пожалуй, согласились Харман, и особенно Брассье⁵⁸. Здесь важно заметить, что спекулятивному реализму удалось защитить «слабый корреляционизм», который постулирует вещь-в-себе (поучаствовал в этом и Мейясу, как бы он к этому сам не относился).

Другой тезис, который пускай и не находится в центре работ новых онтологов, но нам представляется, что они следуют именно ему. Речь о том, что в качестве критерия встречи с нескоррелированным бытием было выдвинуто чувство «разочарования». Слова Мейясу: «...самым ценным должно стать это разочарование... критерием правильного решения *[проблемы корреляционизма — ДИ]* должно быть чувство отрезвления, с которым читатель сможет понять его и сказать себе: “Так это было всего

⁵⁶ Гартман пишет: «*[Субъект — ДИ]* испытывает их *[вещи — ДИ]*, одобряя или отрицая, чувствует поддержку или гнет с их стороны, но он не может безоговорочно выйти из них. Он в них заключен. А эта заключенность, в свою очередь, воспринимается как власть, как гнет, как судьба. Именно тяжесть, сопротивление, жесткость реального испытываются, переживаются, претерпеваются и повсюду в собственной жизни — явная, непосредственная достоверность в-себе-бытия». Гартман Н. К основоположению онтологии / Пер. с нем. Ю.В.Медведева под ред. Д. В. Складнева. — СПб.: Наука, 2003. С. 386.

⁵⁷ Ещё цитата из Гартмана: «Но порой космический контекст выступает, подавляя собой, словно сбивая все с ног, в непосредственную данность, и тогда затронутость человека достигает степени интенсивности, оставляющей далеко позади себя всякий прочий опыт. Землетрясения, извержения вулканов, наводнения заставляют его содрогнуться до глубины души, почувствовать себя мелким, зависимым, подвластным...». Гартман Н. К основоположению онтологии / Пер. с нем. Ю.В.Медведева под ред. Д. В. Складнева. — СПб.: Наука, 2003. С.453-454.

⁵⁸ Кроме того здесь можно упомянуть размышления Ж.-Ф. Лиотара о солярной катастрофе. См. Lyotard J-F. Can Thought go on Without a Body. The Inhuman: Reflections on Time, tr. G. Bennington and R. Bowlby, Stanford, CA: Stanford University Press, 1991.

лишь...»⁵⁹. В каком смысле мы можем быть разочарованными? Например, от чувства неразделенной любви. Но в данном случае подразумевается более глубокая разочарованность, скажем, своим незначительным положением в мире и осознанием безразличия к нам реальности, с которой мы всегда связаны.

Вероятно, намеченные нами критерии не являются безусловными и требуют доработки. Но все же минимизация корреляционизма возможна, и задействие обозначенных концепций может этому способствовать. Так в чем же собственно состоит основная трудность, к решению которой приходится прикладывать немалые усилия и разворачивать целые философские программы? Она состоит в том, что корреляционизм мы вынуждены преодолевать изнутри него самого, поскольку фактически мы вписаны в нашу антропную субъективную оптику. Таким образом, новые онтологии, по большому счету, в пределе требуют невозможного: мыслить бытие посредством мышления, не наделяя реальность при этом чертами мыслящего существа. Как прервать корреляцию, если мы всегда втянуты в неё? Как добраться до независимого от субъекта бытия, если мы не можем выйти за пределы субъекта? Собственно, хотя эти вопросы по всей видимости не решены сейчас, нечто в этом направлении все же было сделано спекулятивным реализмом (имеются в виду обозначенные нами выше критерии встречи с бытием и меры отказа от себя), а значит и попытки справиться с данными проблемами не стоит окончательно оставлять.

Таким образом, спекулятивный реализм ставит целью преодоление корреляционизма для того, чтобы решить проблему забвения некоррелированного бытия. Преодоление состоит в том, чтобы мыслить бытие в обход корреляции. Но мы сталкиваемся с той трудностью, что люди всегда уже ввязаны в корреляцию. Попытка прояснить независимое от нас бытие поможет адекватнее взглянуть на реальность и наше положение в

⁵⁹ Мейясу К. После конечности: Эссе о необходимости контингентности / пер. Л. Медведевой. – М.: Кабинетный ученый, 2016. С. 104.

ней⁶⁰, а также способствует пониманию специфики и механизмов функционирования современной онтологии.

1.2. Предпосылки современного онтологического поворота

«философия начинается с Канта...Все, что было до Канта, было предисловием...»⁶¹

С. Жижек

Дабы облегчить понимание читателем излагаемого в этой работе материала, все исследование будет состоять из трех блоков. Первый посвящен истокам новейшего онтологического поворота, второй – реконструкции и интерпретации проектов этого движения, третий – критической оценке этих подходов. Данная структура представляется достаточно понятной и не нуждающейся в дополнительном обосновании.

Ранее мы обсуждали ключевые вводные положения, связанные с нашим исследованием и, забегая вперед, уже высказали свое мнение насчет онтологического поворота. Тем не менее данная работа посвящена в первую очередь не созданию какой-то своей версии спекулятивного реализма, сколько исследованию существующих. Раз так, то имеет смысл обратиться к контексту, на который реагируют современные онтологи. Изучаемое нами движение достаточно молодое и, пожалуй, нет работ, в которых бы системно

⁶⁰ Своего рода критику на корреляционизм можно обнаружить у В.И. Ленина в работе «Материализм и эмпириокритицизм». В ней Ленин выступал скорее с докритических позиций (в отличие от спекулятивных реалистов), что по меркам современной философии является архаизмом. Советская традиция диалектического материализма также критиковала тезис о несводимости реальности к мышлению, и делала это, помимо прочего, ради того, чтобы сформировать адекватное представление о мире и нашем месте в нем. Но подобное философское направление базировалось, по нашему мнению, на двух устаревших постулатах, во-первых, тождестве бытия и мышления, во-вторых, антропоцентризме. Оба эти положения критикуются современной философией, поэтому наше внимание привлекли именно спекулятивные реалисты, а не диалектический материализм.

⁶¹ Жижек «Философия начинается с Канта и заканчивается Гегелем // Логос. – 2007. – Т.58 – №1. – С. 8

излагались его истоки. Мы тоже, однако, не претендуем на исчерпывающий охват предпосылок. На наш взгляд, удачным решением было бы сформулировать лишь некоторые из них, ограничившись определенными рамками. Какие критерии здесь можно задать? Один из выходов состоит в том, чтобы попытаться найти те сюжеты, вокруг которых движется мысль этих философов. Видимо, основной интерес новые онтологи проявляют к тому, что лежит за пределами субъективности. Что представляет собой эта реальность, как к ней подойти и что этому мешает?

Фигурой, без которой бы постановка подобных вопросов не могла состояться, является Кант. Многие значимые европейские философы последних двухста лет, по различным основаниям отмечали принципиальную значимость этого мыслителя. Но чем философия Канта так важна для новых онтологий? Трансцендентализм объявил, что философия не может заниматься реальностью как таковой, с которой работала докритическая мысль⁶².

В каком-то смысле, спекулятивный реализм проводит обратную мысль. Например, Мейясу пишет, что «до Канта одной из основных философских проблем было, как помыслить субстанцию...»⁶³, к которой необходимо возвращаться. Однако не нужно обманываться тем, что Мейясу в данном случае подразумевает под субстанцией именно ту сущность, которой интересовались новоевропейские метафизики вроде Декарта, Спинозы и Лейбница. Думается, что в данном случае имеется в виду нечто странное, именуемое Мейясу «абсолютом». Означает ли это, что Мейясу просто предлагает вернуться в докритическую метафизику? И да, и нет. Философ имеет в виду такую вещь, которую мы мыслим, когда одновременно удерживаем докритический и критический взгляд на мир. Звучит очень странно и с этим можно попробовать разобраться.

⁶² В данном случае под «докритической философией» будет подразумеваться вся европейская мысль вплоть до Канта.

⁶³ Мейясу К. После конечности: Эссе о необходимости контингентности / пер. Л. Медведевой. – М.: Кабинетный ученый, 2016. С. 12.

Что привлекает Мейясу и его товарищей в докритической мысли? Это сложно сформулировать и выразить точным термином. Видимо, то, что европейская философия до трансцендентального поворота, в основном бессознательно верила в реальность, существующую независимо от субъекта. Это «нечто» можно назвать бытием, с которым философия могла иметь дело: анализировать его и строить теорию о нем. Но Кант постулировал фундаментальный разрыв между бытием и мышлением, что означает: он сузил сферу работы философии до реальности, создаваемой субъектом. Итак, можно сказать, что спекулятивный реализм ностальгирует по бытию догматической философии и в каком-то смысле вновь пытается сблизиться с этой реальностью.

Но полностью ли сегодняшние онтологи возвращаются к такому пониманию бытия? Очевидно, нет, поскольку они признают безоговорочную важность трансцендентального поворота. Вспомним, что Кант писал насчет бытия:

«Ясно, что бытие не есть реальный предикат, иными словами, оно не есть понятие о чем-то таком, что могло бы быть прибавлено к понятию вещи. Оно есть только полагание вещи или некоторых определений само по себе. В логическом применении оно есть лишь связка в суждении... словечко есть не составляет здесь дополнительного предиката, а есть лишь то, что предикат полагает по отношению к субъекту»⁶⁴.

Бытие больше не находится в центре внимания философии. Но все-таки, если взглянуть с точки зрения догматической философии, какое место в системе Канта занимает бытие? Конечно, это та самая вещь-в-себе, которая аффицирует субъекта произвольным образом, – так считают современные онтологи. Кант просто сделал ее непознаваемой, хотя и непротиворечиво мыслимой. Вещь-в-себе мы и будем дальше называть в-себе, некорреляционным бытием или самостоятельно существующей реальностью. Насчет того, что именно мы должны пытаться сделать с этим бытием –

⁶⁴ Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н.О. Лосского с вариантами пер. на рус. и европ. языки. – М.: Наука, 1999. – С. 469.

мнения у спекулятивных реалистов различаются. Тем не менее они согласны в том, что размышлять о современной онтологии нам следует, начиная с кантовской вещи-в-себе.

Сегодня онтология пытается работать с некоторым в-себе. Но что этому препятствует? Корреляционизм, а точнее его центральные составляющие: субъект, антропологизм и примат корреляции. Рассмотрим каждый из компонентов и начнем с субъекта. В строгом смысле человеческий субъект возник в Новое время. Однако ряд авторов полагает, что некоторое представление о субъекте имело место уже в Античности⁶⁵. Видимо, без этого концепта так или иначе не могло обойтись и Средневековье. Все же становление человеческого субъекта приходится на зарю Нового времени и связано с именем Декарта. Декарт также ограничил сферу философской работы порядком представления, а затем Кант закрепил эту идею. Трансцендентализм установил, что реальность, в которой мы живем, является продуктом субъективной активности. Но если Кант сохранял представление о бытии не подчиненном субъекту, то, скажем, Фихте погрузил в-себе в для-нас, упразднив такое бытие.

Раз эволюция теории субъекта привела к исключению самостоятельно существующей реальности, то вроде бы логично предположить, что выходом из этой ситуации является критика понятия субъекта. В данном случае, нельзя утверждать, что некоторые философы XIX–XX вв., которые боролись

⁶⁵ Среди зарубежных философов такого мнения придерживались М. Фуко и П. Адо. Так, автор курса «Герменевтика субъекта» анализировал то, каким образом Сократ в текстах Платона концептуализирует субъекта: «под вопросом, стало быть...то, что мы сейчас, – поскольку этого слова нет в греческом тексте – назвали бы субъектом. Что такое этот субъект, что это за точка, к которой должно обращаться мышление, деятельность рефлексивная и рефлекслируемая, поворачивающая человека к самому себе?». Фуко М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году / пер. с фр. А.Г. Погоняйло. – СПб.: «Наука», 2007. С. 54. См. Адо П. Духовные упражнения и античная философия. – СПб.: «Степной ветер», 2005.

Из отечественных антиковедов на подобной позиции стояли С.С. Аверницев и А.Л. Доброхотов. Они полагали, что на пути от Сократа к Платону возник самосознающий себя «индивидуум – неделимый субъект деятельности и ответственности». Доброхотов А.Л. Телеология культуры. М.: «Прогресс-Традиция», 2016. – С. 350–351. См. Аверинцев С.С. Авторство и авторитет // Историческая поэтика. Литературный эпохи и типы художественного сознания. М.: 1994. – С. 115.

с определяющей ролью субъекта, делали это для восстановления легитимности мысли о нескоррелированном бытии. Мы хотим сказать, что новые онтологи, ставящие перед собой задачу приблизиться к нескоррелированному бытию, базируются на традиции критики субъекта. Порой эту тенденцию принято начинать с Юма, затем она была поддержана Ницше и Марксом⁶⁶, а после продолжена психоанализом, структурализмом и постмодернизмом. Субъект критиковался через постулирование конечности⁶⁷, отрицание субстанциальности⁶⁸, понимание зависимости от социально-исторических контекстов⁶⁹, открытие бессознательных сил⁷⁰, децентрацию Я⁷¹, осознание погруженности в язык⁷² и т.д. Таким образом, мы полагаем, что критика понятия субъекта стала одной из предпосылок современного онтологического поворота.

⁶⁶ Упоминание этих фигур вполне типично. В частности, к ним обращался М. Фуко (см. Ницше, Маркс, Фрейд. 1967) в контексте обновления концепции субъекта.

⁶⁷ Конечность главным образом предполагает физическую смертность субъекта, а также изменчивость и незавершенность его знания о мире.

⁶⁸ См. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / пер. с фр. В.И. Колядко. – М.: Республика, 2000. – С. 451; Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей (черновики и наброски из наследия Фридриха Ницше 1883–1888 годов в редакции Элизабет Фёрстер-Ницше и Петера Гаста). Пер. с нем. – М.: Культурная революция, 2016. – С. 278; Юм Д. Трактат о человеческой природе / пер. с англ. С.И. Церетел. – М.: Мысль, 1965. – С. 257.

⁶⁹ См. Альтюссер Л. За Маркса / Пер. с франц. А. В. Денежкина. — М.: Праксис, 2006. – С. 325; Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Пер. с фр. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой. СПб., А-сад, 1994. – С. 404.

⁷⁰ См. Лакан Ж. Стадия зеркала как образующая функцию «Я» / Инстанция буквы в бессознательном или судьба разума после Фрейда / Пер. с фр. А.К. Черноглазова. – М.: Русское феноменологическое общество, Логос, 1997.; Лакан Ж. Ниспровержение субъекта / Лакан Ж. Инстанция буквы в бессознательном или судьба разума после Фрейда М. : Русское феноменологическое о-во, 1997.

⁷¹ См. Фуко М. Что такое автор? // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц. – М., Касталь, 1996; Деррида Ж. Письмо к японскому другу // Вопросы Философии. — № 4. — 1992; Деррида Ж. Письмо и различие. — М.: Академический Проект, 2007. – С. 330; Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / Пер. с фр. и послесл. С.Н. Зенкина — М.: Институт экспериментальной социологии, С.-Пб.: Алетейя, 1998. – С. 58; Делёз Ж. Различие и повторение. — С.-Пб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. – С. 105; Делёз Ж. Логика смысла. — М.: Раритет; Екатеринбург: Деловая книга, 1998. – С. 146; Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. — М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2019.

⁷² См. Барт Р. Смерть автора // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М., 1994; Деррида Ж. О грамматологии. Перевод с французского и вступительная статья Н. Автономовой. — М.: Издательство "Ad Marginem", 2000. – С. 98.

Нужно также упомянуть, что отстаивание концепции субъекта, характерное для философии от Декарта до Гегеля⁷³, сопровождалось антропоцентрическим взглядом на реальность⁷⁴. У спекулятивного реализма отношения с антропоцентризмом сложные. Но фактом является то, что на каком-то шаге, каждый из новых онтологов требует отрицания антропоцентризма. К подобной идее современное онтологическое движение подтолкнули, видимо, не только и даже не столько гуманитарные науки, сколько естественные. Так, биологическая теория эволюции (с определенной точки зрения⁷⁵) поставила под сомнение идею о человеке как венце природы, нейронауки сделали ряд открытий указывающих на детерминированность субъекта его физиологией⁷⁶, а космология упразднила представление о человеке как центре вселенной.

В качестве следующего элемента корреляционизма мы выделили антропологизм. Напомним, под ним мы понимаем перенесение человеческих характеристик на вещи. Спекулятивный реализм считает, что докритическая европейская философия, пытаясь заниматься реальностью, на деле была ограничена полем человеческого мышления. Что является логичным

⁷³ В случае Гегеля это выражается в том, что вся реальность становится продуктом мышления. Мейясу в данном случае полагает, что Гегель антропологизировал мир, поскольку перенес свойство человека на реальность.

⁷⁴ К слову, антропоцентризмом характеризуется не только новоевропейская философия, но культура этой эпохи в целом, чему можно привести достаточно примеров.

⁷⁵ Имеется в виду та идея, что человеческий вид представляет одну из ветвей эволюции, которая в своем развитии, как и прочие, прошла через естественный отбор. Поэтому о телеологии в отношении нашего вида говорить не приходится. В тоже время, можно предположить, что наш разум не является вершиной эволюции, поскольку биологическая эволюция продолжается. Кроме того, нельзя полностью исключить тот факт, что уже существует более разумный вид, чем человеческий, который мы не способны понять; подобно тому, как приматы не осознают, что существуют более разумные создания вроде людей.

⁷⁶ Примечательны рассуждения автора книги «Конец человеческой исключительности» Ж.-М. Шеффер на этот счет. По его мнению «любая теория фактов сознания, исходящая из чего-то иного, чем надежное познание его нейрологических основ, обречена на неудачу...». Шеффер Ж.-М. Конец человеческой исключительности / пер. с фр. С.Н. Зенкина. — М.: Новое литературное обозрение, 2010. — С. 292.

Однако в случае нейрофизиологии зачастую проблемно говорить о познании индивидуального сознания. Поэтому скорее речь идет об исследовании структур свойственных группам или всем людям как биологическому виду.

следствием той трансцендентальной мысли, что сфера деятельности философии ограничена изучением мышления, а попытки рассуждать о независимых от субъекта вещах, на деле являются необоснованным перенесением антропных характеристик в мир. Ранее мы указывали, что до Канта философия вроде бы располагалась ближе к самостоятельно существующей реальности, но, несмотря на это, вещь-в-себе оказывается более важным достижением с точки зрения спекулятивного реализма. Однако, по мнению новых онтологов, антропологизм свойственен и посткритической мысли (в данном случае подразумеваются Гегель, Бергсон, Делез и Латур).

Согласно спекулятивному реализму названные мыслители своей философской стратегией либо отрицают в-себе, либо снижают его роль и переносят акцент на якобы разумную, живую или действующую реальность. Любопытно, что Харман не отзывается негативно о таких подходах, антропологизирующих мир. Данный мыслитель сам настаивает на существовании некоторого чувственного восприятия одних нечеловеческих объектов другими. Однако против антропологизации выступают Мейясу и Брассье. Они стремятся развести реальность человеческую и всю остальную (предположительно, нечеловеческую). По их мысли, попытка держаться такого различия и пытаться его дальше прояснить является по направленности антикорреляционистской.

Теперь мы хотели бы остановиться на третьем компоненте: примате корреляции. Строго говоря, до тех пор, пока философия придерживалась тождества бытия и мышления, корреляционизма как такового не существовало. Тем не менее можно предположить, что для него имелись какие-то предпосылки в докритической философии. Так, без выдвигания первоначальной идеи о тождестве бытия и мышления не возникло бы повода их разделить. Парменид мог связать бытие с каким угодно сущим, например, будучи греком, со скалами или оливками, а мог и вообще ни с чем не связывать; но он связал и связал именно с мышлением. В тоже время нельзя

сказать, что вся докритическая мысль занималась бытием как таковым. Можно вспомнить скептиков и номиналистов, которые считали, что с бытием философия работать не может, поэтому стоит сосредоточиться на наших чувствах или словах. Особенно в Новое время прямо высказывались идеи о том, что философии следует функционировать на уровне наших мыслей и опыта, но не бытия самого по себе.

Тем не менее закрепляет этот разрыв именно Кант. Между мышлением и бытием философ ставит трансцендентальный аппарат, который, в свою очередь, не выводится из какого-то первого принципа необходимым образом. Кант, проводя трансцендентальную дедукцию, напомним, отталкивается от состояния тогдашнего естествознания и устанавливает условия возможности науки. Получается, что с этих пор философия начинает интересоваться не реальностью сама по себе, но структуры, которыми оформляется наш опыт. Новые онтологи полагают, что на место этой трансцендентальной сферы последующая философия, вплоть до постмодерна, ставила язык, культуру, социальную практику, историю и пр. Собственно, это мы и обозначили как «примат корреляции», где отношение полюсов первичнее инстанций, которые она связывает.

Что стремится сделать спекулятивный реализм с приматом корреляции? Мейясу и отчасти Брассье, по нашему мнению, пытаются «схлопнуть» эту зону и показать, что различие между бытием и мышлением не столь колоссально (что бы подтвердило правоту того же Парменида). Но более важно то, что эту разницу они хотят свернуть в пользу бытия и продемонстрировать, как из бытия возникает мысль и как реальность всегда неумолимо опосредует субъекта. Акцент на различии бытия и мышления не устраивает и Хармана, но лишь в том аспекте, что данная дихотомия, по его мнению, упускает «чувственные» отношения между другими вещами.

Мы очертили те контексты, которые отразились на становлении понятия корреляционизма. В данном случае любопытно отметить такую вещь, что предпосылки стратегий преодоления корреляционизма также

можно найти в европейской философии. Харман, для которого корреляционизм представляет собой в первую очередь антропоцентризм, считает, как бы ни парадоксально это звучало, что выйти за пределы корреляционизма поможет своего рода антропологизация сущего. Нам видится, что перенесение человеческих свойств на реальность характерно больше для континентальной философии, чем аналитической⁷⁷. В свою очередь, Мейясу для преодоления корреляционизма стремится использовать лишь логические рассуждения, что, видимо, по стилю философствования сближает его с аналитической традицией. Брасье же обращается как к наработкам аналитической философии и популярному в ней натурализму и редукционизму⁷⁸, так и к некоторым концепциям континентальной мысли.

Закончим на этом обзор истоков концепции корреляционизма и стратегий его преодоления и перейдем к сюжету, который тоже важен для данной работы. Так как контекст нашего исследования онтологический, то имеет смысл сделать краткий обзор эволюции этой проблематики и указать вопросы, которые стали ключевыми для современных онтологов. Как не раз уже отмечалось, отношение к догматической онтологии у спекулятивных реалистов двойственно, с одной стороны, они хотят сократить разрыв между бытием и мышлением как в докантовской философии, с другой стороны, признают безусловную важность этого

⁷⁷ Хотелось бы отметить противоречивость стратегии борьбы с субъектоцентризмом как у Хармана, так и в континентальной традиции в целом. А именно, европейская философия последних двухсот лет включала в себя, с одной стороны, процесс расчеловечивания реальности, с другой, нарастания господства человека. Фактически, вокруг попытки разрешения этой проблемы ведется один из основных споров спекулятивных реалистов о том, как выйти за пределы человеческого, не впадая в антропологизм. Как вывернуть наизнанку субъекта, чтобы попасть в бессубъектное поле, а не, наоборот, усилить субъекта? Помимо прочего, из этой парадоксальной ситуации, как мы увидим дальше, разворачивается гетерогенность современных подходов к некоррелированному в-себе.

⁷⁸ Различные программы, редуцирующие сознание к мозгу, свойственны именно аналитической философии, и из-за чего подобные проекты, видимо, можно рассматривать как специфический способ критики субъекта в рамках этой интеллектуальной традиции. В тоже время не исключено, что в данном случае сказалось влияние континентальных тенденций критики субъекта.

различия.

Несмотря на это, начатая трансцендентализмом критика метафизики, конечно, в большей степени повлияла на современных онтологов. Начнем с того, что метафизике, видимо, вовсе невозможно дать какое-либо исчерпывающее определение (симптомом чего, к слову, является то, что философы посткритического периода зачастую обвиняли своих предшественников в метафизичности). Все-таки традиционно под метафизикой понимают учение о сверхчувственном. Но в ходе её критики последних двух столетий, философы выявили ряд основных понятий, которыми оперирует метафизика: единство⁷⁹, тождество⁸⁰ и достаточное основание⁸¹. А также установили, что метафизический стиль мышления характеризуется онто-тео-логическим строением⁸², а ещё верой в полную понятийную выразимость бытия и его интеллектуальную проницаемость⁸³.

Это, наверняка, не полный перечень характеристик догматической онтологии, но, тем не менее, от их критики отталкивается спекулятивный реализм. И в силу этого обстоятельства современные онтологии можно назвать постметафизическими. Они стремятся рассказать о том, что такое реальность и как она устроена, но делают это посредством несколько иных понятий, чем метафизика. И в этом смысле их модели онтологичны, но не полностью метафизичны.

Нужно заметить, что метафизика также снабжала бытие

⁷⁹ См. Badiou A. *Being and Event* / trans. O. Feltham. – New York: Continuum, 2005.

⁸⁰ См. Хайдеггер М. *Тождество и различие* / пер. с нем. А. Денежкина. – М.: Логос, 1997. – С. 29–59.

⁸¹ См. М. Хайдеггер. *Положение об основании. Статьи и фрагменты* / Пер. с нем. О. А. Коваль — СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2000; Мейясу К. *После конечности: Эссе о необходимости контингентности* / пер. Л.Медведевой. – М.: Кабинетный ученый, 2016.

⁸² См. Хайдеггер М. *Что такое метафизика?* / Пер. с нем. В. В. Бибихина. – М.: Республика, 1993.

⁸³ См. Кант И. *Критика чистого разума* / Пер. с нем. Н.О. Лосского с вариантами пер. на рус. и европ. языки. – М.: Наука, 1999.

В данном случае имеется в виду, что Кант запретил познавать нескоррелированную реальность и осмыслять ее в понятиях. По мнению спекулятивных реалистов, данную идею в общем и целом наследует философия последних двух столетий.

определенными характеристиками и, соответственно, те философы, которые не спешили отказываться от понятия бытия вообще, посчитали нужным понимать его иным образом. В таком случае спекулятивный реализм зависит также и от некоторых интерпретаций бытия, предложенных в постметафизической мысли (например, от хайдеггеровских, бадьюдианских и делезианских): бытия как множественного, имманентного (отсутствие трансцендентного), случайного и непонятного.

Кроме того, стоит упомянуть, что онтология и метафизика не всегда различались в посткритической мысли⁸⁴. В данном случае подразумеваются такие крупные критики метафизики как Кант, поздний Хайдеггер и Деррида. Под их, но особенно под влиянием постструктурализма и постмодернизма, отрицалась как онтология, так и метафизика. Спекулятивный реализм сегодня реагирует на эту ситуацию и пытается вновь завести разговор о реальности, какова она есть сама по себе вне зависимости от субъекта, а также предложить учение о таком бытии.

Таким образом, мы постарались наметить ряд вопросов, из которого исходит спекулятивный реализм. И главное, вокруг чего вращается мысль данного направления, – это часть тезисов кантовской философии. Новые онтологии отстаивают значимость идеи о нетождественности бытия и мышления, но в определенном смысле стремятся восстановить докритическое представление о независимой от субъекта реальности. Однако все же останавливаются на вещи-в-себе как основном предмете размышлений. Они также признают важность критики как метафизики, так и её интерпретации бытия. В этой связи учения новых онтологов можно назвать постметафизическими. Однако они противостоят той линии философии, которая не различала метафизику и онтологию и выступала против обеих.

⁸⁴ Несмотря на это, термин «онтология» все же по сей день имеет более позитивные коннотации, чем метафизика.

Корреляционизм, по мнению спекулятивного реализма, как ведущий сюжет также был задан Кантом. Но предпосылками его становления были тезис тождества бытия и мышления, а также идея субъекта. Критикуя человеческого субъекта новоевропейской философии, сегодняшние онтологи пытаются выйти и за пределы антропоцентризма. Однако в силу того, что одной из фундирующих структур корреляционизма является субъект, то спекулятивные реалисты сближаются с критиками субъекта XIX-XX вв. Современные способы преодоления корреляционизма также имеют свои истоки в континентальной и аналитической философии. Так, Харман, по всей видимости, располагается ближе к континентальному направлению, когда для выхода за пределы антропоцентризма он антропологизирует реальность, тогда как Мейясу в данном отношении разделяет аналитическую установку на примат строгих рассуждений. В свою очередь, Брасье обращается к редукционизму и натурализму, свойственных, скорее, аналитической философии, но привлекает при этом и некоторые концепции континентальной мысли.

Глава 2. Программы преодоления корреляционизма в современной онтологии

Данный раздел посвящен реконструкции и интерпретации проектов спекулятивных реалистов. Каждая программа будет рассматриваться отдельно и в соответствии с определенной структурой. Рассуждение будет строиться согласно самой логике преодоления корреляционизма, намеченной нами выше: мы будем исходить из допущений корреляционизма и пытаться добраться до вещи-в-себе. Для исполнения этой задачи разумней всего держаться такого порядка: определить то, что представляет собой корреляционизм в контексте каждого проекта, как от него можно избавиться и, какую программу предложить корреляционизму взамен. Последовательность, в которой мы будем рассматриваться предлагаемые проекты, роли не играет. Тем не менее философию Хармана вероятно стоит рассмотреть отдельно в силу ее особой непохожести на подходы Мейясу и Брасье. Начнем с объектно-ориентированной онтологии Хармана (далее – ОО).

2.1. Объектно-ориентированная онтология Грэма Хармана: критика философии доступа, онтологическая горизонталь и объектная реальность

Данный раздел посвящен Грэму Харману и его объектно-ориентированному преодолению корреляционизма. ОО на то и объектная философия, что стремится исключить субъекта, понимаемого как человеческий индивид. Человек для ОО – это объект среди других объектов. Сначала исследуем то, как ОО предлагает понимать своего основного оппонента – философию доступа и как с ним борется. Затем рассмотрим базовые положения онтологии Хармана и то, каким образом эта теория вводит и эксплицирует некоррелированное бытие.

2.1.1. Философия доступа

«Привилегия человеческого подхода к миру»⁸⁵ – это ключевой тезис, которому противостоит Харман. Теории, настаивающие на этом положении, ООО называет «философиями доступа». В книге «Четвероякий объект: метафизика вещей после Хайдеггера»⁸⁶ Харман хвалится, что изобрёл это понятие ещё в начале нулевых, т.е. до создания Квентином Мейясу слова «корреляционизм», и означает этот термин, как и якобы последний (т.е. корреляционизм) антропоцентризм. В данной книге создателем философии доступа объявляется главным образом Кант. Немецкий мыслитель уличается в антикоперниканстве, и провозглашении деантропоморфизирующих достижений докритической мысли ошибочными. Харман пишет:

«Что в наибольшей степени характеризует позицию Канта, так это приоритет отношения человек-мир перед всеми остальными... роль вещей у Канта сводится лишь к тому, чтобы преследовать человеческую психику в виде призрака ее конечности... Для него [Канта – ДИ] на кону всегда отношение между человеческим субъектом с одной стороны и миром с другой. Это дуотопия человека и мира ныне берется по умолчанию и редко ставится под сомнение»⁸⁷.

В этом отрывке видно, что Хармана больше всего беспокоит в посткритической философии тот факт, что по преимуществу она антропоцентрична. Кроме того, данное направление на первое место среди философских проблем ставит отношение между человеческим субъектом и миром. Харман также считает, что после Канта мыслители зачастую исключали или снижали роль вещи-в-себе, поэтому переносили акцент с автономной по отношению к субъекту реальности на само мышление.

⁸⁵ Харман Г. О замещающей причинности / Пер. с англ. А. Маркова // Новое литературное обозрение. – 2012. – № 2. – URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2012/2/o-zameshhayushhej-prichinnosti.html> (дата обращения: 11. 08. 2021).

⁸⁶ Харман Г. Четвероякий объект: Метафизика вещей после Хайдеггера / пер. с англ. А. Морозова и О. Мышкина. – Пермь: Гиле-Пресс, 2015.

⁸⁷ Там же. С. 53.

Философия доступа в основном интересуется тем, как мышление взаимодействует с миром и наоборот⁸⁸. Харман сетует на тот факт, что эта привилегированная пара – «человек-мир» – онтологизируется, т.е. делит всю реальность на две зоны – человеческое и всё остальное, – принимая это за нечто само собой разумеющееся.

Данное рассуждение характерно для книги «Четвероякий объект. Метафизика вещей после Хайдеггера», в которой излагаются основные положения ООО по состоянию на 2010 год. Однако в работе 2018 года «Объектно-ориентированная онтология: новая “теория всего”»⁸⁹ также посвященной обзору базовых позиций своего подхода, философ вводит нового врага, — «онтологический таксономизм». Харман определяет таксономизм как «предрассудок, заранее полагающий, что мир должен быть поделен между небольшим числом радикально различающихся типов сущностей»⁹⁰. И далее философ поясняет:

«Средневековая философия вращалась по орбите вокруг различия между Богом, с одной стороны, и всем остальным, с другой. Нововременная (modern) философия попросту заменила Бога человеческой мыслью, но не отказалась от представления, будто один сверхважный тип бытия настолько сильно отличается от всех прочих, что заслуживает занять собой пятьдесят процентов онтологии»⁹¹.

Мы видим, что онтологические таксономии, по мнению Хармана, характерны не только для Нового времени, но и предшествующих эпох. Также подходы, исповедующие данный принцип, похожи в том отношении, что выявляют привилегированное сущее, которое становится основным объектом интереса мыслителей на какое-то время (Бог в Средние века,

⁸⁸ Конечно, для философии понятия «субъект», «человек», «индивид» и «мышление» отнюдь не синонимичны. Однако в текстах Хармана эти понятия зачастую используются в качестве взаимозаменяемых. Поэтому и мы их будем использовать как синонимы, чтобы не перегружать восприятие читателя повторами одного слова.

⁸⁹ Харман Г. Объектно-ориентированная онтология: новая «теория всего» / Пер. с англ. М. Фетисов. – Москва: Ад Маргинем, 2021.

⁹⁰ Там же. С. 246.

⁹¹ Там же. С. 247.

человек в Новое время). Тем не менее, читая тексты Хармана, можно заметить, что философ предпочитает видеть наполненным таксономиями лишь новоевропейский мир. Самая заметная таксономия для этой эпохи по утверждению Хармана – это человек/мир.

По мнению Хармана, «современная [нововременная - ДИ] философия (от Декарта в 1600-е годы до Бадью и Жижека сегодня) ... предполагает строгое разделение между человеческой мыслью, с одной стороны, и всем остальным — с другой»⁹². А это, в свою очередь значит, что Харман не различает концепции субъекта всех новоевропейских мыслителей (от идеи когито и трансцендентального субъекта до современных теорий, скажем, телесного или коллективного нечеловеческого субъекта). Харман не утруждает себя и тем, чтобы прояснить отношение между «философиями доступа» и «онтологическим таксономизмом». Мы лишь можем предположить, что доступ является частным и наиболее распространенным случаем таксономизма на сегодняшний день. Но зачастую происходит так, что понятия философии доступа и онтологического таксономизма в текстах Хармана становятся почти синонимами⁹³.

Мы запомним, что, выступая против современного таксономизма, Харман критикует в основном доступ, т.е. посткантовский взгляд на философию. Разумеется, данный тип философствования не может обойтись без убедительной аргументации. Харман ставит перед собой задачу преодоления философии доступа, разоблачая ее базовые доводы и противопоставляя ей онтологию реальных объектов.

⁹² Харман Г. Объектно-ориентированная онтология: новая «теория всего» / Пер. с англ. М. Фетисов. – Москва: Ад Маргинем, 2021. – С. 24.

⁹³ Этот тезис поддерживает и Ники Янг, интерпретации которого одобряет сам Харман. / см. Янг. Н. «Преодолевая онто-таксономию: тройственное решение от Грэма Хармана». Стол. – URL: <https://stol.guru/papers/overcoming-ontotaxonomy-2021-06-01> (дата обращения 19.03.2022).

2.1.2. Аргументы против философии доступа

Какой тезис лежит в основании философии доступа? «Все её [философии доступа – ДИ] претензии на значимость основаны на мнимой несомненности и ясности принципа гласящего, что “когда мы мыслим ноумены⁹⁴, мы тем самым превращаем их в феномены, и, следовательно, философия может иметь дело только с феноменальным”. При этом она сводит все отношения между неживыми объектами к условиям, при которых люди являются свидетелями этих отношений»⁹⁵ – пишет Харман. Итак, человеческая мысль о реальности неизбежно превращает последнюю в феноменальность. Или так: субъект не может мыслить что-то, не мысля это в пределах своего мышления, поэтому любое в-себе есть для-нас.

Далее, мы ещё будем разбирать этот тезис в связи с философией Мейясу, и там он будет называться «кругом». Аргумент в поддержку этого тезиса Мейясу прописывает так:

«он состоит в том факте, что всякое возражение против корреляционизма – это возражение, произведенное мышлением, а потому зависящее от него. Когда вы выступаете против корреляции, вы упускаете из виду, что возражаете именно вы, а, следовательно, с точки зрения вашего разума, или культуры, или эпохи и т.д. Круг означает, что всякий наивный реализм впадает в порочный круг, перформативное противоречие, в котором вы отрицаете то, что говорите или думаете, самым актом высказывания или мышления этого»⁹⁶.

То есть аргумент заключается в том, что утверждение о самостоятельно существующей реальности всегда производит какое-то мышление, т.е. оно

⁹⁴ Харман не различает ноумен и вещь-в-себе, хотя в контексте кантовской философии это не совсем одно и то же. Ноумены скорее соотносятся с идеями разума, регулирующими познание, в то время как вещь-в-себе не связана с порядком априорного и отвечает за поставку слепого материала на уровне чувственности. Некоторые из комментаторов, на которых мы будем здесь ссылаться, также используют эти понятия как синонимы.

⁹⁵ Харман Г. Четвероякий объект: Метафизика вещей после Хайдеггера / пер. с англ. А. Морозова и О. Мышкина. – Пермь: Гиле-Пресс, 2015. – С. 70–71.

⁹⁶ Meillassoux Q. Time without becoming. Mimesis International. – 2013. – URL: <http://gefeter.ru/archive/7657> (дата обращения: 13.01.2021).

высказывается не о реальности, но лишь о себе самом. Мы вынуждены оставаться на мели собственного мышления и, пытаясь это отрицать, мы будем это лишь подтверждать. Мейясу, а вслед за ним и Харман, считают, что этот аргумент использует вся посткантовская философия. Харман полагает, что современная философия доступа выводит отсюда два положения, одно касается привилегированного места человека, другое — вещи-в-себе. Начнем с последнего.

Харман говорит, что из «тезиса круга» «может следовать два вывода, притом один из них будет более сильным, а другой – более слабым. Сильный вывод заключается в том, что в действительности не существует *ничего* за пределами связанности человек-мир...Более слабая и более скептическая позиция – та, что мы не можем знать, существует ли что-либо вне пары человек-мир, а потому мы не способны продвинуть наше мышление за ее пределы; всякое мышление в действительности имеет предметом только мысль»⁹⁷. Сильная версия, утверждает Харман, опровергается указанием на то, что из её тавтологической посылки (нет моей мысли о X вне моего мышления) нельзя сделать нетавтологический вывод о не существовании X за пределами моего мышления.

Насчет слабой версии Харман говорит, что, отказываясь от вынесения суждений о существовании внешнего мира, философ «немедленно превращается в абсолютного идеалиста, поскольку выражение “вещи-в-себе” освобождается от всех возможных смыслов, и это лишь еще один способ сказать “вещи-для-нас”»⁹⁸. Представляется, Харман хочет доказать, что слабая версия, на самом деле, является сильной и, соответственно, опровержима тем же способом (т.е. указанием на нелогичность вывода из тавтологической предпосылки нетавтологического утверждения). В терминологии Мейясу, Харман стремится стереть различие между «сильным

⁹⁷ Meillassoux Q. Time without becoming. Mimesis International. – 2013. – URL: <http://gefter.ru/archive/7657> (дата обращения: 13.01.2021).

⁹⁸ Харман Г. Четвероякий объект: Метафизика вещей после Хайдеггера / пер. с англ. А. Морозова и О. Мышкина. – Пермь: Гиле-Пресс, 2015. – С. 72.

корреляционизмом» и «субъектализмом». Это нужно Харману для того, чтобы защитить позицию кантовской («слабой») версии корреляционизма. И в этом отношении он сближается с Брассье, что также мы будем рассматривать позже.

В силу вышеприведенных обстоятельств, Харман считает, что ему удастся отстоять существующую вне мышления реальность, т.е. вещь-в-себе. В то же время Харман, видимо, полагает, что если «аргумент круга» не безупречен, то это дает нам право быть наивными реалистами. Получается, что сам Харман пытается балансировать где-то между наивным реализмом (т.е. позицией характерной для догматической онтологии) и слабым корреляционизмом (кантовским взглядом на вещь-в-себе). Это специально не обговариваемый симбиоз, в рамках которого Харман отождествляет кантовскую вещь-в-себе с «объектом», где последний обладает «реальным бытием». Мыслитель полагает, что онтология должна заниматься анализом таких объектов, которые имеют «одинаковую реальность». Раз все объекты реальны в равной степени, то нет и таких типов объектов, которые философии следует рассматривать в первую очередь. Все объекты находятся на одном уровне, и этот принцип Харман назовет «онтологической плоскостью».

Второе следствие из «тезиса круга» состоит в привилегии для онтологического рассмотрения отношения «человек-мир». Данное положение, считает Харман, опровергается указанием на контингентность этой пары: не существует абсолютно необходимого основания, чтобы утверждать принципиальность для философского изучения именно данной связки. Харман полагает, что и у антропоцентристских философий (к которым, по его мнению, также ведет «круг») нет необходимого основания заявлять, что следует изучать именно мышление, а не другие сущности. Философия, разумеется, человеческое занятие и философские книги пишутся для людей. Кроме того, вероятно мы люди являемся одними из самых необычных существ в мире. Но как из всего этого с необходимостью следует,

что именно мы должны стать главным предметом философии, а не нечто другое? Не существует принципа, который бы абсолютно запрещал нам совершать попытки мыслить за пределами человека, считает Харман.

В самом деле, тот же трансцендентализм Канта пускай и помещает человека в центр философии, но он отнюдь не предполагает, что человек является необходимым сущим (если только мы не хотим объяснить феноменальный порядок из представления субъекта). Выходит, что здесь аргументация Хармана строится от противного: не существует абсолютного обоснования для привилегии человеческих характеристик (мышления, воли, чувства и пр.) перед свойствами других сущих. Следовательно, по мнению Хармана, в силу слепого принятия философией тезиса о наличии такого необходимого основания, она продолжает наследовать таксономию человек/мир.

2.1.3. Онтологическая плоскость и отсутствие субъекта

«Философия доступа желает, чтобы философия была мудрствованием о мышлении, тогда как на самом деле она – любовь к мудрости о том, что лежит за пределами мысли»⁹⁹

Г. Харман

«Сколь интересны бы мы ни были сами себе, очевидно, мы никоим образом не являемся центром космической драмы, будучи заброшенными на планету среднего размера рядом с заурядным светилом и ограниченными крохотной частью истории вселенной»¹⁰⁰. Мало того, что человеческий субъект не является центром, онтологический центр¹⁰¹ как таковой отсутствует вообще. По Харману, онтология должна быть «плоской», т.е. не

⁹⁹ Харман Г. Четвероякий объект: Метафизика вещей после Хайдеггера / пер. с англ. А. Морозова и О. Мышкина. – Пермь: Гиле-Пресс, 2015. – С. 37.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Имеется в виду такой объект, благодаря которому существуют все остальные объекты.

допускать любых иерархий между объектами. Человек, кварки, кентавр¹⁰², жители Рио-де-Жанейро, число пи и семейная ссора, – все находятся на одной онтологической плоскости. Все они в равной степени являются автономными объектами¹⁰³ и обладают реальностью.

Но что значит реальный объект? Харман дает апофатическое определение – это то, что «больше, чем его части, и меньше, чем его последствия»¹⁰⁴. Любая дефиниция объекта будет промахиваться мимо него. Отсюда ключевой тезис хармановской философии: реальные объекты абсолютно недоступны друг для друга. Сами же объекты могут быть любой природы: естественной, искусственной, вымышленной. Ничто из вещей заранее нельзя исключить как реальный объект. Мы даже «никогда не можем быть полностью уверены в том, какие объекты существуют»¹⁰⁵ – говорит Харман. «Нормальным» состоянием объектов является их полная замкнутость, закрытость на себе, «сон», когда они не проявляют никаких признаков того, что вообще существуют. «Спят» объекты в том случае, когда не вступают в отношения с другими объектами.

Собственно, подобное наивно-реалистическое постулирование вещей-в-себе является способом преодоления философии доступа. Этот жест

¹⁰² Фантазийные объекты Харман также рассматривает в качестве реальных. В данном случае Хармана можно понять так, что воображаемые сущности влияют на нашу жизнь так же, как и реальные. На ум приходит пример с психическими расстройствами, которые сопровождаются различными галлюцинациями и навязчивыми мыслями, а также ведут к изменению личности. И, кроме того, подобные сущности вкупе с другими (предположим существующими за пределами воображения) могут приводить к неожиданным происшествиям, внезапно случающимся на социальном уровне. Поэтому надо полагать, воображаемые объекты могут быть составной частью и некоторых событий. Например, галлюцинация, сформировавшаяся в голове у определенного высокопоставленного политического лидера способна привести к войне.

¹⁰³ Также «Событие», – столь популярное среди современных философов, – по Харману, состоит из реальных объектов и само есть реальный объект. Событие не является чем-то принципиально автономным по отношению к объектам как, скажем, считали Бадью, Хайдеггер или Делез. Наоборот, событие зависимо от объектов, поскольку оно из них состоит.

¹⁰⁴ Харман Г. Объектно-ориентированная онтология: новая «теория всего» / Пер. с англ. М. Фетисов. – Москва: Ад Маргинем, 2021. – С. 54.

¹⁰⁵ Харман Г. Четвероякий объект: Метафизика вещей после Хайдеггера / пер. с англ. А. Морозова и О. Мышкина. – Пермь: Гиле-Пресс, 2015. – С. 52.

отчасти является докритическим, однако лишь с той разницей, что отвечает на «тезис круга». Но в чем ещё хармановская философия оказывается близка догматической онтологии? В том принципиальном положении, что для ООО «интенциональность [*чувственность — ДИ*] — не только специфическая человеческая собственность, но онтологическое свойство объектов вообще»¹⁰⁶. Объекты отнюдь не всегда замкнуты на себя, т.е. «спят», но порой продуцируют не прямые связи с другими объектами. И из существования таких спонтанно возникающих отношений мы можем констатировать, что нечеловеческие объекты обладают чувственностью. Характер этих связей тоже странный: с одной стороны, объекты взаимодействуют друг с другом, с другой, эти отношения не затрагивают самой сущности объектов.

В предыдущей главе мы пришли к выводу, что истоком проблемы преодоления корреляционизма была критика концепции субъекта (как правило, картезианского и трансцендентального). И мы отметили тот факт, что подходы, которые противопоставляли себя теориям субъекта, часто антропологизировали реальность. Здесь мы утверждаем, что Харман следует именно этому пути, экстраполируя, правда несколько на докритический манер, человеческие свойства на любые сущности, называя получившиеся образования «реальными объектами». Конечно, Харман не объявляет этот ход прямо и пишет, что понимает чувственность не в привычном антропном смысле. Однако аргументов в поддержку такого тезиса философ приводит мало. Но это сюжет уже следующей главы.

¹⁰⁶ Харман Г. О замещающей причинности / Пер. с англ. А. Маркова // Новое литературное обозрение. – 2012. – № 2. – URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2012/2/o-zameshhayushhej-prichinnosti.html> (дата обращения: 11. 08. 2021).

2.1.4. Модель реальности: четверичный объект¹⁰⁷

«Мы становимся философами, а не агрессивными идеологами, постоянно находясь в поиске того, что существует на самом деле»¹⁰⁸

Г. Харман

Хармановская вселенная состоит из реальных объектов, каждый из которых представляет собой самостоятельный мир, напрямую не связанный с другими. В принципе, нет разницы, полагает Харман, имеется ли наблюдатель объектов, ведь на онтологическом статусе последних это никак не отразится: черные дыры продолжают взаимодействовать с близлежащими звездами даже тогда, когда этого не видит субъект. Чем сущностно являются эти объекты? Харман со ссылкой на Канта, утверждает, что вещами-в-себе. ООО, таким образом, принимает трансцендентальное разделение на в-себе и для-нас. Однако хармановская онтология распространяет данную дихотомию на все вещи. Такой подход П. Вульфиндейл назвал «ноуменальной космологией». Кроме того, Харман в трансценденталистском духе отрицает тождество между бытием и мышлением. Это, как полагает философ, защищает от риска коллапсировать в антропоцентризм.

«Плоская онтология подрывает вертикальную иерархизацию целых и частей, поскольку всё уже одновременно есть и часть и целое, в зависимости от того, смотрим ли мы на все это сверху вниз или снизу вверх»¹⁰⁹. Онтология Хармана постулирует бесконечный регресс «вниз», поскольку считает, что каждый объект сложен из других объектов, те в свою очередь из других и т.д. В такой системе, по замечанию Д. Кралечкина, «"Принцип достаточного основания" должен быть бесконечным»¹¹⁰, т.е. объекты причинно зависят друг от друга, но у этих каузальных цепочек нет последней

¹⁰⁷ Некоторые идеи этого раздела подробнее излагаются в: Девайкин И.А. Онтологические концепции Г. Хармана и К. Мейясу // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2022. – № 477.

¹⁰⁸ Харман Г. Объектно-ориентированная онтология: новая «теория всего» / Пер. с англ. М. Фетисов. – Москва: Ад Маргинем, 2021. – С. 132.

¹⁰⁹ Там же. С. 240.

¹¹⁰ Кралечкин Д. О сургуче и капусте // Логос. – 2014. – Т. 100. – №4.

причины. Какой бы объект нам не открылся, он будет включать в себя другие объекты, которые его причинно породили и этому не будет конца.

В тоже время, ООО отрицает бесконечный прогресс «вверх», поскольку всегда существуют так называемые «спящие» объекты, которые не включены посредством причинности в контакт с другими объектами, а значит и не входят в дополнительный объект, надстраивающийся над отношением (о чем речь далее). Кроме того, ООО не утверждает мета-объекта, поскольку это бы нарушило принцип плоскостности. Почему? Потому, что объект всех объектов стал бы той структурой, благодаря которой существуют все вещи, а раз так, то он должен быть предпочтительным предметом онтологии. Подобное представление бы раскололо мир на мета-объект и всё остальное. Поэтому мы бы вновь впали в «онтологический таксономизм», который так старательно пытается обойти ООО.

Харман пишет: «У космоса нет дна, но у него есть поверхность¹¹¹... Если бы мы представили вселенную в виде океана, то это был бы океан без дна, но с бурной поверхностью объектов, над которой не было бы ничего, кроме пустого неба»¹¹². На первый взгляд эта картина, предполагающая образ «верха» и «низа» может сбивать с толку, поскольку подразумевает иерархичность. Но, по мнению ООО, здесь нет вертикального соподчинения, поскольку реальность объектов не исчерпывается отношением, из которого она возникла. Да, объект был порожден связью (что также будет обсуждаться далее), но его реальность всегда неизмеримо больше отношения, которое его создало. Поэтому объект на «поверхности моря», несмотря ни на что, онтологически равен объекту с самой глубины бездонного дна.

Насколько бы это странно не звучало, но теорию реальных объектов, как считает Харман, можно вывести из анализа подручного Хайдеггера. Харман интерпретирует концепцию немецкого философа так, что поломка подручного (в хайдеггеровском смысле) отсылает к реальности вещи, т.е.

¹¹¹ Харман Г. Четвероякий объект: Метафизика вещей после Хайдеггера / пер. с англ. А. Морозова и О. Мышкина. – Пермь: Гиле-Пресс, 2015. – С. 123

¹¹² Там же. С. 114

бытию, которое всегда скрывается от других вещей (включая человека). Инструментальность подразумевает некоторое поле, где объекты взаимодействуют друг с другом, но до конца не открываются. Харман утверждает, что эта интуиция была развита Хайдеггером в «четверице». Однако ООО берет данный концепт, но существенно его преобразовывает, на основании чего создает свою четверицу из: чувственных качеств (ЧК), чувственных объектов (ЧО), реальных качеств (РК) и реальных объектов (РО). Между этими четырьмя позициями постулируется существование более 10 видов отношений. Харман строит достаточно громоздкую и запутанную модель, элементы которой сам не донца проясняет. Тем не менее мыслитель полагает, что четверица исчерпывающе описывает все грани реальности. «Всякое мировое движение и всякий мировой покой могут быть извлечены из единого корня: из объектов, взаимодействующих со своими качествами»¹¹³ – пишет Харман.

Мы разберем только часть этой системы, чтобы показать, как она работает. Предварительно отметим, что реальные объекты (РО) и реальные качества (РК) никогда до конца недоступны, в отличие от чувственных объектов (ЧО) и чувственных качеств (ЧК), которые, с одной стороны, являются эпифеноменами РО и РК, с другой – полностью проницаемы. Проиллюстрируем эту теорию на примере функционирования искусства и науки.

Начнем с науки. Согласно Харману, она имеет дело всегда с чувственными объектами и никогда с реальными. Ученые в целом работают только с ЧО и его ЧК (но не с чувственными качествами РО). Наблюдая в телескоп один из рукавов нашей спиралевидной галактики, ученый обладает лишь чувственным образом и чувственными свойствами этого космологического объекта, но не реальными. Однако перед наукой постепенно раскрываются реальные качества чувственных объектов. Для

¹¹³ Харман Г. Объектно-ориентированная онтология: новая «теория всего» / Пер. с англ. М. Фетисов. – Москва: Ад Маргинем, 2021. – С. 156.

ученого со временем становятся ясны предпосылки, из которых он исходил и которые являются реальными качествами. Встает вопрос, как могут быть извлечены РК, исходя из их вечно скрывающейся природы? Харман утверждает, что путем рациональной умственной деятельности, или «теории», т.е. в результате отстранения от своей повседневной исследовательской деятельности и размышления над ее предпосылками. Но каким образом феноменальное сущее может быть носителем реальных качеств? ООО не предлагает неожиданного ответа на этот вопрос: мы как РО привносим РК в чувственный объект. Научный коллектив переносит свои РК на ЧО, т.е. Харман считает, что РК исходят не от объекта, а от наблюдателя, и эти РК – куновские парадигмы. Наука по умолчанию верит в некие порядки, которые конвенционально принимаются сообществом. Работа ученого происходит на уровне ЧО и его ЧК, но фоном его каждодневной деятельности являются парадигмы. Харман полагает, что наука также характеризуется словесным буквализмом и мнимой однозначностью выводов. Наука и научная работа, таким образом, согласно ООО, укоренена в нашей способности «вчитывать» РК в объекты. С другой стороны, сфера её деятельности исключительно феноменальная (ЧО и ЧК), поскольку она взаимодействует не с РО (природным объектом) напрямую, а только через чувственных посредников, которые не позволяют дотянуться до самого РО.

Наука, по Харману, не имеет такой привилегии, которой она наделяется у Мейясу и особенно у Брассье. Более того, Харман пытается снизить ее значимость для философии вообще и онтологии в частности, отдав приоритет чувственности и эстетике. Ученый вынужден оставаться на мели ЧК и ЧО, а иногда ему приоткрываются РК, которые он сам и привнес в объект своего исследования. Из теории Томаса Куна мы знаем, что парадигмы меняются, и виновником этого в основном является научный

коллектив (такие перемены невозможны, пока в них не поверили сами ученые). Того же мнения придерживается и Харман¹¹⁴.

С искусством, столь ценным Харманом, дело обстоит совсем иначе, поскольку оно, в отличие от науки, имеет дело с реальными объектами как таковыми в обход ЧО. Вообще Харман считает, что такую художественную модель задал именно хайдеггеровский анализ подручного: поломка инструмента внезапно указывает на чувственные качества ускользнувшего реального объекта. Видимо Харман считает, что неожиданная поломка вещи захватывает наше внимание, и в силу этого человеческая интенциональность резко переключается на сломанный объект. Выходит так, что всякий курьез в нашей жизни сопровождается формированием новой чувственности, на основании которой может сложиться эстетический опыт. Так посредством чего искусство намекает на реальность? ООО утверждает, что через метафору или аллюзию. Харман приводит пример с такой метафорой: «кипарис подобен пламени». Попробуем его разобрать.

Изначально существует кипарис как реальный объект, но в нормальной ситуации мы взаимодействуем не с ним, а с его чувственным заместителем (ЧО) и чувственными качествами этого ЧО, такими как, например, зеленый цвет и продолговатость. В подобном отношении к растению нет никакой метафоричности. Однако когда мы сплавляем чувственные качества этого кипариса со свойствами, которые ему не характерны («огненность», «пламенность» в данном случае), то от реального объекта откалываются именно его (а не ЧО) чувственные качества. Харман пишет, что «чувственные качества реального объекта остаются как привязанными к нему, так и отделенными от него»¹¹⁵.

¹¹⁴ Харман в данном отношении отсылает к примерам, когда ученым стали видны «парадигмы» их повседневного исследовательского труда: революция Дарвина в биологии, Ньютона и Эйнштейна в физике. Также Харман ссылается на труды Куна и Лакатоса.

¹¹⁵ Харман Г. Объектно-ориентированная онтология: новая «теория всего» / Пер. с англ. М. Фетисов. – Москва: Ад Маргинем, 2021. – С. 153.

Харман считает, что в искусстве (в отличие от той же науки) мы имеем дело с особой формой взаимодействий. Философ утверждает, что художественному отношению присуща «искренность», которая представляет собой апроприацию чувственного объекта мной как реальным объектом. Моя искренность «поглощает» чувственный объект в жесте метафоризации и прорывается к реальному объекту. Здесь два РО оказываются наиболее близки друг к другу. Можно этот процесс рассмотреть и наоборот: в основании взаимодействий объектов лежит искренность¹¹⁶, поверх которой из случившегося отношения между вещами надстраиваются чувственные объекты (на этой ступени, соответственно, работает уже наука, которая не улавливает искренность, в отличие от метафоры, которая позволяет закрепиться на уровне первичной интенциональности).

Любопытно, что искренность мной проявляется как реальным объектом, поскольку именно я заинтересован и захвачен чувственными качествами реального объекта, которые приоткрыла найденная мною метафора, позволившая сократить расстояние между нами (мною и кипарисом как РО). В отличие от науки, не я наделяю нечто новыми качествами, а скорее уже данные мне ЧК являются осколком реального кипариса. Я отчасти играю роль реального кипариса, благодаря чему сильно и по-настоящему вовлечен в метафору «кипарис подобен пламени», что и позволяет мне прикоснуться к другому РО. Метафорическое отношение к вещам способствует нашему контакту с нескоррелированным бытием. Такой тип сложных эстетических отношений, считает Харман, присущ всем нечеловеческим реальным объектам: будь то стеклянным шарам,

¹¹⁶ Сложно понять до конца, что именно представляет собой «искренность» в ООО. Харман зачастую использует ее как синоним «интенциональности» и «чувственности». Нужно полагать, что искренность уже всегда существует между объектами, но это не означает, будто эти объекты состоят в каком-то определенном отношении. Чувственная зона, в которой один РО воспринимает другой РО, оказывается возможна благодаря этой искренности как «протоотношению», с одной стороны, и «расколотости» самого РО, с другой.

взаимодействующим с деревянной поверхностью стола на котором они лежат, или сельским мельницам, сопротивляющимся сильному ветру¹¹⁷.

Данные рассуждения о науке и искусстве позволяют нам сделать два вывода. В первом мы согласимся с О. Головашиной, которая пишет, что ООО «рациональному знанию...противопоставляет метафору»¹¹⁸. Аллюзией, считает Харман, лучше, чем научной теорией, нам удастся ухватить реальный объект. Второй заключается в том, что онтология сближается не с наукой и рациональным отношением к миру, а с чувственностью. Это связано с тем, что космос, по мысли Хармана, функционирует не по природным законам, а подобно производству искусства: «отношения между всеми реальными объектами, включая бессмысленные комья грязи, выстраиваются только посредством некой формы аллюзии... [*в силу чего – ДИ*] эстетика становится первой философией»¹¹⁹.

Вернемся к реальным объектам. Как они возникают? Здесь Харман не предлагает нам какого-то элегантного объяснения, поскольку просто ссылается на «случайность» и «противоречивость» свойственную природе объектов. Продолжим пример с художественным опытом. Я и кипарис как реальные объекты недоступны друг для друга, однако описанное выше взаимодействие, пускай и опосредованно, но за счет чего-то происходит и откуда-то берется. Дело в том, что «неопределенность объекта...

¹¹⁷ Харман в тексте «О замещающей причинности» проводит попытку показать, как эстетически взаимодействуют стеклянные шары. В этой работе философ не приводит никаких аргументов в поддержку существования таких отношений между нечеловеческими вещами, он лишь прибегает к помощи риторики для демонстрации якобы существующей эстетической связи объектов. Поэтому, по нашему мнению, на деле хармановская попытка описать взаимодействие нечеловеческих сущностей во многом выглядит неуклюжей и надуманной. См. Харман Г. О замещающей причинности / Пер. с англ. А. Маркова // Новое литературное обозрение. – 2012. – № 2. – URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2012/2/o-zameshhayushhej-prichinnosti.html> (дата обращения: 11. 08. 2021).

¹¹⁸ Головашина О.В. Объективная онтология? Метафизика Г. Хармана // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. – 2018. – Т. 34.

¹¹⁹ Харман Г. О замещающей причинности / Пер. с англ. А. Маркова // Новое литературное обозрение. – 2012. – № 2. – URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2012/2/o-zameshhayushhej-prichinnosti.html> (дата обращения: 11. 08. 2021).

распространяется на отношения между объектами»¹²⁰. Объекты тождественны и не тождественны внутри себя одновременно. Вещи подобны плавящимся спящим вулканам, лава которых внезапно извергается наружу, образуя чувственные зоны, где сами же объекты «сталкиваются без соприкосновения». Именно поэтому чувственный эфир, среда или «зазоры – один из главных предметов объектно-ориентированной философии»¹²¹.

ООО также полагает, что «всякая связь — объект, всякий объект — результат связи»¹²². Поэтому буферные зоны между реальными объектами сами являются объектами. В уже надоевшем примере, мы с кипарисом как реальные объекты включены в более крупный объект и обитаем на его «внутренней поверхности». О реальном содержании этого объекта мы также не можем знать ничего наверняка. Но чувственный интерфейс между мной и кипарисом гарантирован именно этой реальной вещью, с другой стороны, сама эта вещь образована нашим отношением с кипарисом. Весь мир таким образом (учитывая, что мира как «единого» не существует) представляет собой объекты, которые вложены друг в друга наподобие матрешки. Отсюда можно сделать и такой вывод: космос творится наподобие произведения искусства из чувственных отношений между человеческими и нечеловеческими вещами. И раз объекты всегда недоступны, а любое отношение является продуцированием новой вещи, то прямого познания реальности как такового не существует, поэтому и «искусство — это не производство знаний о вещах, но созидание новых вещей-в-себе»¹²³.

Кроме того, ООО пытается объяснить историко-политические процессы. И в результате таких изысканий Харман приходит к любопытному

¹²⁰ Parildar S. All For A Realist Defense of Metaphysics: Graham Harman vs. Peter Wolfendale. URL:[https://www.researchgate.net/publication/337200299 All For A Realist Defense of Metaphysics Graham Harman vs Peter Wolfendale](https://www.researchgate.net/publication/337200299_All_For_A_Realist_Defense_of_Metaphysics_Graham_Harman_vs_Peter_Wolfendale) (accessed: 20.08.2021).

¹²¹ Харман Г. Weird-реализм: Лавкрафт и философия / Пер. с англ. Г. Коломойца и П. Хановой. – Пермь: Гиле Пресс, 2020. – С. 16.

¹²² Харман Г. О замещающей причинности / Пер. с англ. А. Маркова // Новое литературное обозрение. – 2012. – № 2. – URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2012/2/o-zameshhayushhej-prichinnosti.html> (дата обращения: 11. 08. 2021).

¹²³ Харман Г. Объектно-ориентированная онтология: новая «теория всего» / Пер. с англ. М. Фетисов. – Москва: Ад Маргинем, 2021. – С. 102.

выводу, что реальные объекты, которые, как казалось, должны иметь бесконечное число интерпретаций, на деле, обладают лишь ограниченным количеством трактовок. «Если более конкретно, то может быть пять или шесть различных способов интерпретации медицинского состояния и примерно столько же возможностей обойтись с политической дилеммой, интерпретацией “Гамлета” или же последовать за Иммануилом Кантом с собственной новой философией»^{124 125}.

По ходу рассуждения можно было заметить, что толкование онтологии в рамках ООО значительно отличается от догматического, хотя вначале мы отметили сходство хармановской философии с докритической. В следующем разделе мы покажем, насколько причудливо Харман обращается с догматической онтологией: с одной стороны, эксплицитно её отстаивая, с другой, значительно трансформируя под влиянием посткантовской критики.

2.1.5. Объектно-ориентированная философия: догматический и критический взгляд на онтологию

«онтология – специальный и часто теоретически удачный путь отношения к тому, что есть и как оно есть»¹²⁶

Из интервью Г. Хармана

Харман пытается провести любопытное различие между метафизикой и онтологией в вольфианском духе, которое, в принципе, соответствует тому, как можно подходить к онтологии в целом: можно двигаться в исследовании бытия от частных сущих, но можно и характеризовать бытие само по себе. В

¹²⁴ Харман Г. Объектно-ориентированная онтология: новая «теория всего» / Пер. с англ. М. Фетисов. – Москва: Ад Маргинем, 2021. С. 182.

¹²⁵ Более подробно Харман развивает эту идею в работе «Объектно-ориентированная онтология: новая “теория всего”». Там же на примере анализа гражданской войны в США философ пытается показать, почему именно такое количество интерпретаций ключевых событий данного социально-политического периода возможно. Тот же тезис об ограниченном числе трактовок, но уже медицинского недуга как объекта, Харман исследует, привлекая материалы книги А. Мол «Множественное тело».

¹²⁶ Харман Г. За эстетикой — будущее философии // Кольта. URL: <http://www.colta.ru/articles/art/12175> (дата обращения: 20.08.2021).

тексте «О замещающей причинности» философ пишет: «пусть “онтология” отсылает к описанию основных структурных признаков, общих для всех объектов, а “метафизика” обозначает обсуждение фундаментальных свойств тех или иных видов сущностей»¹²⁷. Харман утверждает, что его онтология функционирует на этих двух уровнях сразу.

Начнем с характеристики бытия как такового. Реальность, согласно ООО, неизмеримо больше человеческого мира, мы – лишь её крохотный и незначительный фрагмент. Получается, что бытие, если определять его в отношении человека, даже с чисто количественной точки зрения является нечеловеческим. Вся система, предлагаемая Харманом, – и описанная нами здесь в достаточно урезанном виде, – является онтологией нескоррелированного бытия: она высказывается о существующем вне мышления бытии и описывает его универсальные характеристики. И ООО выводит ряд свойств, которыми обладает это бытие: противоречивость¹²⁸, преходящность (объекты рождаются и умирают), случайность, бесконечная основанность (регресс вниз), множественность (нет Единого объекта), непроницаемость для мышления и не схватываемость в понятии. В предыдущей главе мы перечисляли, какими свойствами бытие наделялось в метафизической (докритической) философии, и здесь мы видим, что в этом отношении Харман отходит от догматической мысли.

Так в каком же смысле данный онтологический подход является метафизическим? Пожалуй, самое главное в том, что все перечисленные онтологические характеристики бытия приписываются не только мышлению, но и реальности, при том не указывается и не обосновывается принцип, согласно которому это совершается. Харман делает вид, что различия между бытием и мышлением нет (оно якобы почему-то «схлопнулось»), поэтому

¹²⁷ Харман Г. О замещающей причинности / Пер. с англ. А. Маркова // Новое литературное обозрение. – 2012. – № 2. – URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2012/2/o-zameshhayushhej-prichinnosti.html> (дата обращения: 11. 08. 2021).

¹²⁸ Вещи не тождественны («расколоты») внутри себя, поэтому способны продуцировать чувственные зоны, в которых происходит взаимодействие.

для мышления оказываются доступны универсальные характеристики нескоррелированного бытия. Выходит, что здесь ООО имплицитно включает в свой подход те принципы, от которых зачастую отталкивалась докритическая мысль, и которые критикует сам Харман. В данном случае речь идет, как минимум, об умственной проницаемости и понятийной выразимости самостоятельно существующей реальности. Кроме того, догматизм хармановской онтологии состоит в том, что она вполне сознательно населяет мир чувствующими сущностями (вспомним монады того же Лейбница¹²⁹, к которым отсылает сам Харман).

Мы рассмотрели то, как ООО подходит к бытию как таковому. Но ведь Харман заявляет свою онтологию и как ту, которая описывает бытие частных сущих. Харман пишет: «Объект любого вида, отдельный от других, сколь бы смутными ни были его границы, может стать объектом рассмотрения метафизики. Это может быть метафизика произведений искусства, психики, языка и даже ресторанов, млекопитающих, планет, чайных домиков и спортивных лиг»¹³⁰. Собственно такой онтологический анализ нескоррелированного бытия нам и предлагает Харман в приведенных выше примерах про науку и искусство. Но особенно детально философ разворачивает свои онтологические исследования в отдельных книгах об Ост-Индской компании¹³¹ или литературе ужасов Лавкрафта¹³².

В данном разделе ООО сравнивалась с догматической философией, но в предшествующей главе мы утверждали, что новые онтологии принимают

¹²⁹ Зачастую в текстах Хармана мы можем обнаружить, что философ стремится сблизить свое понимание «объекта» с «монадой» Лейбница или «формой» Аристотеля. В данном случае Харман имеет в виду, что его с философами к которым он отсылает, объединяет та интуиция, что вещи (в том числе нечеловеческие) обладают некоторой «живой» сущностью, которая по своей «природе» отличает человека.

¹³⁰ Харман Г. О замещающей причинности / Пер. с англ. А. Маркова // Новое литературное обозрение. – 2012. – № 2. – URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2012/2/o-zameshhayushhej-prichinnosti.html> (дата обращения: 11. 08. 2021).

¹³¹ См. Харман Г. Имматериализм. Объекты и социальная теория / пер. с англ. А. Писарева. М.: Издательство Института Гайдара, 2018.

¹³² См. Харман Г. Weird-реализм: Лавкрафт и философия / Пер. с англ. Г. Коломойца и П. Хановой. – Пермь: Гиле Пресс, 2020.

критический поворот. В таком случае, в чем заключается трансцендентализм хармановской концепции? Как представляется в том, что, вслед за Кантом, постулируется непреодолимый разрыв между для-нас и в-себе. Возможно также, что Харман, подобно Канту, придает особое значение эстетике. Впрочем, на этом сходства кончаются, поскольку ООО не может согласиться с Кантом во взгляде на субъекта. Харман распространяет корреляцию между в-себе и для-нас на всё сущее, делая человека ничтожно малым элементом реальности. Такая экстраполяция корреляции является способом, которым Харман, (1) принимая кантовский поворот, (2) преодолевает его изнутри, (3) возвращаясь к преобразованной догматической онтологии. В этом отношении Харман является представителем новых онтологий, который, с одной стороны, соглашается с трансцендентальным поворотом и критикой некоторых аспектов метафизики, с другой – желает вернуть онтологии (свойственной догматической философии) право описывать независимое от мышления бытие.

Итак, хармановский подход рассматривает субъекта как один из бесконечного числа объектов, который от иных онтологически не отличается. ООО называет философией доступа подходы, которые наделяют онтологическим приоритетом человеческого субъекта. Напомним, концепт «доступа» включается в более широкое понятие «онтологического таксономизма» и становится его частным случаем, который наиболее распространен на сегодняшний день. Харман полагает, что в основании философии доступа лежит «аргумент круга», который можно отвергнуть путем разоблачения его логической несостоятельности и потому восстановить представление о бытии, существующем вне мышления. Другим аргументом против философии доступа, по мнению мыслителя, является апелляция к тому, что у подобных подходов абсолютно нет необходимого основания для того, чтобы делать человека (или взаимоотношение «человек-

мир») основным предметом рассмотрения в контексте онтологии. Но, согласно ООО, решающий способ выхода за пределы философии доступа – это утверждение онтологической горизонтальности в качестве отправного теоретического пункта.

Также данная теория стремится изучать общие свойства реальности. Однако ООО в духе догматической философии приписывает черты, выведенные мышлением, бытию самому по себе. Также эта онтология осознанно населяет мир чувствующими вещами, подобно некоторым докритическим подходам. Кроме этого, онтология Хармана работает с конкретными сущими, постулируя их наивно-реалистически. Поэтому ООО функционирует на двух уровнях: частного сущего и бытия как такового. Также мы отметили, что Харман, подобно другим нашим героям, принимает кантовский поворот в философии (дихотомию в-себе/для-нас), но преодолевая его (распространяя эту дуотопию на все вещи), стремится вернуться к докритическому представлению о самостоятельно существующей реальности вне мышления.

2.2. Фактуальная онтология Квентина Мейясу: преодоление эпохи корреляции, контингентность и некорреляционистский субъект

В этом разделе будет рассмотрена программа известного мыслителя, на которого часть интеллектуального сообщества возлагает большие надежды, – Квентина Мейясу¹³³. Здесь будет исследована попытка фактуального преодоления корреляционизма. Кроме того, мы проанализируем онтологию, предлагаемую Мейясу, и выделим её основные признаки. Французский философ открыто объявляет свой подход неметафизическим, но онтологическим. Мы покажем, какой специфический смысл вкладывает в это различие Мейясу. Также установим, каким образом после преодоления

¹³³ Данный факт отмечает в Харман в своей книге «Спекулятивный реализм: введение». По большому счету в данном случае речь идет о представителях спекулятивного реализма и о других философах близких к этому кругу вроде Питера Вульфиндейла.

корреляционизма в этом подходе восстанавливается инстанция субъекта, которая по заверению Мейясу, не подчиняет вещь-в-себе сознанию.

2.2.1. Эпоха корреляции

Мейясу выстраивает историю корреляционизма и достаточно подробно разбирает философскую аргументацию этого направления. Термин «корреляционизм» был предложен Мейясу в работе «После конечности»¹³⁴. Однако затем в статье «Итерация, реитерация, повторение. Спекулятивный анализ знака, лишённого значения»¹³⁵ французский философ вводит более широкое понятие «эпоха корреляции», в которое, наряду с корреляционизмом, включается «субъектализм». То, что в предыдущей главе мы называли «корреляционизмом» и «антропологизмом», фактически совпадает с тем, что Мейясу называет «эпохой корреляции» и «субъектализмом».

Начнем с термина субъектализм, который означает, согласно Мейясу, абсолютизацию какого-то аспекта человека, будь то мышления, воли, аффекта, жизни и пр. Кроме этого, субъектализм отрицает реальность, существующую независимо от субъекта. Вследствие чего абсолютизированная черта человека становится реальностью. Зарождение субъектализма Мейясу преимущественно связывает с Беркли, а развитие этого направления с философией Гегеля, Шопенгауэра, Ницше, Бергсона и Делеза. На примере Беркли ясно, что отрицая независимую от субъекта реальность, философ превратил всё сущее в совокупность духов, коммуникация между которыми скоординирована Богом. Именно в силу этого жеста отказа от нескоррелированного бытия и абсолютизации

¹³⁴ Мейясу К. После конечности: Эссе о необходимости контингентности / пер. Л. Медведевой. – М.: Кабинетный ученый, 2016.

¹³⁵ Meillassoux Q. Iteration, Reiteration, Repetition : A Speculative Analysis of the Meaningless Sign. Unpublished version / Trans. Mackay R. – 2012. – Berlin: Freie Universität – URL: <https://s3.amazonaws.com/arena-attachments/886529/539a4b4a8c213179c159eefc04a28947.pdf> (дата обращения: 12.07.2021).

человеческого духа Мейясу видит в Беркли одного из первых субъекталистов.

Отметим, что под понятие «субъектализм» подпадают не только панпсихистские или идеалистические учения последних двух-трёх столетий, но и современные материализмы, рационализмы и постгуманизмы. Так, скажем, Бадью и Жижек интерпретируют субъекта как некоторую действующую инстанцию, которая не всегда связана с индивидуальным человеком. Поэтому в случае Жижека и Бадью субъектом может быть коллектив людей (партия или корпорация), но так же собрание музыкальных произведений¹³⁶. Представляется, что с точки зрения Мейясу перенесение свойств конкретного человеческого индивида на другие сущности будет субъекталистским. С той же ситуацией мы имеем дело, когда говорим об изводах современного рационализма¹³⁷, которые пытаются приравнять специфически понятый сильный ИИ к человеку и выдать это за деантропологизацию субъекта. В данном случае, дело также обстоит равным счетом наоборот: неорационализм репрессирует нескоррелированное бытие в пользу субъекта, т.е. мышление «съедает» реальность, которая его и породила, тем самым возвращая нас в эпоху корреляции. В свою очередь, постгуманизм выдает свою субъекталистскую сущность тем, что очеловечивает материю (случай Р. Брайдотти)¹³⁸.

Итак, эпоха корреляции – это «постберклианская эра, которая, с одной стороны, пошла в сторону корреляционизма, с другой, субъектализма»¹³⁹.

¹³⁶ Бадью А. *Философия и событие. Беседы с кратким введением в философию* Алена Бадью / пер. с фр. Д. Кралечкина. – М.: Институт общегуманитарных исследований 2013. С. 78.

¹³⁷ В данном случае подразумеваются проекты Резы Негарестани и Рэя Брасье 2010-х гг.

¹³⁸ В работе Розы Брайдотти «Постчеловек» имеются фрагменты, в которых нечеловеческим сущностям приписывается способность к практике. Брайдотти Р. *Постчеловек* // Пер. с англ. Д. Хамис, под ред. В. Данилова. – Москва: Издательство Института Гайдара, 2021.

¹³⁹ Meillassoux Q. *Iteration, Reiteration, Repetition : A Speculative Analysis of the Meaningless Sign*. Unpublished version / Trans. Mackay R. – 2012. – Berlin: Freie Universität – URL: <https://s3.amazonaws.com/arena-attachments/886529/539a4b4a8c213179c159eefc04a28947.pdf> (дата обращения: 12.07.2021).

Как ясно из цитаты, кроме субъектализма, Беркли внес вклад в становление корреляционизма. Речь о том, что философ, во-первых, передал антиреалистический пафос всей последующей европейской мысли, во-вторых, снабдил философию тезисом и аргументом «круга». В предшествующем параграфе мы уже начинали обсуждать этот тезис. Напомним, он означает, что всякое суждение о реальности невозможно без *полагания (создания)* этой реальности. И в более сильном виде: нет X без мысли об X. И приводится аргумент: отрицая тезис, что я ничего не могу мыслить за пределами своего мышления (мыслить в-себе), я попадаю в противоречие, поскольку этим я подтверждаю, что мыслю только свое мышление. В определенной степени такой способ обращения с реальным разрабатывает Кант, а в особенности посткантовская философия. Однако Кант не отрицает существование в-себе, он только говорит, что оно непознаваемо (поэтому философ в строгом смысле не следует «кругу»).

И все же, несмотря на существование в-себе, Кант предлагает сделать основным предметом теоретической философии *условия мыслимости* для нас. Немецкий мыслитель проводит разницу между тем *что* дано (данное) и *как* оно дано (данность). Согласно Мейясу, Кант полагал, что способ описания структуры данности не зиждется ни на каком первом принципе. Не существует закона, или необходимого условия, положившись на который мы можем установить трансцендентальные структуры. Мейясу ссылается на рассуждение, присущее докритической философии (близкое скорее к новоевропейскому рационализму): чтобы установить, чем является определенное нечто, мы должны предполагать существование некоторой реально присутствующей сущности, которая является предпосылкой для всего существующего. Согласно Мейясу, Кант считает, что у нас нет оснований верить в реальное присутствие такой сущности в мире, и поэтому мы можем к этому докритическому тезису отнести как к простому факту, который в данный момент оказался в нашем поле зрения. Мейясу использует термин «фактичность», который означает «отсутствие причины для всякой

реальности», «невозможность обеспечить предельное основание для существования любого сущего»¹⁴⁰. Фактичность – это пробел в знании, некоторое незнание. Мейясу считает, что Кант предлагает в качестве фактичной рассмотреть данное (то есть то, *что* дано, т.к. оно зависит от случайного аффицирования вещью-в-себе) и способ установления того, как это дано (трансцендентальную дедукцию), но не данность (трансцендентальный аппарат).

По мнению Мейясу, в философии Канта мы получаем базовую схему, которая доминирует в европейской философии по сей день. Такой механизм называется «корреляционизмом». Мейясу пишет: «Под “корреляцией” мы понимаем идею, согласно которой мы можем иметь доступ только к корреляции между мышлением и бытием, но никогда к чему-то одному из них в отдельности. Мы будем называть “корреляционизмом” любое направление мысли, которое утверждает непреодолимый характер корреляции, понятой таким образом»¹⁴¹. Ко-реляция есть со-принадлежность полюсов (данности и данного), т.е. связь, которая первична в отношении самих членов, которые она связывает. Следовательно, основной поворот, который совершил Кант, с точки зрения Мейясу, состоит в том, что философия перестала познавать мир сам по себе и сместила акцент на исследование того, как мир дан субъекту. Вместо реальности самой по себе философию с этих пор интересуют «буферные зоны», расположенные между неустойчивыми полюсами (субъект/объект, я/не-я, ноэмо-ноэтическое, означающее-означаемое и т.д.)

Кантовский трансцендентализм, согласно Мейясу, задал предпосылки новому типу мышления, который включает в себя: во-первых, склонность к использованию «тезиса круга», т.е. сведение в-себе к для-нас, во-вторых, примат отношения перед членами отношений (данное и данность неразрывно

¹⁴⁰ Meillassoux Q. Time without becoming. Mimesis International. – 2013. – URL: <http://gefter.ru/archive/7657> (дата обращения: 13.01.2021).

¹⁴¹ Мейясу К. После конечности: Эссе о необходимости контингентности / пер. Л. Медведевой. – М.: Кабинетный ученый, 2016. – С. 11.

связаны), в-третьих, фактичность данного и способа установления данности. Выше мы отмечали важное отличие позиции Канта от некоторых изводов посткантовской философии: основоположник коперниканского поворота признавал существование в-себе. На этом основании Мейясу характеризует кантовский вариант корреляционизма как «слабый».

И по тому же критерию выделяет «сильный» корреляционизм как тот, который не выносит однозначного суждения о существовании или не существовании в-себе, а концентрируется исключительно на создании моделей («буферных зон», «зазоров») для осмысления корреляции. Подчеркнем, сильный корреляционист не утверждает ни то, что вещи-в-себе не существует (субъекталист), ни то, что она существует (слабый корреляционист). Другим отличием сильной версии является то, что она постулирует фактичность структуры данности, чего, скажем, не происходило у Канта, поскольку в качестве явно фактичной немецким философом рассматривалась только трансцендентальная дедукция и данное, но не априорный аппарат. Ещё раз: трансцендентальное в слабом корреляционизме мыслилось как необходимое (для опыта) и неизменное, тогда как сильная версия постулирует случайность этой структуры, поскольку она зависима от внешних сил (культуры, языка, сознания, социальных практик, истории и т.д.), которые являются изменчивыми. Таким образом, сильная версия в отличие от слабой, во-первых, не выносит однозначного суждения о существовании или не существовании в-себе, во-вторых, рассматривает данность в качестве фактичной. В целом, по мнению Мейясу, сильный корреляционизм является на сегодняшний день, наиболее распространенной позицией в европейской философии.

Таким образом, Мейясу прилагает достаточно много усилий, в отличие от той же ООО, которую мы рассматривали ранее, для реконструкции образа корреляционизма. Конечно, не без грубых упрощений, но Мейясу создает схему, к которой он сводит историю почти трехсотлетней европейской

мысли. Мейясу говорит об эре корреляции, которая включает два вида корреляционизма и субъектализм.

2.2.2. Абсолютизация фактичности и закрытие эры корреляции

Теперь обратимся к анализу того, как Мейясу предлагает выйти за пределы эры корреляции. Философ говорит, что мы обязаны полностью принять её логику и пройти все ступени этой эры. И в том случае, если нам удастся обнаружить внутри эпохи ресурс, позволяющий её прорвать изнутри, только тогда мы всерьез можем говорить о её преодолении.

Напомним, слабый корреляционизм, полагает, что в-себе мыслимо, но непознаваемо. Поэтому в соответствии со слабым корреляционизмом мы должны работать всегда с для-нас и никогда с в-себе. Субъекталист предпочитает воспользоваться «тезисом круга» и отказать в существовании бытию вне мышления, поэтому полностью сводит любое в-себе к для-нас (или к антропным свойствам). По мнению Мейясу, субъекталист в этом жесте отрицания бытия и преодолении слабого корреляционизма оказывается прав.

В игру вступает сильный корреляционист, за которым нам предлагается следовать. Мейясу утверждает, что сильный корреляционист опровергает субъектализм, поскольку последнему нечего возразить на аргумент фактичности позиции, из которой абсолютизируется какое-то человеческое свойство. Сильный корреляционист просто указывает, что абсолютизированный человеческий аспект является случайным, поскольку он постулируется тем или иным индивидом в определенный культурно-исторический момент. Однако, помимо этого, субъекталист утверждает о в-себе, что оно не существует, но сильный корреляционист полагает, что равным образом нельзя говорить и о *не несуществовании* этого в-себе. Получается, что субъекталист (который преодолел слабого корреляциониста

«тезисом круга») опровергается сильным корреляционизмом дважды: указанием на произвольность мышления, которое постулировало необходимость какого-то человеческого свойства, а также демонстрацией того, что не существует абсолютного основания, чтобы полностью исключить существование вещи-в-себе.

В конечном итоге сильный корреляционист полагает, что нет необходимого основания ни у данного, ни у данности, ни у взаимоотношения между ними. Также он не знает, существует ли в-себе или нет. Сильный корреляционист окружен облаком незнания и все, что ему остается это прояснять изменяющуюся связь полюсов данности и данного (или означающего/означаемого, ноэмо-ноэтического и т.п.). Мейясу считает, что вслед за сильным корреляционистом нужно согласиться на фактичность обозначенных философских структур, но рассмотреть эти отсутствия оснований *как знание*. Таким образом, Мейясу солидаризируется с сильным корреляционистом, но делает ещё один шаг, – превращает фактичность в знание о вещи-в-себе. Такое знание Мейясу уже называет *контингентностью* в противоположность фактичности, которая является незнанием. Далее мы еще подробнее обсудим, что собой представляет контингентность, но сейчас нужно понять, за счет чего Мейясу считает возможным превратить этот недостаток в познании в преимущество.

Аргумент Мейясу в том, что если сильный корреляционист не будет обращаться к изменчивости корреляции, т.е. к тому, что корреляция может внезапно стать другой без всякой на то абсолютной причины, то ему придется остаться субъекталистом. Сильный корреляционист, опровергая субъекталиста указанием на произвольность мышления, мыслит другое-корреляции. Предположение, что мышление в следующий момент может обернуться чем-то невиданным, является условием опровержения субъекталиста. И если сильный корреляционист попытается опровергнуть тезис о том, что наше мышление (опровергающее его) тоже случайно (т.е. может быть радикально другим), то сам вновь подтвердит тезис о

существовании чего-то внешнего мысли. Мейясу считает, что другое-мысли является полным отсутствием мысли. Мысль обнаруживает, что мыслит только благодаря возможности помыслить не-мысль, т.е. свое полное отсутствие.

Идею о вынужденном выходе мысли за свои пределы Мейясу иллюстрирует на примере фигуры смерти. Скажем, известна попытка Хайдеггера обосновать конечность экзистенции через апелляцию к смерти. Немецкий философ утверждал, что смерть является пределом, за который мы не можем выйти. Мейясу же говорит, что такой тип рассуждения не может не преодолевать границу, которую сам себе выставляет, иначе бы не была видна сама эта граница.¹⁴² Мейясу пишет: «чтобы помыслить себя смертным, я должен признать, что смерть не зависит от моего собственного мышления о ней»¹⁴³. Опровергая это утверждение тем, что «я мыслю события после своей смерти только в настоящем» я лишь подтверждаю, что не могу обойтись без обращения к внешнему моей корреляции в данный момент (т.е. я уже мыслю другое-мысли, мысля события после смерти).

Эта не-мысль и является искомой Мейясу вещью-в-себе. Мало того, философ полагает, что все сущее как бы «пропитано» этим некорреляционным бытием, или так: сквозь каждое сущее просвечивает экстериторное. Не только мысль может стать чем-то иным в любой момент без всякого на то предельного основания, но и все сущее может измениться абсолютно без всякой причины. Это нечто, что излучается сквозь все сущее наподобие радиации, Мейясу называет контингентностью. Вот какое определение контингентности дает Мейясу — это «свойство любой вещи и

¹⁴² Комментаторами было отмечено, что критика Мейясу в отношении Хайдеггера схожа с тем тезисом, который в своё время Гегель выдвигал против Канта. Гегель утверждал, что трансцендентальные структуры можно вывести лишь в том случае, если мы уже находимся за их пределами / см. Backman J. Transcendental Idealism and Strong Correlationism: Meillassoux and the End of Heideggerian Finitude // *Phenomenology and the Transcendental*, ed. Sara Heinämaa, Mirja Hartimo, and Timo Miettinen. – 2014. – PP. 276–294.

¹⁴³ Meillassoux Q. Time without becoming. Mimesis International. – 2013. – URL: <http://gefeter.ru/archive/7657> (дата обращения: 13.01.2021).

вообще целого мира – быть без достаточного основания и поэтому иметь возможность без всякого основания стать действительно другим»¹⁴⁴. И философ продолжает: «предельное отсутствие достаточного основания — то, что мы назвали неоснованием, — это абсолютное онтологическое свойство, а не знак конечности нашего знания»^{145 146}.

Рассмотрим такой термин из словаря Мейясу, как «фактуальность», которым философ называет неопровержимым оператором всякого опровержения. Это означает, что фактуальность является основой всякого отрицания, в том числе и отрицания утверждения о том, что все случайно. Невозможность опровергнуть фактичность, не подтверждая ее (нельзя продемонстрировать фактичность самой фактичности), Мейясу называет «фактуальностью». А выход за пределы гносеологической установки, ориентированной в основном на описание того, как нечто нам дано в «более исходную» область, позволяет говорить об онтологии. Имя для неопровержимого оператора всякого опровержения, т.е. «фактуальность», Мейясу переносит на свою «онтологию», получая «фактуальную онтологию». Нужно отметить, что Мейясу не всегда удается придерживаться терминологической строгости потому, что у него слова контингентность, фактуальность (даже фактичность), вещь-в-себе, бытие и материя часто используются как взаимозаменяемые.

Здесь много раз речь шла о фактичности разных механизмов философствования последних трех столетий. Релятивизацию данного, данности и их взаимоотношений Мейясу воспринимает как шаги отказа от метафизики. Для Мейясу, метафизика в первую очередь не наука о

¹⁴⁴ Мейясу К. После конечности: Эссе о необходимости контингентности / пер. Л. Медведевой. – М.: Кабинетный ученый, 2016. – С. 74.

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ Любопытно, что Мейясу, делая ставку на отсутствие достаточного основания, развивает интуицию высказанную Хайдеггером в своем последнем тексте «Положение об основании». Там немецкий философ выдвигает идею, согласно которой мышлению, чтобы преодолеть метафизику, следует отказаться от достаточного основания и сделать акцент на бесосновности. Мейясу просто требует абсолютизировать эти тезисы Хайдеггера, поэтому говорит об абсолютном отсутствии достаточного основания и абсолютной бесосновности. Эти мысли были высказаны Йозелем Регевым в одном из его интервью.

сверхчувственном, но философия, которая придерживается принципа достаточного основания. Эпоха корреляции в целом шла верным путем элиминирования оснований у центральных философских структур, и наконец она наткнулась на некоторый предел, а именно невозможность обнаружить последнее основание чему бы то ни было вообще. Абсолютное отсутствие основания у всего Мейясу и предлагает рассмотреть как преодоление метафизики. У мира и вещей нет и не может быть последнего основания, поэтому нет плана, цели, смысла и ценностей. Скажем, такого предельного основания, как Бог, абсолютно нет, но если какой-то Бог и появится, то он не будет последним основанием. Для Мейясу это означает, что метафизика преодолена, но, как бы это парадоксально не звучало, основание у мира есть и это абсолютное неоснование. В этом отношении онтология Мейясу, как он сам утверждает, неметафизична.

Ещё добавим, что некоррелированное бытие Мейясу называет скандальным словом «абсолют» (раз всякая попытка опровержения ведет к подтверждению, то эта структура абсолютна), привлечение которого столь неодобрительно было встречено философской публикой. Но Мейясу считает необходимым ввести этот термин, поскольку он отчасти возвращает нас к представлению о самостоятельно существующем бытии, характерному для догматической философии; при этом из докритической мысли должна быть изъята метафизичность (достаточное основание). Пожалуй, Мейясу, как никто иной из рассматриваемых здесь философов, с одной стороны, отстаивает посткантовскую критику метафизики, с другой – желает вернуться к догматическому представлению о бытии, т.е. к абсолюту.

Как мы видим, Мейясу стремится разобраться с корреляционизмом строгими логическими рассуждениями. Несмотря на некоторую неопределенность понятий, о которой мы говорили, можно утверждать, что в плане стилистики и ставки на формальную аргументацию Мейясу сближается именно с аналитической школой философии.

К вопросу преодоления корреляционизма хотелось бы добавить ещё два замечания. Первое касается того, что Мейясу, закрыв эру корреляции, предлагает вернуться к «картезианству». И в данном отношении Мейясу подразумевает различие вторичных и первичных качеств, где последние познаются математикой. Кроме того Мейясу считает, что первичные качества присущи «материи». Харман верно подмечает, что Мейясу разделяет мир на две сферы: мышление и материю. Отсюда напрашивается предположение, что Мейясу хочет восстановить нечто похожее на новоевропейскую дихотомию живое мышление/мертвая материя. И если ещё развивать эту идею, то Мейясу склонен к тому, чтобы рассматривать в качестве мыслящего лишь человеческое существо.

Создается ощущение, что подходы, которые стремятся сделать субъектом не только человека, но и другие нечеловеческие сущности, Мейясу воспринимаются как корреляционистские. Борьба с корреляционизмами и субъектализмом для Мейясу также предполагает, что нам нужно найти нечто познаваемое и принципиально независимое от человеческого мышления. Тогда становится понятна его симпатия к картезианской модели субъекта. Скажем сильнее: по Мейясу полный отрыв субъекта от человека свидетельствует о принадлежности к эре корреляции.

Второе замечание, которое бы нам хотелось сделать по поводу борьбы с корреляционизмом, касается «архиископаемого». Вообще Мейясу начинает свое обсуждение корреляционизма именно с проблемы архиископаемого. Корреляционист (слабый и сильный корреляционист, а также субъекталист) испытывает трудность в том, чтобы осмысленно высказаться об эпохе, которая предшествовала появлению мышления. Наука говорит о событиях до возникновения сознания как реальных, но корреляционист их действительное существование делает иллюзорным на том основании, что мыслит такие факты только в настоящем. Корреляционист попадает в парадокс: тогда чем являются подобные события, о которых говорит наука, ведь если они нереальны, то приходится предполагать вечно существующее мышление до

возникновения мышления? Подобный тезис, скорее, идет против здравого смысла, и вряд ли кто из современных корреляционистов поддержал бы его. Но в том и трудность, что корреляционизм обнаруживает здесь свое ограничение, поскольку как оказывается, он несет в себе экстравагантную предпосылку о вечности мышления.

И здесь необходимо напомнить о крайне распространенном заблуждении, будто бы тезис архиископаемого является аргументом против корреляционизма, что, по словам Мейясу и его интерпретаторов, не является правдой. Архиископаемое – апория, проблема, или диагностический тест, который всего лишь свидетельствует о недостатке корреляционизма, но никак не является аргументом против оногo. Иначе архи-ископаемое следовало бы рассматривать в качестве наивно-реалистического тезиса, чего фактуальная онтология не может себе позволить. Мейясу оправдано считает, что постулирование в-себе, не прошедшее отрицание «кругом» (именно «круг» отвергают Харман и, как мы увидим, Брассье), является корреляционистским ходом. Поэтому Мейясу на определенном витке своих рассуждений о преодолении эры корреляции постулирует вечность мышления, а потом полагает, что опровергает эту позицию и выходит к в-себе.

Таким образом, Мейясу предлагает нам пройти все ключевые вехи эпохи корреляции, заняв в конечном счете позицию сильного корреляциониста, а после обернуть против него тезис фактичности. Фактичность корреляции, считает французский философ, нужно рассмотреть не как незнание, а как знание того, что все случайно. И это даст нам возможность говорить о вещи-в-себе. Метафизику, понимаемую как тип философского рассуждения, пытающегося спасти достаточное основание чего бы то ни было, Мейясу полагает совершенно преодоленной указанием на контингентность как абсолютное отсутствие основания у всего.

2.2.3. Вещь-в-себе и фактуальная онтология

«Существует контингентное бытие независимое от нас, и у этого контингентного бытия нет причины иметь субъективную природу... Бытие отделенное и независимое от мысли»¹⁴⁷

Из интервью Мейясу

«Если мы посмотрим в щель, которую открыли, на абсолют, мы увидим там довольно угрожающую силу — нечто глухое, способное разрушать вещи и миры; способное порождать монстров алогизма; способное также никогда не переходить к действию; способное воплотить и любые фантазии, и любые кошмары; способное на необузданные и беспорядочные изменения, или, наоборот, способное произвести бездвижный универсум. Подобно туче, которая может принести бурную грозу, а за ней период ясности, который потом оказывается затишьем перед бурей. Всемогущество, равное всемогуществу картезианского Бога, который может что угодно, даже непостижимое; но Всемогущество ненормированное, слепое, лишенное других божественных совершенств и ставшее автономным. Могущество, в котором нет ни доброты, ни мудрости, неспособное гарантировать мышлению истинность его ясных идей»¹⁴⁸.

Мейясу не часто позволяет себе такие поэтические описания бытия. Это едва ли не единственный фрагмент из всех работ философа, где бытие изображено в таком духе, поскольку Мейясу хочет быть строгим и системным философом. Французский мыслитель, видимо, полагает, что ему удалось вывести для философии некий первый принцип, которого он сам с настойчивостью придерживается в своих немногочисленных работах и называет его контингентностью (фактуальностью).

Какой дискурс исследует это бытие? Онтология. Точнее, по Мейясу, неметафизическая онтология. Выше мы писали, что Мейясу рассматривает тезис абсолютного отвержения достаточного основания как

¹⁴⁷ Meillassoux Q. There is contingent being independent of us, and this contingent being has no reason to be of a subjective nature / trans. from the French by Marie-Pier Boucher. URL: <https://quod.lib.umich.edu/o/ohp/11515701.0001.001/1:4.4/--new-materialisminterviews-cartographies?rgn=div2;view=fulltext> (дата обращения: 13.01.2021).

¹⁴⁸ Мейясу К. После конечности: Эссе о необходимости контингентности / пер. Л. Медведевой. – М.: Кабинетный ученый, 2016. – С. 91–92.

неметафизический. Свой крестовый поход против метафизики мыслитель также связывает с отрицанием Единого. Здесь Мейясу ссылается на онтологическое приложение Аленом Бадью математической теории множеств Кантора. Вслед за своим учителем Мейясу пишет: «онтологическая значимость теоремы Кантора в том, как она раскрывает математическую мыслимость детотализации бытия-как-такового»¹⁴⁹. И ещё одна цитата, которую мы собираемся прокомментировать: «абсолютизация канторовского не-Всего предполагает отнюдь не онтическую, а онтологическую абсолютизацию: поскольку речь идет о том, чтобы сказать нечто о самой структуре возможного, а не о той или иной возможной реальности. То есть сказать, что возможное как таковое (а не то или иное возможное сущее) должно необходимо быть нетотализуемо»¹⁵⁰.

Итак, Бадью и Мейясу считают, что Единое абсолютно отсутствует, и это онтологическое положение. Но какой ещё вывод мы можем сделать из этой цитаты? Тот, что онтологии следует изучать не частные сущие, данные в одном из актуальных или виртуальных миров, но саму структуру возможности или контингентности. То есть, по Мейясу, онтология должна исследовать не конкретные вещи или объекты, а устанавливать «фигуры контингентности»¹⁵¹, при этом мыслитель подчеркивает, что «у фактуальной онтологии нет назначения быть “негативной онтологией”»^{152 153}.

Что это за фигуры, или условия выполнимости контингентности, поиск и прояснение которых составляют главную задачу онтологии? Таковых

¹⁴⁹ Мейясу К. После конечности: Эссе о необходимости контингентности / пер. Л. Медведевой. – М.: Кабинетный ученый, 2016. – С. 152.

¹⁵⁰ Там же. С. 192.

¹⁵¹ Meillassoux Q. Iteration, Reiteration, Repetition : A Speculative Analysis of the Meaningless Sign. Unpublished version / Trans. Mackay R. – 2012. – Berlin: Freie Universität – URL: <https://s3.amazonaws.com/arena-attachments/886529/539a4b4a8c213179c159eefc04a28947.pdf> (дата обращения: 12.07.2021).

¹⁵² Прочтения онтологии Мейясу как исключительно апофатической вызывают недоумения. Речь идет о тексте, в котором предпринимается подобная попытка: Ростова Н.Н. «Спекулятивный реализм как проект новой набожности» // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 455. – С. 59–67.

¹⁵³ Мейясу К. После конечности: Эссе о необходимости контингентности / пер. Л. Медведевой. – М.: Кабинетный ученый, 2016. – С. 149.

фактуальной философии удалось обнаружить пока что две: «непротиворечивость» и «есть». В случае с «есть», что нечто должно существовать, поскольку контингентность – это всегда контингентность того или иного конкретного сущего. Чтобы контингентность была, должна существовать вещь, которая может стать иной, и также должны быть несуществующие вещи, которые могут стать существующими. Что касается другой фигуры, то контингентное сущее всегда должно быть непротиворечиво. В противном случае, если мы утверждаем необходимость какого-либо противоречивого сущего, то исключаем саму контингентность, поскольку перестаем полагать, что нечто может стать чем-то совершенно иным, и включаем её в противоречивое сущее.

Для философии Мейясу условия функционирования контингентности, конечно, являются неоспоримыми онтологическими принципами. Но ими фактуальная онтология отнюдь не ограничивается, что видно и по самим текстам Мейясу. Фактуальная философия, в конце концов, выносит и какие-то другие суждения о нескоррелированной реальности. Так о каких свойствах бытия идет речь?

Начнем с такой поразительной черты фактуальной онтологии как тождество бытия и мышления, хотя Мейясу не объявляет этот принцип в своих текстах прямо. Следование тождеству предполагает сам подход Мейясу, поскольку происходит «схлопывание» различия между бытием и мышлением. Мышление конвертируется в бытие, или вещь-для-нас переходит в вещь-в-себе. Контингентность становится не просто принципом мышления, но и самим нескоррелированным бытием. Конечно, практически для всей посткантовской философии тождество бытия и мышления – это настоящий философский скандал. Мейясу бы не согласился с тем, что то, что допускается его концепцией, есть такое же тождество, которое предполагала философия от Парменида до Христиана Вольфа. Как минимум, отличие состоит в том, что интерпретация бытия в докритической философии одна

(мы про нее писали в первой главе), а в фактуальной онтологии другая – прошедшая сквозь корреляционизм.

В этой связи стоит обратить внимание, какими чертами реальность, достигаемая посредством тождества, наделяется в фактуальной философии. На основании текстов Мейясу можно вывести ряд его утверждений о свойствах бытия (которые, в общем-то, едва ли отличны от черт мышления, преодолевшего корреляционизм): вне-корреляционность (нередуцируемость бытия к языку, культуре, истории, социальным практикам и пр.), непротиворечивость (невозможность необходимого противоречивого сущего), абсолютная случайность (отсутствие достаточного основания), множественность (отсутствие Единого), радикальная имманентность (невозможность трансцендентного), бессмысленность, бесцельность, ценностная нейтральность, материальность, проницаемость для человеческого ума (в силу тождества бытия и мышления), математизируемость.

Ранее мы отмечали, что отчасти философ стремится восстановить понятие материи в картезианском ключе. Однако мыслитель также вроде бы и дистанцируется от подобного понимания материи. Объясняется это тем, что для Мейясу вещь-в-себе это не совсем та материя, которая изучается естествознанием. Мейясу, с одной стороны, наделяет особой привилегией науки о природе из-за того, что те функционируют на базе математики; и, подражая Декарту, Мейясу стремится обосновать тезис, что математика (но только в определенном изводе теории множеств, а именно «стандартной» аксиоматике Цермело-Френкеля¹⁵⁴) способна указать путь к описанию первичных качеств материи. С другой стороны, Мейясу ставит математическое естествознание в один ряд с другими эмпирическими науками, в том числе гуманитарными (куда философ, помимо социологии и истории, включает даже литературу). Этим он демонстрирует, что между

¹⁵⁴ Мейясу в данном случае отсылает к Бадью: «Читатель может обратиться к следующим «Размышлениям» из “Бытия и события”: 1–5, 7, 12–14, и наиболее важное Размышление 26, касающееся умножения бесконечных множеств».

различными эмпирическими дискурсами нет и не должно быть никакой объединяющей теории, к которой они должны были бы редуцироваться¹⁵⁵.

Фактуальная онтология отстаивает тезис о многообразии теоретических моделей для объяснения миров, не давая подчинить эти теории трансцендентному или Единому. Философ пишет, что его материализм «защищает исключительное право опыта на описание неисчерпаемых хитросплетений реальности, составляющих наш мир»¹⁵⁶. Фактуальная онтология накладывает «мягкие» ограничения на эмпирические науки, поскольку позволяет им свободу в плане построения объяснительных моделей, но с тем условием, что последние не будут претендовать на всеобщность. Таким образом, онтология для Мейясу является дискурсом, который сам себя обосновывает посредством, во-первых, обнаружения специфического предмета и очерчивания поля своей деятельности, во-вторых, определения правил игры для всех эмпирических исследовательских дискурсов¹⁵⁷.

Но подобное положение фактуальной онтологии стоило ей крайне серьёзных потерь, поскольку она утратила претензию на исследование того или иного конкретного сущего. Мейясу данный момент обозначает очень четко: «поскольку я... познаю абсолют, я полностью запрещаю себе говорить

¹⁵⁵ Скажем, по мнению Мейясу, вопрос о возможности единства души и тела вовсе не является никакой проблемой, поскольку сознание и природа представляют собой онтологически автономные порядки; они возникли контингентно и так к ним следует относиться, а не пытаться их объяснить единой теорией.

¹⁵⁶ Meillassoux Q. Iteration, Reiteration, Repetition : A Speculative Analysis of the Meaningless Sign. Unpublished version / Trans. Mackay R. – 2012. – Berlin: Freie Universität – URL: <https://s3.amazonaws.com/arena-attachments/886529/539a4b4a8c213179c159eefc04a28947.pdf> (дата обращения: 12.07.2021).

¹⁵⁷ Вопрос того, изучает ли естествознание «реальность», Мейясу оставляет не проясненным. С одной стороны, философ стремился вернуть осмысленность высказываниям науки о мире (понятие архиископаемого), с другой вроде бы признал, что естествознание знает реальность не больше, чем гуманитарные дисциплины. Соответственно, если спросить Мейясу, как он относится к тому же кантовскому способу фундирования наук в трансцендентальном субъекте, то французский мыслитель, наверное, не стал бы возражать против такой легитимации. Но тогда зачем Мейясу понадобилось создавать новое обоснование для наук? Данное обстоятельство Мейясу не обсуждает.

о том, что есть, не говоря уже о том, что может быть»¹⁵⁸. Что из этого следует? Мейясу проводит принципиальное различие между онтологическим и онтическим режимом работы. Онтология не занимается контингентным сущим, поскольку это сфера деятельности частных опытных наук, т.е. онтики. А онтология исследует только контингентность как таковую, или нескоррелированное бытие, *ens qua ens*. Поэтому реставрация онтологии и её возвеличивание над другими дискурсами имеет своей оборотной стороной колоссальное сужение поля философской работы.

Подведем итоги данного параграфа. Фактически, Мейясу предлагает нам иное, отличное от доминирующего в эру корреляции, понимание философии. Отныне философия, скорее, не столько гносеологическое учение, занимающееся вопросами человеческого доступа, сколько онтология, изучающая условия реализации и свойства контингентности, т.е. бытия как такового. Мы установили, что Мейясу претендует на то, чтобы открыть режим мысли, который изоморфен нескоррелированной реальности. Мышлению для того, чтобы держаться в онтологическом регистре, нужно прояснять характеристики бытия. В итоге мы достигаем онтологии, которая понимается не как дисциплина, изучающая контингентное сущее того или иного мира, но как дискурс легитимизирующий всякую эмпирическую науку.

2.2.4. Некорреляционистский субъект

Философия Мейясу защищает абсолютный примат нескоррелированного бытия, которое без причины породило и способно уничтожить всё, что есть, включая человека. Учитывая данный факт и то обстоятельство, что философская публика знакома, в основном, с Мейясу по тексту «После конечности», фактуальная онтология зачастую

¹⁵⁸ Meillassoux Q. Iteration, Reiteration, Repetition : A Speculative Analysis of the Meaningless Sign. Unpublished version / Trans. Mackay R. – 2012. – Berlin: Freie Universität – URL: <https://s3.amazonaws.com/arena-attachments/886529/539a4b4a8c213179c159eefc04a28947.pdf> (дата обращения: 12.07.2021).

воспринимается как радикально антисубъективистский проект. Это верно. С другой стороны, у Мейясу есть совершенно четкое стремление восстановить субъекта, и в некоторых текстах мы видим наброски подобной программы. Речь идет о небольшом фрагменте из работы под названием «Число и сирена. Чтение “Броска костей” Малларме», диссертации философа, некоторых интервью, но особенно о работе «Имманентность потустороннего Мира» (L'immanence d'outre-Monde).

Итак, обозначенный нами последний текст, представляет собой расширенную версию знаменитой работы «Божественное несуществование». Здесь философ продумывает контингентное пришествие Бога и вместе с ним мира справедливости. Мейясу вводит «векторного субъекта», который надеется на контингентное пришествие коммунизма и намагничен из будущего этой утопией. Мейясу комментирует: «что меня интересует, так это обратный эффект этого ожидания на настоящее действие и на конкретную трансформацию субъекта»¹⁵⁹.

Признаться честно, мы не понимаем, каким образом сочетаются размышления об утопии с основными положениями фактуальной онтологии. Ведь конструирование утопии и исследование её эффектов на современных людей это раздел онтики. А как мы помним, «единственное, что должно интересовать спекулятивного философа, – это не то, что контингентно, а то, что необходимо»¹⁶⁰, т.е. не фактуальные миры, наполненные эмпирическими фактами, а условия функционирования этих миров. Каков в таком случае именно онтологический статус этой очевидно онтической теории? Данное обстоятельство Мейясу оставляет не проясненным. Харман в одной своей работе 2018 года говорит о том, что именно над доработкой этой теории в

¹⁵⁹ Meillassoux Q. There is contingent being independent of us, and this contingent being has no reason to be of a subjective nature / trans. from the French by Marie-Pier Boucher. URL: <https://quod.lib.umich.edu/o/ohp/11515701.0001.001/1:4.4/--new-materialisminterviews-cartographies?rgn=div2;view=fulltext> (датаобращения: 13.01.2021).

¹⁶⁰ Meillassoux Q. Iteration, Reiteration, Repetition : A Speculative Analysis of the Meaningless Sign. Unpublished version / Mackay R. (tr.) – Berlin: Freie Universität, – 2012. – URL: <https://s3.amazonaws.com/arena-attachments/886529/539a4b4a8c213179c159eefc04a28947.pdf> (accessed: 12.07.2021).

данный момент трудится Мейясу. Вероятно, если повезет, то мы увидим решение этой трудности, которая, как нам представляется, принципиальна для концепции Мейясу в целом.

Выделим несколько причин, согласно которым стоит рассмотреть концепцию субъекта Мейясу. Так, для фактуальной онтологии, как нам кажется, будет продуктивным создание теории субъекта, поскольку следует дать хотя бы самое минимальное объяснение того, почему именно данное философское мышление претендует на онтологию, т.е. нужно обосновать то, почему сама позиция Мейясу не является произвольной. Отсылка к пресловутой контингентности вряд ли может быть удовлетворительна, поскольку мы будем вынуждены утверждать нечто вроде «сама контингентность распорядилась так, что она открылась именно Мейясу»¹⁶¹. Представляется, что Мейясу осознает данный факт, но сейчас пока также не предложил какой-либо убедительной аргументации на этот счет. Кроме того, просто интересно посмотреть на самого Мейясу как на субъекта и увидеть методологию философа со стороны, что мы и попытаемся сделать. Таким образом, несколько слов о субъекте должно быть сказано, и мы попытаемся предложить свою интерпретацию этой теории, но подобных рассуждений в тексте самого философа мы не обнаружим¹⁶².

Субъект, который конструируется Мейясу, мыслит бессознательную основу, обеспечивающую функционирование как картезианской, так и посткантовских моделей субъекта. Контингентность, фактуальность – это сущность любого актуального и возможного сущего. Но как мыслить субъекта в условиях абсолютного отсутствия достаточного основания, не будет ли сам субъект неразличим в таком хаосе? Д. Ю. Кралечкин пишет, что «крушение терпит принцип достаточного основания, а не структура

¹⁶¹ Впрочем, нечто подобное всерьез утверждает Мейясу в тексте «Число и сирена». Там он в мессианском духе сравнивает себя с апостолом Павлом, который несет людям учение Иисуса Христа.

¹⁶² Более развернуто анализ концепции субъекта Мейясу представлен в: Девайкин И.А. Векторный субъект в фактуальной онтологии / Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика, Т. 21. – № 3. – С. 247–251.

данности, в которой [Мейясу - ДИ] абсолютизируется именно отсутствие этого принципа»¹⁶³. Харман предлагает более точную формулировку: «Факт человеческого мышления одновременно актуален и контингентен»¹⁶⁴. Следовательно, субъект существует в качестве тождественного себе сущего, имеет перед собой определенное по содержанию данное, но все это лишь фактуально, т.е. не имеет основания, а потому может в любой момент без всякой на то причины измениться. Например, ученый, изучающий электромагнитные поля, может превратиться в фею, а его объект – в цветы или сражающихся кентавров. Такой переход не будет ничем обусловлен, он в равной степени как возможен, так и нет, – согласно учению Мейясу о контингентности.

Рискнем выдвинуть достаточно сильный тезис: Мейясу восстанавливает субъект-объектную дихотомию. Это значит: сейчас по факту существуют субъект и объект, которые мыслятся как данные определенным образом. Для Мейясу, субъект и объект представляют собой принципиально изолированные друг от друга позиции, отношение между которыми не играет сущностной роли, как в корреляционизме. Субъект не создает объект, но он всегда с ним совпадает (в смысле тождества бытия и мышления), «перепрыгивая» корреляцию. Здесь должна подключаться идея о познании объекта через математическое описание. Но поскольку Мейясу только заявил, но пока не разработал программу философского объяснения математического познания¹⁶⁵, то о том, как именно совершается прямое познание объекта говорить ещё преждевременно.

Тем не менее можно поразмыслить над тем, как субъект фактуальной онтологии движется (но не познает!) внутри субъективного и объективного полюса. Мы хотим сказать, что онтологична не связь между субъектом и

¹⁶³ Кралечкин Д. Ю. Мейясу и экономия конечности // Логос. – 2013. – Т. 92. – № 2.

¹⁶⁴ Harman G. Quentin Meillassoux : Philosophy in the Making. Edinburgh University Press, 2011.

¹⁶⁵ Напомним, эта идея была выдвинута Мейясу в 2006 году, а после была попытка ее развить в статье 2012 года. С тех пор, насколько нам известно, Мейясу не продвинулся в разработке данной теории.

объектом, а каузальность внутри субъективного и объективного ряда по отдельности. Субъект и объект – это автономные серии причин, которые не имеют последней причины, метафизического *causa sui*. Можно картографировать зависимость актуального субъекта (так же, как и объекта) от своих прошлых состояний, но не существует предельного основания такой последовательности – это своего рода «связь без связи»¹⁶⁶. Кроме того, хотя каждый элемент внутри ряда зависит от другого элемента, одновременно с этим имеет место полная автономность элементов друг от друга, поскольку каждый атом в серии обладает своим бытием по случаю, контингентно.

Для Мейясу субъект мыслит хаос (как отсутствие основания), но также и свою собственную погруженность в этот хаос. Субъект движется шагом «двойной трансгрессии»¹⁶⁷: отрицая содержание своей данности, он должен отрицать и самого себя, т.е. на деле это один шаг, но включающий одновременно негацию двух порядков. Мейясу называет это «не-гегелевской диалектикой»¹⁶⁸, предполагающей отсутствие развития, но имплицитно содержащей двойную негацию. Субъект не просто отрицает метафизическую данность ради непрекращающейся погони за неметафизическим «невозможным» на манер разотождествленного постмодернистского субъекта, но и учитывает это отрицание, затем отрицая и его. Субъект Мейясу преодолевает постмодернистскую негацию, но сохраняет антиметафизическую трансгрессию данности в самотождественной¹⁶⁹ неметафизической данности уже «второго уровня». Отрицается постмодернистское отрицание как метафизики, так и данности, при этом субъект закрепляется в позиции неметафизической данности. По сути, шаг

¹⁶⁶ Регев Й. Коинсиндентология: краткий трактат о методе. – М.: ТрансЛит, 2015. – С. 54.

¹⁶⁷ Регев Й. Исток сосудов выше, чем исток света (Жиль Делёз и материалистическая диалектика) // *Stasis*. – 2019. – Т. 7. – № 1. – С. 322.

¹⁶⁸ Мейясу К. Число и сирена. Чтение «Броска костей» Малларме / Пер. с фр. С. Лосевой и К. Саркисова. – М.: Носорог, 2018. – С. 102.

¹⁶⁹ Самотождественность здесь возникает, поскольку для того, чтобы мыслить контингентность, мы должны исключать абсолютную необходимость существования противоречивого сущего (имеется в виду рассмотренная ранее фигура «непротиворечивости»).

двойной трансгрессии состоит в том, чтобы фундировать достижения постмодернистской критики метафизики, ниспровергая при этом саму экономику такой критики. Субъект Мейясу вообще не критикует метафизическую онтологию, а мыслит неметафизическое основание, понятое как абсолютное не-основание. Пожалуй, нечто подобное вышеописанному представляет собой не-гегелевская диалектика.

Субъект, вышедший за пределы эпохи корреляции, претендует на то, что ему удалось сбросить с себя корреляционистские оковы языка, культуры, истории и социальных практик. Теперь для его мысли пронцаемо бытие, которое просвечивает сквозь всякое сущее. Раз отныне горизонт работы не детерминирован корреляционизмом, то субъект может сам задавать предел. Для Мейясу таковым горизонтом является воскрешение мертвых, всеобщая эмансипация, равенство и коммунизм. Однако французский философ стремится отличить свой проект от радикально левых идей 20 века, которые привели некоторые страны к лагерям и массовым убийствам.

Философ считает, что его проект идеального общества должен полагаться субъектом как самый желаемый, но не осуществимый благодаря одной только человеческой воле. Новый мир наступит контингентно, но жить надо так, будто он точно придет благодаря субъективным усилиям. Человеческая активность ограничивается контингентностью, а потому настоящее не подчиняется будущему; обратное случилось со сталинизмом и маоизмом, которые жертвовали ныне живущим поколением во имя будущих. Всевластная контингентность сама накладывает ограничения на актуальную активность субъекта, а тот их смиренно принимает. Этим способом, считает Мейясу, ему удастся отличить себя от концепции субъекта Брассье (о чем речь далее), поскольку в последней есть риск наделить бесконтрольной активностью субъекта, подобно левым коммунистическим программам прошлого века.

Таким образом, фактуальная онтология сначала якобы преодолев корреляционизм, реставрирует позицию человеческого субъекта.

Представляется, что Мейясу стремится восстановить субъект-объектную дихотомию, в которой онтологичны не отношения между полюсами, но причинности внутри ряда субъекта и объекта по отдельности. Также мы установили, что такой субъект движется двойным шагом: первым, вслед за постмодернистом, этот субъект отрицает метафизику и порядок данности, вторым – преодолевает первую негацию и закрепляется на уровне неметафизической данности. Также этот субъект претендует на то, что ему удалось снять с себя корреляционистские ограничения и освободить будущее от настоящего. Активность же этого субъекта ограничивается контингентностью.

Подведем итоги исследования фактуальной онтологии. Мейясу исходит из того, что со времен Беркли-Канта философия перестала претендовать на познание нескоррелированного бытия. С Беркли начинается «эра корреляции», суть которой заключается в том, что всякое в-себе редуцируется к для-нас. Мейясу реконструирует историю этой эры и базовые аргументативные стратегии философских направлений, которые она в себя включает. Для закрытия эпохи корреляции предлагается полностью принять её логику (особенно, сильного корреляционима) с тем, чтобы взломать корреляцию изнутри. «Мы, в свою очередь, извлекаем онтологическую истину, скрытую скептической аргументацией: превращаем радикальное незнание в знание о бытии, наконец-то обнажив его достоверную абсолютность»¹⁷⁰ – пишет философ.

Фактичность корреляции переводится из режима незнания в знание и становится контингентностью, или фактуальностью. Сильный корреляционизм, как утверждает Мейясу (самая утонченная программа эпохи корреляции), функционирует благодаря апелляции к нескоррелированному

¹⁷⁰ Мейясу К. После конечности: Эссе о необходимости контингентности / пер. Л. Медведевой. – М.: Кабинетный ученый, 2016. – С. 71.

бытию как своему условию. Это экстерниорное мысли, благодаря которой мысль может состояться. Абсолютно внешнее является вещью-в-себе, реальностью, которая способна на что угодно, даже на невыносимое. Кроме того, как мы считаем, оборотной стороной преодоления эпохи корреляции является имплицитное принятие того факта, что субъектом может быть лишь человек.

Онтика для фактуальной онтологии – это режим работы с эмпирическими частными сущими, которыми наполнены миры, онтология же исследует условия реализации этих миров. Таким образом, онтология для Мейясу, это дискурс, который сам себя обосновывает посредством, во-первых, обнаружения специфического предмета и очерчивания поля своей деятельности, во-вторых, определения правил игры для всех эмпирических исследовательских дискурсов. Данная онтология также предполагает восстановление позиции некорреляционистского субъекта.

2.3. Вычитательная онтология Рэя Брассье: уничтожение манифестного образа, бытие-ничто и активный субъект

В данном разделе проблема преодоления корреляционизма будет рассмотрена на материале работ Рэя Брассье. Не будет преувеличением сказать, что тексты этого философа почти не переведены на русский язык. Исключением являются лишь небольшие работы 2010-х гг., а «ранние» труды Брассье конца 90-х. – 00-х. гг. не представлены по-русски. Можно предположить, что это связано со сложностью концепций философа и эзотеричностью его языка. Скажем, тексты вроде «Nihil Unbound: Enlightenment and Extinction»¹⁷¹ (Далее просто «Несвязанное Ничто») даже

¹⁷¹ По-русски нет устоявшегося перевода названия этой книги. А.А. Писарев предложил «Необузданное Ничто». Вероятно, по смыслу такой перевод оправдан и к тому же он поэтичен. Но мы предлагаем более точный перевод, который напрямую связан с темой преодоления корреляционизма, ведь именно ей посвящен этот труд Брассье. Мы будем использовать название «Несвязанное Ничто», где «несвязанное» означает нечто

едва понятны англоязычному читателю, имеющему специальное философское образование¹⁷². Тем не менее мы проведем попытку реконструкции основных положений в том, что касается проблемы корреляционизма. Затем в общих чертах рассмотрим «поздний» период творчества Брассье. Но начнем, как делали применительно к Харману и Мейясу, с обсуждения того, как Брассье понимает корреляционизм.

2.3.1. Корреляционизм и манифестный образ

Брассье в целом принимает данную Квентином Мейясу интерпретацию корреляционизма как эпохи корреляции, что мы видим по книге «Несвязанное Ничто»¹⁷³ и статье «Понятия и объекты»¹⁷⁴. Существует лишь несколько мест, в которых Брассье расставляет специфические акценты. Например, особое внимание мыслитель заостряет на «манифестном образе», под которым он понимает, грубо говоря, ненаучное представление о данности и данном. Или так: согласно Брассье, философия, которая базируется не на научных представлениях о том, что такое мышление и каковы его содержания, является корреляционистской. Важность манифестного образа была чрезвычайно гипертрофирована для философии, но естествознанию, по Брассье, этого в значительной мере удалось избежать.

Кроме того, Брассье полагает, что нет существенной разницы между субъектализмом и сильным корреляционизмом, поскольку оба, по его мнению, отрицают вещь-в-себе. Философ считает, что на сегодняшний день

нескоррелированное, самостоятельно существующее вне мышления. Полное перевод названия книги звучит как «Несвязанное Ничто: просвещение и вымирание».

¹⁷² В подобном духе высказываются Рой Годдард и Грэм Харман. См. Goddard R. Honouring Nihilism. A Review of Ray Brassier's *Nihil Unbound: Enlightenment and Extinction* // *Other Education: The Journal of Educational Alternatives*. – 2016 – Vol. 5 – №2 – PP. 56–86; Харман Г. Спекулятивный реализм: введение / пер. с англ. А.А. Писарева. – М.: РИПОЛ классик, 2020.

¹⁷³ Brassier R. *Nihil Unbound: Enlightenment and Extinction*. – London: Palgrave Macmillan, 2007.

¹⁷⁴ Брассье Р. Понятия и объекты // *Логос*. – 2017. – Т. 27. – № 3.

большинство мыслителей придерживаются этого тезиса. Именно в отрицании такой самостоятельно существующей реальности Brassie видит главный признак современных корреляционизмов. Философ говорит:

«Корреляционизм “сильной” версии, предмет внимания Мейясу, — простое отрицание того, что имеет смысл постулировать вещи-в-себе, и уж совсем не составляет особого труда найти пассажи у многочисленных континентальных светил (не говоря об аналитических анти-реалистах), недвусмысленно провозглашающих бессмысленность кантианского в-себе (an sich)». ¹⁷⁵

В остальном же, поддерживая понимание корреляционизма Квентина Мейясу, Brassie, вслед за упомянутым коллегой, восстанавливает нечто похожее на новоевропейскую дихотомию живое мышление/мертвая природа. Мы уже развивали эту идею в предшествующем разделе и пришли к выводу, что данная дуотопия имеет своей изнанкой редукцию субъекта к человеку.

Итак, Brassie, вооружившись понятием корреляционизма, расставляет в нем свои акценты. Во-первых, Brassie довольно часто рассматривает корреляционизм как гипертрофирование манифестного образа для философии. Во-вторых, философ — не проводя принципиальной разницы между субъектализмом и сильным корреляционизмом — выражает особое недовольство постулатом современных корреляционизмов о несуществовании в-себе. Теперь рассмотрим, каким образом Brassie борется с корреляционизмом.

2.3.2. Против сильного корреляционизма

Ранний Brassie стремится к полному преодолению корреляционизма, а в поздний период защищает слабый корреляционизм. Brassie пишет: «Я не верю, что корреляционизм абсолютно “плохая вещь”... и я усвоил

¹⁷⁵ Brassie P. Спекулятивная аутопсия / пер. с англ. П. Борисова. – 2016. – Гефтер. – URL: <https://syg.ma/@pavelborisov/rei-brassie-spiekuliativnaia-autopsiia> (дата обращения: 13.07.2021).

важность защиты “хорошей”...формулировки корреляционизма от его “плохой”, скептической версии»¹⁷⁶. Здесь Brassie с симпатией относится к слабому корреляционизму, а сильный корреляционизм предлагает отвергнуть, т.к. он ведет к элиминированию вещи-в-себе. С точки зрения Brassie, современные корреляционизмы преувеличивают значимость для философии исследования либо культурных, политических и социальных контекстов, либо практических отношений. В первом случае имеется в виду постмодернизм и различные виды конструктивизма, во-втором, – знаменитая акторно-сетевая теория и её изводы. Современные корреляционизмы обладают той общей чертой, что они отвергают существование в-себе (либо прямо отрицают, либо обесмысливают, что является, по Brassie, одним и тем же) посредством «аргумента круга». Фактически, Brassie интерпретирует корреляционизм подобно Мейясу, но критикует, скорее, как Харман: Brassie также не принимает «тезис круга», но стремится опровергнуть его, чтобы сохранить в-себе слабого корреляционизма.

Раз в основе сильного корреляционизма лежит круг, то способом преодоления этой философской стратегии является критика его базового аргумента. Итак, корреляционист утверждает, что всякую вещь, которую он мыслит, он не может мыслить вне своего мышления, а потому вещей самих по себе не существует. Brassie считает, что этот аргумент кажется убедительным лишь в силу того, что в нем происходит имплицитная подмена понятия реальной вещи на вещь-для-нас.

Например, если я скажу «я мыслю Сатурн», то в этой фразе я буду высказываться о Сатурне-в-себе, а если затем стану утверждать, что Сатурна-в-себе не существует, поскольку я не могу мыслить Сатурн, не мысля его, то это будет логической ошибкой, поскольку я произвольно заменяю в-себе понятием для-нас и только на этом основании утверждаю, что никакого в-себе не существует. То есть я, как корреляционист, произвожу

¹⁷⁶ Brassie P. Спекулятивная аутопсия / пер. с англ. П. Борисова. – 2016. – Гефтер. – URL: <https://syg.ma/@pavelborisov/rei-brassie-spiekuliativnaia-autopsiia> (дата обращения: 13.07.2021).

бездоказательное смешение порядков в-себе и для-нас. Брассье пишет: «первым людям, указавшим на Сатурн, не нужно было знать, что это такое, и они, несомненно, ошибались в том, что это такое: им не нужно было знать, чтобы указывать»¹⁷⁷. И другой пример: «тот факт, что я не могу думать о необитаемой местности, не мысля ее, вовсе не означает, что эта местность становится обитаемой просто из-за того, что я о ней подумал. Верно, конечно, что я не могу думать о пустыне Руб-эль-Хали, не думая о ней; но из этого не следует, что она населена моим мышлением о ней»¹⁷⁸. Таким образом, Брассье показывает, что в-себе и для-нас являются разными рядами, которые нелегитимно смешивает современный корреляционизм.

Основываясь на этих рассуждениях, Брассье делает вывод: «При всем уважении к Мейясу бремя доказательства лежит на корреляционизме»¹⁷⁹, а не на подходах защищающих в-себе. В то же время, считает Брассье, «привлекательность корреляционизма объяснима факторами, слабо или никак не связанными с его логической честностью, – это одновременно эмоциональные, психологические (сведение мира нечеловеческого к размерности человека) и политические»¹⁸⁰.

Итак, мы рассмотрели логический аргумент, благодаря которому, как утверждает Брассье, мы можем отказаться от круга и постулировать вещь-в-себе. Теперь нас будут интересовать некорреляционистские подходы к этому бытию, которые мы обнаруживаем в «Несвязанном Ничто». В целом пафос этой книги Брассье состоит в том, чтобы экстерииоризировать (сделать эмпирическим) человеческое мышление и сравнить его с другими объектами. Для решения этой задачи философ обращается к современному естествознанию (чаще всего к нейронаукам и физической космологии) и в этой связи цитирует аналитических философов (Селларса, Брэндома, Стоува). В то же время Брассье использует наработки континентальных

¹⁷⁷ Брассье Р. Понятия и объекты // Логос. – 2017. – Т. 27. – № 3. – С. 253.

¹⁷⁸ Там же. С. 255.

¹⁷⁹ Там же. С. 256.

¹⁸⁰ Там же.

мыслителей вроде Франсуа Ларуэля, Алена Бадью и Квентина Мейясу. Поэтому нам представляется, что способ борьбы с корреляционизмом в случае Brasserie сочетает в себе компоненты как континентальной, так и аналитической традиции.

2.3.3. Вычитание манифестного образа: унилатеральность и бытие-ничто

«Объект заставляет мысль думать в соответствии с ним...

объект мыслит через субъекта»¹⁸¹

«Вымирание выворачивает мышление наизнанку,

объективируя его как тленную вещь в мир»¹⁸²

Книга Brasserie «Несвязанное Ничто» представляется нам попыткой картографировать процесс элиминирования человеческого взгляда на мир. В этой работе философ предлагает рассмотреть способы сведения субъекта к объекту с неизбежным распадом последнего в самоаннигиляции материи. Вывернуть субъекта наизнанку, тем самым показав его равенство другим вещам, – вот один из ведущих мотивов работы мыслителя¹⁸³. Нужно сказать, что эта книга пропитана глубоким пессимизмом. Brasserie делает все, чтобы разочаровать нас насчет человеческого положения в мире, продемонстрировав нашу подчиненность нескоррелированному бытию. Данная книга представляет собой компиляцию идей разных философов, а также попытку их смелой и оригинальной интерпретации. Однако, как мы

¹⁸¹ Brassier R. *Nihil Unbound: Enlightenment and Extinction*. – London: Palgrave Macmillan, 2007. – P. 149.

¹⁸² *Ibid.*, P. 229.

¹⁸³ Редукция человека к вещам (если под таковыми понимать бездушные механизмы, куда относятся и животные) является давней философской традицией. Например, еще Ламетри писал: «Гордые и тщеславные существа, гораздо более отличающиеся от животных своей сесью, чем именем людей, в сущности являются животными и перпендикулярно ползающими машинами...». Цит. Новейший философский словарь. Сост. Грицанов А.А. Минск, 1998. — URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_1/lametri04.php (дата обращения 17.08.2022).

уже говорили, дело осложняется тем, что Брассье не заботит понятность как самих философских концепций, так и языка изложения. На это сетуют и зарубежные исследователи, поэтому сложно обнаружить сколько-нибудь внятный и полноценный комментарий к этой книге. К тому же сам Брассье так и не потрудился прояснить некоторые ключевые места своей работы. Мы также не претендуем на полное понимание этой книги, но, несмотря на это, рискнем предложить свою интерпретацию некоторых идей изложенных в ней.

Брассье считает, что естествознание и особенно нейрофизиология «знают реальность». Однако философ не торопится утверждать, будто нейронауки описывают реальность саму по себе. Здесь философ ищет поддержки у видного аналитического философа Уилфрида Селларса, который по большому счету ещё несколько десятилетий назад поддерживал обращение к нейронаукам, когда писал, что «нет принципиального препятствия для отождествления понятийного мышления с нейрофизиологическим процессом... Но если это так, то почему бы не предположить, что внутренние состояния, воспринимаемые как ощущения... *[являются – ДИ]* сложными нейрофизиологическими эпизодами в коре головного мозга?»¹⁸⁴

Вслед за Селларсом Брассье не сомневается в том, что научные теории меняются и зависимы от социокультурных контекстов. Тем не менее оба философа говорят о некоторой «адекватности» реальности, свойственной научным представлениям. Сложно сказать, что представляет собой эта «адекватность» по Селларсу, и тем более понять то, чем она является для Брассье. Они ссылаются на то обстоятельство, что естествознание характеризуется наличием строго определенных процедур, по которым выводятся научные факты. Такая наука, как нейрофизиология, согласно четким критериям умеет сводить некоторые наши феноменальные состояния

¹⁸⁴ Sellars W. *Philosophy and the Scientific Image of Man*. *Frontiers of Science and Philosophy*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1962. P. 35–78.

к нейронным коррелятам. И этим, как считает Брассье, не может похвастаться корреляционизм, который редуцирует научные факты к явлениям сознания, зачастую не проясняя критерии такого сведения. Помимо этого, феноменальный образ не всегда «адекватен» картине мира, которую рисует нам естествознание. Селларс это пояснял так, что раз «основные объекты современной теоретической физики, как известно, не воспринимаемы и непредставимы»¹⁸⁵, то и наши повседневные представления скажем об элементарных частицах как чем-то, что имеет определенную форму, являются неадекватными¹⁸⁶. Далее понятие «адекватности» ещё будет обсуждаться.

Большого понимания того, почему онтологии необходимо следовать за естествознанием (и нейронауками в частности) у Брассье мы не обнаружим. Видимо, Брассье и, как выяснится далее, остальные спекулятивные реалисты просят нас подыграть себе и без веских оснований сделать ставку на какой-либо дискурс, который лежит за пределами онтологии. В случае Брассье – это естествознание.

В связи с «адекватностью» наук Брассье привлекает также теорию Селларса о двух образах: научном и манифестном, но интерпретирует ее своеобразным способом. Селларс считал, что хотя манифестный образ первичен в отношении научного, но он является лишь «сырой» версией последнего. Брассье это интерпретирует следующим образом: если каждый манифестный образ потенциально может быть сведен к нейронным коррелятам, то он вторичен в сравнении с научным образом. Селларс, в свою очередь, не утверждал, что манифестный образ должен быть полностью заменен на научный. Для Селларса вообще не характерна мысль о сведении субъекта к объекту, наоборот, он считал, что обе категории образов должны

¹⁸⁵ Sellars W. *Philosophy and the Scientific Image of Man*. *Frontiers of Science and Philosophy*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1962. P. 35–78.

¹⁸⁶ Видимо, не будет ошибкой сказать, что простое повышение уровня образованности путем знакомства с научными фактами способствует борьбе с корреляционизмом. Представляется, что такой смысл тоже закладывался Брассье в подзаголовок его книги «Несвязанное Ничто: **просвещение** и **вымирание**».

объединиться в «синоптическом видении». Это значит, что научные представления не следует отрывать от человеческих целей и ценностей, а само научное исследование должно направляться некоторыми социальными и этическими нормами. Видимо, Селларс бы посчитал, что замена манифестного образа научным оставляет нас на мели корреляционизма, ведь он говорил: «мы можем включить научный образ в наш жизненный образ только в воображении»¹⁸⁷.

Брассье в «Несвязанном Ничто» радикализует идеи Селларса. Для Брассье тезис о том, что научный образ имеет онтологический приоритет перед манифестным, означает, что повседневное представление можно полностью заменить естественнонаучным. Это, согласно Брассье, необходимо произвести из-за того, что манифестный образ подвержен антинаучным суевериям и корреляционизму. Задача философии «состоит в том, чтобы ускорить разрушение наукой манифестного образа, отбросив все... подпорки, которые используются для его укрепления или ещё как-то подавляют разрушительную силу метафизических вычитаний науки [*т.е. замену манифестного образа научным - ДИ*]»¹⁸⁸. Однако в 2010-е гг. Брассье смягчит риторику, поскольку будет отстаивать важность и нередуцируемость манифестного образа, но пока что философ призывает полностью его изъять.

Теперь остановимся на других философских теориях, которые привлекает Брассье. Философ обращается к Бадью и рассматривает его концепцию под определенным углом. Мы не беремся давать однозначный комментарий того, как Брассье интерпретирует Бадью. Возможно, есть шанс достигнуть какой-то ясности в этом вопросе у специалиста в области математической теории множеств и одновременно в философии Бадью и Брассье. Мы лишь попытаемся приблизиться к пониманию того, что хотел сказать Брассье.

¹⁸⁷ Sellars W. *Philosophy and the Scientific Image of Man*. *Frontiers of Science and Philosophy*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1962. – P. 78.

¹⁸⁸ Brassier R. *Nihil Unbound: Enlightenment and Extinction*. – London: Palgrave Macmillan, 2007. – P. 26.

В принципе Брассье следует бадьюдианскому заявлению о том, что онтология является дискурсом, базирующимся на теории множеств. Соглашаясь с этим, Брассье полагает, что «отдав бытие в руки математики, дискурс онтологии должен стать разочаровывающим»¹⁸⁹, тогда как у Бадью онтология, следует полагать, слишком оптимистична. Нужно думать, раз естествознание не всегда дает представление о мире как чем-то комфортным и уютным для нас, то и математика (аппаратом которой пользуются науки) косвенно способствует интенсификации разочарованности. Кроме того, Брассье говорит о корреляционизме Алена Бадью в связи с его идеями события и субъекта, что, по нашему мнению, является совершенно оправданным¹⁹⁰. Несмотря на это, Брассье считает необходимым взять у Бадью его «субтрактивную» (вычитательную) онтологию. Брассье поэтично высказывается на этот счет: «философия, которая предпочитает отказаться от мировой полноты в пользу субтрактивного аскезиса, должна быть готова броситься в чёрную дыру субтракции [*т.е. пресловутого вычитания манифестного образа - ДИ*]»¹⁹¹.

Видимо, позиция Брассье содержит отдельно им не обговариваемый тезис о том, что всё современное естествознание функционирует за счет математического аппарата и на этом основании математика сближается с нейрофизиологией. Кажется, Брассье прямо не прописывает этот переход от математики к нашим представлениям и нейрофизиологии, но он должен подразумеваться. То, насколько оправдан такой скачок мысли, также сложно судить. Думается, что Брассье пытается провести аналогию математических операций с деятельностью по замене повседневного образа научным, поэтому и оперирует словом «вычитание». Также мыслитель, используя

¹⁸⁹ Brassier R. *Nihil Unbound: Enlightenment and Extinction*. – London: Palgrave Macmillan, 2007. – P. 98.

¹⁹⁰ Бадью достаточно четко прописывает корреляционизм своей концепции: зависимость субъекта от события и события от субъекта. Кроме того Бадью ограничивает возможность появления событий человеческим обществом, оставляя не проясненным статус тех же космологических событий.

¹⁹¹ Брассье Р. Презентация как анти-феномен в «Бытии и событии» Алена Бадью / Пер. с англ. А.В. Дьякова // 2008. – №1. – Курс: Хора. С. 67.

бадьюдианское понимание бытия как «пустого множества», каким-то образом соотносит такую «пустоту» с ничто, которое нас ожидает в будущем.

Но далее Brassье ещё усложняет свою и без того достаточно путаную программу борьбы с корреляционизмом. Вычитательную концепцию, считает Brassье, следует дополнить наработками Ларюэля, поскольку «унилатерализация углубляет тезис Бадью о бытии как пустом множестве»¹⁹². Brassье в статье о Ларюэле говорит, что односторонняя дуальность (она же унилатерализация) значит, что Y отождествляет себя с X , в то время как X не отождествляет себя с Y ¹⁹³. Данная схема не подразумевает каких-то двух устойчивых начал, поскольку Ларуэль демонстрирует ее работу на примере совершенно различных философских понятий. Однако, насколько нам известно, чаще всего философом X связывается с Реальным (о котором речь далее), а Y с какой-то традиционной философской категорией. Ларуэль приводил такой пример: мышление отличается себя от Реального, но Реальное не отличает себя мышления.

Унилатеральность, пожалуй, одна из центральных идей, которую привлекает Brassье для критики корреляционизма. Подробнее обсудим то, что означает эта абстрактная формула, утверждающая отсутствие взаимной детерминации между X и Y . Дело в том, что Brassье понимает «термин "решение" в работе Ларуэля как синоним трансцендентального синтеза или, в более общем смысле, как шифр корреляционизма»¹⁹⁴. Напомним, по Ларюэлю, вся европейская философия базировалась на «решении» под которым, грубо говоря, понимается расщепление на данность и данное. Пафос Ларюэля, соответственно, заключается в том, чтобы совершить «не-философскую приостановку решения» и обратиться к радикально

¹⁹² Brassier R. *Nihil Unbound: Enlightenment and Extinction*. – London: Palgrave Macmillan, 2007. – P. 147.

¹⁹³ Brassier R. *Axiomaticheresy. The non-philosophy of François Laruelle // Radical Philosophy*. – 2003. – Vol. 121. – P. 27.

¹⁹⁴ Brassier R. *Nihil Unbound: Enlightenment and Extinction*. – London: Palgrave Macmillan, 2007. – P. 134.

имманентному, или Реальному¹⁹⁵, которое функционирует как односторонняя дуальность (мышление детерминируется Реальным и пытается себя от него оторвать, в то время как Реальное безразлично к этому различию). Брассье пишет, что «унилатерализация может быть осуществлена только нететически, т.е. нереклексивно»¹⁹⁶. Также Брассье полагает, что «хирургическое вмешательство в тело трансцендентального синтеза [*т.е. данности и данного – ДИ*], отрыв терминов от отношений, ампутация взаимности и обострение унилатеральности»¹⁹⁷ ведет к прерыванию корреляции¹⁹⁸.

Итак, вернемся к утверждению о том, что унилатерализация именуется факт отличия X от Y без ответного отличия Y от X. Что это означает для Брассье? А то, что мысль стремится к разотождествлению с бытием, в то время как бытие, детерминируя мысль, не отличает себя от последней. Бытие определяет мышление, но бытию нет дела до того, чтобы отличать себя от мысли. Поэтому становятся более понятны слова Брассье о том, что «объект мыслит через субъекта»¹⁹⁹. Объекты влетают в поле мышления, захватывают и определяют его без того, чтобы самим испытать влияние субъекта. Человек, в интерпретации Брассье, оказывает эффектом этого Реального.

¹⁹⁵ Пожалуй, Реальное Ларуэля в данном случае сближается с Жизнью Мишеля Анри, а не с лакановским Реальным. Согласно Анри, существует некоторый неинтенциональный уровень, который продуцирует интенциональное, а последний, в свою очередь, ответственен за конституирование объектов. Но Жизнь, в общем-то, безразлична к нашей интенциональности, поскольку первичная неинтенциональность замкнута лишь на саму себя, она самоаффицируется. Такое Реальное (благодаря которому возможна корреляция) и пытается прояснить Брассье.

¹⁹⁶ Brassier R. *Nihil Unbound: Enlightenment and Extinction*. – London: Palgrave Macmillan, 2007. – P. 139.

¹⁹⁷ *Ibid.*, P. 147.

¹⁹⁸ В тоже время Брассье критикует «не-философию» Ларуэля, поэтому сам предпочитает остаться в рамках философии, заимствуя у Ларуэля унилатерализацию. Вследствие чего Брассье не торопится отказываться от аппарата философии и прибегать к терминологии не-философии, потому, например, философ чаще использует понятия «бытие» и «ничто» вместо Реального. Питер Вульфиндейл пишет, что Брассье «превращает не-философскую приостановку философского решения в философское исследование соотношения между мыслью и бытием». Цит. Wolfendale P. Ray Brassier (Dictionary Entry) https://www.academia.edu/26697817/Ray_Brassier_Dictionary_Entry_

¹⁹⁹ Brassier R. *Nihil Unbound: Enlightenment and Extinction*. – London: Palgrave Macmillan, 2007. – P. 149.

«Объект – не субстанция, а разрез в ткани [корреляционистского – ДИ] синтеза. Объект заставляет мысль думать в соответствии с ним»²⁰⁰.

В общем-то, для онтологии идея того, что бытие мыслит через субъекта, не нова. Также не оригинальна мысль о том, что некоррелированное бытие ушибает субъекта и само остается безразличным как к этой аффектации, так и к разделению на в-себе и для-нас. Ещё Гартман писал: «Отношение субъекта к своему в-себе-сущему предмету здесь совершенно односторонне, рецептивно: пожалуй, субъект определяется предметом, но со своей стороны никоим образом его не определяет... С точки зрения субъекта все в-себе-сущее снимается (согласно тезису сознания) в для-меня-сущем; с точки зрения “сущего как сущего” все в-себе-сущее и для-меня-сущее снимается в просто сущем»²⁰¹. У Брассье ссылок на того же Гартмана мы не обнаружим, да и вряд ли он знаком с его текстами. Тем не менее своими рассуждениями Брассье демонстрирует бессознательную укорененность собственной позиции в онтологической традиции и проблематике.

Опять-таки попробуем связать унилатеральность с учением об образах. Видимо, Брассье хочет сказать, что объект чем-то подобен научному представлению и потому, прорастая через повседневный образ и заставляя себя прояснять, научный образ демонстрирует собственную первичность и автономность в отношении корреляции. Соответственно опять же процесс замены корреляционного объекта некорреляционным (манifestного образа научным) Брассье и именует унилатерализацией. Односторонняя дуальность является схемой, согласно которой происходит деантропоморфизация²⁰² (и

²⁰⁰ Brassier R. *Nihil Unbound: Enlightenment and Extinction*. – London: Palgrave Macmillan, 2007. – P. 149.

²⁰¹ Гартман Н. К основоположению онтологии / Пер. с нем. Ю.В.Медведева под ред. Д. В. Складнева. — СПб.: Наука, 2003. С. 340.

²⁰² Представляется, что Брассье в данном случае испытал влияние эволюционной эпистемологии в духе К. Лоренца и, особенно, Г. Фоллмера. Последний подобно Брассье описывал развитие науки в терминах «деантропорфизации», т.е. как процесса замены более антропоморфных теорий менее антропоморфными. См. Фролов А.В. «Феноменология жизненного мира и натуралистическая эпистемология».

раскоррелирование) нашей оптики. В данном контексте, вероятно, станет понятней и использование идеи «адекватности». На последней странице книги появляется фраза «знание, которое детерминируется его объектом²⁰³, может быть охарактеризовано как структура *адекватности без соответствия*»²⁰⁴. Это можно понять так, что раз унилатерализация первична в отношении порядка представления, то об истине как о соответствии содержания этого представления некоторой реальности говорить не приходится. Но при этом можно указать на «адекватность» механизма, согласно которому нескоррелированное бытие продуцирует представление и насильственно врывается в его содержание.

По всей видимости, Брассье считает, что некорреляционное бытие именно по такому принципу соприкасается с субъектом. Что отнюдь не означает, будто у бытия есть потребность в мышлении, через которое оно пробивается. Брассье всего лишь находит, как ему кажется, брешь в субъекте, которая может способствовать подрыву (и вследствие этого уменьшению) корреляции. Вообще описанный механизм унилатеральности вряд ли интуитивно ясен, к тому же он требует слепого принятия предпосылок, о которых мы скажем в следующей главе. Здесь же укажем, что Брассье, по нашему мнению, стремится углубить и разработать старую онтологическую интуицию об исходном влиянии на нас вещи-в-себе. От этого давления мы не можем скрыться, из-за чего стоит попробовать занять инертную позицию в отношении него и попытаться понять, как именно оно на нас давит. Получается, что унилатеральность, с одной стороны, проводится пассивным субъектом, с другой, является чем-то независимым от субъекта, т.е. она сама

²⁰³ Если интерпретировать в этой фразе «объект» в качестве содержания мышления ученого, то можно возразить, что одни и те же объекты могут приводить к разному знанию об этих объектах, и тогда высказывание Брассье теряет свою силу. Однако в данном случае под «объектом» Брассье скорее понимает не объект науки, а то, что формирует как ученого, так и содержание его мышления. Но в таком случае остается непонятным, что именно означает «знание» подобного объекта, которое предшествует субъекту.

²⁰⁴ Brassier R. *Nihil Unbound: Enlightenment and Extinction*. – London: Palgrave Macmillan, 2007. – P. 239.

себя осуществляет независимо от нашей воли²⁰⁵. Брассье наделяет бытие определенными свойствами, которые нужно полагать, предлагает нам принять на веру: некорреляционность, имманентность, материальность, случайность, бессмысленность, ценностную нейтральность, непроницаемость для ума.

Несмотря на трудности, сделаем попытку ещё продвинуться в понимании Брассье. Итак, «односторонняя дуальность превращает мысль в вещь»²⁰⁶. Но что ещё можно сказать об этом механизме? Брассье пишет, что унилатеральность «размыкает корреляционный синтез, чтобы осуществить (а не представлять) идентичность без единства и двойственность без различия между субъектом и объектом [*объектом в данном случае в классическом смысле, как тем, что создается субъектом – ДИ*]»²⁰⁷. Односторонняя дуальность сворачивает или идентифицирует оппозиции без отождествления. Скажем, субъект и объект как противоположные понятия соединяются вместе, но так, что не превращаются в какую-то другую (третью) структуру. Они, существуя вместе, остаются противоположностями²⁰⁸. В более поздней статье Брассье пишет: «бытие должно сочетать единство и множественность,

²⁰⁵ В таком случае становится понятно обращение Брассье к Ларуэлю, поскольку Реальное напоминает Жизнь Анри в плане самоаффектации. Жизнь (и выходит Реальное) претерпевает только сама себя, а субъект есть нечто производное от этой изначальной структуры.

²⁰⁶ Brassier R. *Nihil Unbound: Enlightenment and Extinction*. – London: Palgrave Macmillan, 2007. – P 158.

²⁰⁷ *Ibid.*, P. 203.

²⁰⁸ Похожим образом Брассье поясняет эту идею на примере мимикрии. Философ пишет: «мимесис — показатель не-тождественности, обозначающий регистр не-различности или неразличимости, существующий независимо от любого понятийного критерия тождества или различия». Нечто подобное, утверждает Брассье, происходит в случае шизофреника, когда тот не всегда оказывается способен отличить себя от окружающих вещей. Но здесь это является не столько уподоблением вещам, сколько мимикрией под само пространство в котором находятся вещи. Брассье говорит: «органическая индивидуация лишается оснований, переживая “материальную размытость границ между особью и средой”, и, таким образом, низвергается в постоянно расширяющееся де-индивидуализированное пространство... слияние с пространством суть общее основание для очень разных феноменов — мимикрии насекомых и “психастении”, деперсонализации, наблюдаемой у шизофреников».

идентичность и различие»²⁰⁹. По сути, данная «идентичность без тождества» есть та же унилатеральность, т.е. механизм сворачивания субъекта и созданного им объекта в нечто такое, что прерывает корреляцию, т.е. в некоррелированное бытие, или тот объект, что мыслит через субъекта.

В связи с односторонней дуальностью Brassье вводит ещё одно как нам кажется критически важное для его теории различие: с одной стороны, между объектом (который зачастую отождествляется у Brassье с унилатеральностью), с другой – бытием-ничто. Brassье пишет: «"опустошение" (voiding) – еще один способ описать унилатерализацию... Мы будем отличать пустоту как одностороннюю дуальность от бытия-ничто, в котором она укоренена...»²¹⁰. Как это понять? Складывается впечатление, что Brassье вновь имеет в виду достаточно традиционное представление из онтологии. А именно, что онтология может работать с бытием через частные сущие, а может с бытием как таковым. Представляется, что некоррелированные объекты (принуждающие нас к замене манифестных образов научными) демонстрируют в работе унилатерализации «нигилистическую мощь», которая, в свою очередь, указывает на бытие-ничто. Пустота как бы просвечивается сквозь научные представления, которые укоренены в Реальном, понимаемом, как мы дальше выясним, в качестве вымирания, предельно приближающем нас к ничто.

Чем является это бытие-ничто? Чем-то вроде самоаннигилирующей силы, которая находится в будущем и подстегивает унилатеральность. Частные вычитания сопровождаются чувством разочарованности в представлении о мире и о себе. Видимо, с состоянием наибольшей концентрации этой разочарованности Brassье и связывает бытие-ничто. Почему это не просто бытие или не просто ничто? Видимо, потому что нельзя говорить о ничто самом по себе, поскольку приходится его всегда

²⁰⁹ Brassье Р. То, чего нет: философия как сплетение истины и негативности // Stasis. – 2013. – №1. – С. 194.

²¹⁰ Brassier R. Nihil Unbound: Enlightenment and Extinction. – London: Palgrave Macmillan, 2007. – P. 148.

соотносить с чем-то. Но и бытие в данном случае характеризуется каким-то распадом, саморазрушением. Бытие и ничто не могут друг без друга, бытие заражено ничто, ничто просачивается через бытие и использует бытие, чтобы войти контрабандой в наше представление. Бытие разрушается, но никогда до конца, т.е. полностью не переходит в ничто. В этом вся драма бытия-ничто: все стремится стать ничем, но это не может совершиться до конца, т.к. всегда сохраняется некоторое нечто, благодаря которому это и происходит. Частичку этого страдания испытываем и мы, люди, когда ощущаем борьбу и одновременно взаимозависимость манифестного и научного образов. В целом, Брассье сближает понятия объекта и унилатеральности, с одной стороны, и бытия-ничто и Реального — с другой.

Здесь, как мы видим, начинают звучать мотивы своего рода «космологической метафизики». Чтобы там ни говорил Брассье, но фактически в этой книге он предлагает принять на веру (некритически, догматически) положения о том, что существуют некоторые между собой тесно связанные дорефлексивные структуры Реального и бытия-ничто. Брассье на этом не останавливается и, поддаваясь метафизическому искусу, рисует глубоко пессимистичную картину мира. Брассье обращается к физической космологии и берет из нее представление о пространстве-времени, однако к его интерпретации он подходит достаточно творчески, видимо, не заботясь об изначальном эйнштейновском понимании этой естественнонаучной идеи.

Космологическое пространство-время философ сближает с унилатеральностью. Мы затрудняемся объяснить до конца, как именно пространство-время связано с вычитаниями нашей антропной оптики описанными ранее. Но теперь логику односторонней дуальности Брассье выносит за пределы взаимодействия человека и бытия. И с точки зрения здравого смысла, философ оправданно считает пространство-время чем-то предшествующим субъективным представлениям о пространстве и времени. В том смысле, что нас материальных существ, способных внутренне

воспринимать пространство и время, не возникло, если бы не физическое пространство-время. В этом отношении внутреннее человеческое переживание пространства и времени детерминировано космологическим. И Брассье полагает, что научный образ пространства-времени подрывает корреляцию, указывая на собственную нескореллированность, безразличность и нейтральность в отношении человека.

Брассье идет дальше. Космологическое пространство-время детерминирует в одностороннем порядке не только сознание, но и органическое вообще. Представляется, что Брассье берет диалектико-материалистическую (сам философ про это прямо не пишет) концепцию уровней развития материи: от неорганического через органическое к сознанию. Только здесь эти ступени являются результатом не диалектического развития, а одностороннего отклонения, не предполагающего прогресса. От неорганического безразлично откололось органическое, и, в свою очередь, случайно из жизни появилось сознание. В данном случае тяжело однозначно понять, что именно имеет в виду Брассье, кладя в основу этой схемы пространство-время. Можно предположить, что если эта физическая структура объясняет, как образуется материальный мир, то она фундирует жизнь и сознание. В общем-то, стоит отметить, что эти три уровня, в самом деле, не могли существовать на макроуровне вне пространственно-временного континуума.

Итак, возникновение каждой фазы Брассье описывает в терминах не развития, а деградации и травмы. Жизнь «травмирована» материей, а человек, в свою очередь, травмирован органическим, но еще сильнее неорганическим. Травму, пожалуй, можно сблизить с тем как субъект испытывает давление вещи-в-себе. Мы знаем, что произведены материальным миром, но, согласно Брассье, мы имеем бессознательное желание вновь слиться с этим неорганическим миром²¹¹. Замена манифестного образа научным и является такой практикой, имеющей

²¹¹ Здесь Брассье ссылается на идею Фрейда о влечении к смерти.

основание не только в нашем сознании, но и в самом материальном мире. Вновь выходит так, что нескоррелированное бытие принуждает нас к разрыву корреляции, т.е. деантропорфизации.

По Брассье, естествознание черпает свою нигилистическую мощь из этой травмированности человека. «Наука – орудие приближения травмы к самой себе»²¹², – пишет философ. Получается, что унилатерализация (заканчивающаяся бытием-ничто) направляет субъекта к самоаннигиляции с тем, чтобы он вновь стал мертвой материей, от которой когда-то унилатерально отпал. Жизнь и сознание из космологической перспективы являются чем-то незначительным. Брассье говорит, что «от первоначального возникновения органического разума до окончательного исчезновения человеческого разума "ничего не произойдет"»²¹³. Раз так, то и историю Брассье предлагает понимать не столько в качестве истории человека (будь она историей культурного существа или биологического вида), сколько историю эволюции материи, в контексте которой человек занимает очень скромное положение.

Что, в конце концов, происходит с этим пространством-временем, является ли оно само бессмертным? Брассье, ссылаясь на работы ученых астрофизиков, считает, что нет²¹⁴. Если унилатеральность философ связывает с пространством-временем, то бытие-ничто – с «вымиранием пространства-времени»²¹⁵. Выходит, что механизм односторонней дуальности, функционирующий благодаря аннигилирующей мощи бытия-ничто, сам погибает в результате действия этой силы. Получается, что изначально бытие-ничто почему-то породило унилатеральность, а односторонняя

²¹² Brassier R. *Nihil Unbound: Enlightenment and Extinction*. – London: Palgrave Macmillan, 2007. – P. 208

²¹³ *Ibid.*, P. 205.

²¹⁴ Брассье дает ссылки на следующие работы: S. Odenwald, *Patterns in the Void: Why Nothing is Important*, S. F. Odenwald, Boulder, Colorado: Westview Press, 2002, 163; L. Krauss and G. Starkman, 'Life, The Universe, and Nothing: Life and Death in an Ever Expanding Universe' in *The Astrophysical Journal* Vol. 531, No. 1 (2000), 22–30

²¹⁵ Brassier R. *Nihil Unbound: Enlightenment and Extinction*. – London: Palgrave Macmillan, 2007. – P. 203.

дуальность случайно создала неорганическое, органическое и сознание. Но каждый из уровней травмирован тем, что пытается отличить себя от предыдущего, но не способен этого сделать до конца, поскольку его всегда будет слепо детерминировать предыдущий уровень. В итоге все эти слои сущего и механизм, за счет которого они возникли, сгинут в бытие-ничто. Нечто похожее представляет собой космогония и эсхатология Брассье.

Стоит подробнее сказать про бытие-ничто, которое зачастую выступает синонимом Реального. Брассье считает, что на бытие-ничто указывает «вымирание»²¹⁶. Брассье ссылается на космологические сценарии относительно будущего нашей солнечной системы, и шире – Вселенной. Насколько нам самим это известно, практически ни один сценарий отдаленного будущего Вселенной не является оптимистичным для людей. Видимо, Брассье в своих размышлениях подразумевает наиболее вероятную, да и, пожалуй, самую зловещую теорию об исчезновении всего: Большой разрыв. В конце 90-х. гг. в научный оборот была введена гипотеза «темной энергии» для объяснения наблюдаемого ускоренного расширения Вселенной. Видимо, эта идея впечатлила Брассье и поэтому нашла прямое отражение в его книге. Сценарий Большого разрыва подразумевает, что за конечное время темная энергия, – которую также называют «антигравитацией», – разрушит саму материю, а также пространство-время. Это произойдет в силу того, что уменьшение горизонта событий приведет к невозможности взаимодействий как на макро- (гравитация), так и на микроуровне (электромагнитному, а также сильному и слабому).

Пространство-время разорвется изнутри и сделает невозможной генерацию элементарных частиц на квантовом уровне. И после «темная энергия», продолжит погружать погасшую Вселенную глубже и глубже

²¹⁶ Концепция «вымирания» достаточно популярна среди философов последних десятилетий. Пожалуй, одним из первопроходцев здесь был Н. Ланд, затем, его идеи развивали Ю. Такер и М. Розен. Но, пожалуй, лишь для Брассье эта идея стала центральной.

в вечную и бездонную черноту»²¹⁷. Процесс постепенного умирания Вселенной Брассье и называет бытием-ничто: приближение горизонта событий для каждого объекта и частицы является процессом (длящимся миллиарды лет) наступления ничто.

Брассье хочет убить всякую надежду на выживание для нашего вида. Согласно мысли философа, раз продуцирование материи станет невозможно, то нельзя будет построить и материальный носитель для сохранения сознания. Вследствие чего, если мы принимаем этот космологический сценарий, то мы (т.е. наше тело и сознание) обречены на вымирание. Бытие-ничто все уравнивает перед лицом смерти, т.е. человека и все остальное сущее. Для бытия-ничто мы такие же вещи, как и все прочие органические и неорганические сущие.

Вымирание – это горизонт, за который, как полагает Брассье, мы не способны шагнуть. «Это экстернализация, которая не может быть воспринята мыслью»²¹⁸, поскольку вымирание является не чем-то эмпирическим, как говорит Брассье, но реальным. Философ полагает, что вымирание нельзя помыслить, поскольку оно лишь «указывает на мысль об отсутствии мысли... [*поэтому - ДИ*] представляет собой объективацию мысли, но такую, в которой мысль об объекте переворачивается самим объектом, а не мыслью об объекте»²¹⁹. Собственно, этот горизонт вымирания, который Брассье, в общем-то, предлагает принять нам на веру, и представляет собой бытие-ничто или Реальное.

Если на основании сценариев из физической космологии можно утверждать, что за конечное количество времени наступит «период», когда перестанет быть возможна всякая корреляция, то выходит, корреляции *уже* нет. Философ заявляет: «мы уже мертвы...а философия является органом

²¹⁷ Brassier R. *Nihil Unbound: Enlightenment and Extinction*. – London: Palgrave Macmillan, 2007. – P. 228.

²¹⁸ Ibid., P. 229.

²¹⁹ Ibid.

вымирания»²²⁰. Получается, что мы являемся «живыми мертвецами», случайно произведенными материей, а в пределе – бытием-ничто. И наша цель состоит в том, чтобы встать в пассивную позицию в отношении нескоррелированного бытия и нагнетать деантропоморфизацию, а инструментом этого является философия, тесно взаимодействующая с естествознанием.

Кратко резюмируем результаты этого параграфа. Нами было рассмотрено, каким образом Брассье пытается снизить степень корреляционизма, а в пределе его преодолеть. Мы в самых общих чертах реконструировали то, как Брассье использует некоторые данные нейронаук и физической космологии. Кроме того, проанализировали интерпретацию Брассье теории образов Селларса, упомянули субтрактивный подход Бадью, а также идеи односторонней дуальности и Реального Ларуэля. Брассье рисует картину создания и смерти космоса, где человек приравнивается к другим объектам, а все заканчивается вымиранием и уничтожением корреляции.

2.3.4. Смена ориентира: активный субъект

Нам представляется, что Брассье, придя к идее вымирания, встал перед выбором: либо продолжать исследовать механизм давления вещи-в-себе, либо объявить, что мысль, преодолев корреляцию, стала бесконечной (независимой от тела). Брассье избрал второй путь и тем самым, по нашему мнению, запустил процесс обратный тому, что был намечен в «Несвязанном Ничто». Вероятно, дело связано с противоречием, которое проходит сквозь книгу Брассье: философ требует устранения антропологического, которое и так должно произойти вследствие вымирания. Видимо и самого Брассье перестала привлекать идея «зова» аннигиляции. Также философ в целом оставил и попытки сконцентрироваться на понимании того, как вещь-в-себе

²²⁰ Brassier R. *Nihil Unbound: Enlightenment and Extinction*. – London: Palgrave Macmillan, 2007. – P. 239.

на нас влияет. Тем не менее логично, что Брассье, установив онтологические основания мира, теперь хочет понять, какие выгоды человеческий вид может извлечь для себя в нашем конечном катастрофичном мире. Брассье не отрицает тот факт, что все закончится вымиранием, просто сейчас его больше интересует то, как можно прожить человечеству оставшееся время.

Брассье считает, что если субъект может мыслить своё вымирание (пускай и гипотетическое), то он в определенном отношении бессмертен (до вымирания). Мысль, в общем-то, ясная и в похожем виде она присутствует у Мейясу, когда тот утверждает, что наша возможность мыслить о своей смерти подразумевает, что мы находимся уже по ту сторону смерти. Брассье считает, что здесь субъект осознает свою автономность от материального носителя. В данном случае, нам представляется, философ идет на риск погружения вещи-в-себе в для-нас, но, с другой стороны, мыслитель в этот период своего творчества пытается отстоять это в-себе. Начнем по порядку.

Брассье в 2010-е годы сближается с лагерем левых акселерационистов²²¹. Одной из парадигмальных работ Брассье этого периода является статья «Прометеизм и его критики»²²². Пафос данного текста заключается в том, чтобы опровергнуть позицию самого мощного критика, задавшего общий тренд на борьбу против активизма субъекта, – Хайдеггера²²³. Брассье обвиняет Хайдеггера в том, что тот, критикуя субъективный волюнтаризм, предложил держаться «хрупкого равновесия»

²²¹ Акселерационизм – одно из философских движений 21 века, которое принято подразделять на «левый» и «правый». К последнему относится Ник Ланд, а к другому У. Сринчек, Р. Уильямс, Р. Негарестани, Р. Брассье и др. Два направления акселерационизма расходятся в отношении понимания субъекта, капитала и прогресса, но всех их объединяет доверие к науке и научной рациональности. Также многие представители обоих направлений призывают к ускорению (акселерации) развития капиталистических отношений для освобождения возможностей естественных наук. В России, однако, сформировалось самобытное крыло этого движения, которое делает ставку на искусство и речь в данном случае идет о «коинцидентологии» Й. Регева.

²²² Brassier R. Prometheanism and its Critics // #Accelerate: The Accelerationist Reader. – Oxford: Ubranomic, 2014.

²²³ Критиковал хайдеггеровскую критику субъекта и Ален Бадью, на которого ссылается Брассье. Бадью также видел в Хайдеггере того, кто неправомерно провел «радикальную деконструкцию субъекта». См. А. Бадью «Манифест философии».

между сделанным и данным»²²⁴. По Брассье, подобный баланс Хайдеггер видел в фигуре «смерти», поскольку этот экзистенциал ограничивает субъективную активность и маркирует нашу фундаментальную неспособность к переустройству мира.

Тяжело однозначно сказать, что имеет в виду здесь Брассье. Его очередное замысловатое рассуждение хочется просто понять так, что Хайдеггер, никогда не отрицая внешнюю мышлению вещь-в-себе (бытие)²²⁵, считал, что мы испытываем «зов», который нас подчиняет. У Хайдеггера мы имеем дело со структурой возможности невозможного, одновременной данностью в-себе и для-нас. Брассье, видимо, хочет сказать, что на совмещение этих двух полюсов для Хайдеггера как раз указывает фигура смерти. Брассье же полагает, что хайдеггеровскую идею смерти можно деабсолютизировать указанием, во-первых, на культурно-исторические трансформации понятия смерти, во-вторых, на возможность субъекта мыслить за пределом смерти (вымирание, бытие-ничто).

Данную критику Брассье считает достаточной для того, чтобы смело утверждать, «что вещи не являются таковы какими должны быть и что они должны быть поняты и реорганизованы»²²⁶. Весь мир превращается в данное, которое субъект может менять, и мы должны это произвести ради достойной жизни нашего вида. Раз снимается ограничение со стороны вещи-в-себе, то сущего, которое бы было недоступно для пересборки, просто не существует (кроме вымирания).

Также Брассье полагает, что «нет причины следовать предопределенному ограничению на то, чего мы способны достичь, или на те

²²⁴ Brassier R. Prometheanism and its Critics // #Accelerate: The Accelerationist Reader. – Oxford: Ubranomic, 2014. – P. 468.

²²⁵ У Хайдеггера бытие и вещь-в-себе отчасти сближаются, на это указывает Харман. Хотя, конечно, можно вспомнить текст Хайдеггера «Кант и проблемы метафизики», в котором мыслитель стремится свести вещь-в-себе к продуктивному воображению, и, соответственно, понять бытие иначе.

²²⁶ Brassier R. Prometheanism and its Critics // #Accelerate: The Accelerationist Reader. – Oxford: Ubranomic, 2014. – P. 470.

способы, которыми мы можем преобразовать себя и наш мир»²²⁷. Раз абсолютно не существует такого принципа, который бы нам запрещал переустройство нас самих и природы, то почему бы не воспользоваться этим для нашего биологического совершенствования. А. Гэллоуэй пишет, что проект Брассье – это «технологии для людей, направленные на преодоление природных ограничений»²²⁸. Брассье полагает, что нам следует прибегнуть к науке и постараться обеспечить себе максимальное счастье.

Описанные нами выше положения философии Брассье 2010-х гг. были бы неполны и односторонни без упоминания того, что мыслитель активно защищает вещь-в-себе. Брассье, несмотря ни на что, утверждает, что нейронауки адекватны реальности и нам следует продолжать заменять манифестный образ научным. Но такую работу философ теперь связывает с развитием разума и повышением уровня осознанности. Кроме того, Брассье делает этот разум коллективным достоянием и вполне по-корреляционистски погружает его в социо-лингвистический контекст. Брассье предлагает понимать субъекта как человеческий биологический вид, который посредством наук открывает какое-то знание о себе как материальной структуре. При этом Брассье подчеркивает, что разум не сводится к физическому носителю, хотя и зависит от него.

Субъект для Брассье теперь не столько «живой мертвец», сколько самокорректирующаяся инстанция, которая через общественную практику включает в язык новые знания и понятия о себе как социо-биологическом механизме. Конечно, для этого субъект должен быть активен в отношении нескоррелированного бытия. Но при этом Брассье стремится сохранить пафос постепенного снижения корреляционизма посредством наук. Субъективную активность Брассье переносит на социальное поле, требуя от субъекта революционной перестройки общества ради общественной

²²⁷ Brassier R. Prometheism and its Critics // #Accelerate: The Accelerationist Reader. – Oxford: Urbanomic, 2014. – P. 475.

²²⁸ Galloway A. Brometheanism. 2017. – URL: <http://cultureandcommunication.org/galloway/brometheanism> (дата обращения: 18.12.2021).

эмансипации. Также в процессе самопознания и самоконструирования субъект, считает Брассье, якобы выходит за пределы человеческого.

В этом параграфе мы рассмотрели, как Брассье переносит акцент с того, как на нас влияет бытие, на исследование разума. Субъект перестает быть пассивной инстанцией, являющейся проводником бытия, и становится активным коллективным механизмом, который трудится над изучением и созданием себя.

Философия Брассье нами была поделена на два периода и рассмотрена в контексте преодоления корреляционизма. В понимании корреляционизма Брассье, в целом, следует за Мейясу, но делает акцент на манифестном образе и антропологической составляющей. Для преодоления корреляционизма Брассье просит нас положиться на естественные науки. Сам философ делает ставку на нейронауки и физическую космологию. Брассье, опираясь на Селларса, говорит, что для постепенного снижения корреляции требуется замена научным образом (нейрофизиологическим) манифестного. Брассье достаточно четко прописывает в книге «Несвязанное Ничто» необходимость пассивного положения субъекта в отношении нескоррелированного бытия.

Вычитательную концепцию Брассье дополняет идеями Ларюэля о Реальном (бытие-ничто) и унилатеральности (односторонней дуальности). Всякая частная замена манифестного образа научным является работой механизма односторонней дуальности, которая обоснована бытием-ничто как горизонтом аннигилирования материи вообще. На бытие-ничто также указывает космологическое вымирание в качестве момента, в котором не будет корреляции. Мысль о вымирании Брассье понимает как преодоление корреляционизма.

Однако в 2010-е годы Брассье выбирает противоположный этому вектор. Философ утверждает, что субъект, осознав вымирание, узнает, что он

независим от материи и может позволить себе переделывать мир под себя. Для этого Брассье создает концепцию субъекта как активного коллективного деперсонализированного «мы», погруженного в социо-культурный контекст и занимающегося самопознанием и самоконструированием.

2.4. Выводы по главе 2

По результатам этой главы нам бы хотелось обратить внимание на некоторые важные моменты. Как видно из второго раздела нашей работы, «спекулятивного реализма» как сколько-нибудь однородного движения не существует. Мы имеем дело с набором гетерогенных программ, которые по-разному понимают корреляционизм и предлагают непохожие способы борьбы с ним, а тем более выдвигают зачастую противоречащие друг другу антикорреляционистские философские проекты. Отсюда можно сделать вывод, что, несмотря на некоторые общие для этого движения идеи, никакого «спекулятивного реализма» как более или менее единого интеллектуального направления нет. Вероятно, усвоение этой мысли философским сообществом способствовало бы разоблачению некоторых заблуждений относительного спекулятивного реализма и, в целом, поспособствовало повышению ясности насчет современного философского процесса.

В этой главе мы видели, что все названные онтологи борются с корреляционизмом, но каждый из философов этого движения понимает корреляционизм по-своему. Для Мейясу корреляционизм (эпоха корреляции) включает в себя два вида корреляционизма (сильный и слабый) и субъектализм. Но Мейясу, требуя на определенном шаге отказаться от субъектоцентризма (для него это тождественно антропоцентризму), возвращает фигуру субъекта. В противоположность этому Харман интерпретирует корреляционизм в первую очередь как субъектоцентризм, а слабый корреляционизм и субъектализм он не называет в числе своих основных противников. Брассье, как мы видели, под корреляционизмом в основном понимает сильный корреляционизм и субъектализм. В то время как

слабый корреляционизм и субъектоцентризм он не рассматривает в качестве того, с чем стоит бороться. Однако «ранний» Брассье все же заявляет о полном преодолении корреляции.

На преодоление корреляционизма претендует Мейясу посредством введения концепции контингентности. Харман, в принципе, тоже полагает, что ему удастся избавиться от корреляционизма (как субъектоцентризма) путем постулирования онтологической плоскости. Брассье же считает, что преодолевает корреляционизм указанием на вымирание, а постепенное упразднение корреляции предполагает реализовать за счет замены манифестного образа научным. В общем-то, Харман и Брассье принимают концепт «эпоха корреляции» Мейясу, но в отличие от своего коллеги хотят удержаться в позиции слабого корреляционизма.

Пожалуй, новые онтологи по-разному понимают и некорреляционное бытие: для Мейясу – оно является Абсолютом (основанием как абсолютным отсутствием достаточного основания), у Хармана – объектная реальность, в случае Брассье – это нечто близкое к тому, что изучает естествознание. Тем не менее все три философа соглашаются назвать это вещью-в-себе. Различаются также и дискурсы, посредством которых онтология должна исследовать это в-себе: Мейясу считает, что нужно задействовать математику, Харман – искусство и эстетику, а Брассье – естествознание.

Теперь попробуем понять, насколько спекулятивным реалистам удастся исполнить те задачи, которые они перед собой ставят. И ответим на главный вопрос: удалось ли спекулятивным реалистам продвинуться в решении проблемы корреляционизма?

Глава 3. Критика проектов преодоления корреляционизма в спекулятивном реализме

В главе будет представлена критика трех ранее изложенных программ. Нас интересуют как их общие недостатки, так и трудности данных проектов, связанные с преодолением корреляционизма. Программы будут проанализированы в том же порядке, в каком они рассматривались ранее: подход Хармана, Мейясу и Брассье. Основываясь на результатах проведенного анализа, мы дадим оценку каждому из проектов и попытаемся сделать обобщающий вывод относительного спекулятивного реализма.

Будем придерживаться определенной структуры внутри параграфов. А именно, вначале будет приводиться критика определенного проекта со стороны других подходов спекулятивного реализма, чтобы на фоне сравнения еще рельефней и полнее мы могли проявить позицию каждого из обсуждаемых здесь онтологов. Оговоримся, что с их мнением мы не всегда будем соглашаться. После этого, во второй части каждого параграфа обозначим критику со стороны более широкого круга исследователей и выскажем свой взгляд на обсуждаемый проект.

3.1. Анализ ООО

Сначала мы изложим критику подхода Грэма Хармана со стороны Квентина Мейясу и Рэя Брассье, затем привлечем других авторов и подведем свой итог насчет ООО.

3.1.2. Субъектализм и отсутствие субъекта

Мейясу и Брассье согласны между собой в том, что объектно-ориентированный способ преодоления корреляционизма является неудачным в силу близости к субъектализму. Напомним, «эпоха

корреляции», согласно Мейясу, включает в себя корреляционизм и субъектализм. Последний характеризуется экстраполяцией антропных характеристик на всю реальность. Мейясу относит сюда и подход Хармана (хотя, по всей видимости, туда же, с его точки зрения, включаются и другие представители плоских онтологий вроде Л. Брайанта и Т. Гарсиа). Мейясу пишет:

«Грэм Харман... гипостазирует наше субъективное отношение к вещам, проецируя это отношение в вещи сами по себе. Харман, в частности, развивает очень оригинальный и парадоксальный субъектализм, поскольку он гипостазирует то отношение, которое у нас возникает с вещами, когда те изымаются из нашего доступа. Но имплицитная форма этого (полного) изъятия возникает из нашего отношения к вещам. Сделать из нашего субъективного отношения...с вещами, универсальное отношение вещей друг к другу — это типично субъекталистский жест, осуществленный в новой и блестящей форме, но все еще принадлежащий тому, что я назвал “эпохой корреляции”. Харман, по моему мнению, не избегает доступа, так как, напротив, он гипостазирует его на вещи сами по себе: у нас больше нет возможности избежать доступа, так как отныне он повсюду»²²⁹.

За счет чего ООО распространяет антропные характеристики на нечеловеческие сущности? Если следовать Мейясу, хармановский механизм экстраполяции функционирует благодаря слабому корреляционизму²³⁰. Харман признает существование в-себе, т.е. является слабым корреляционистом, но далее он распространяет на все вещи человеческий способ восприятия (о чем шла речь в одном из разделов прошлой главы). В таком случае, Харман оказывается заложником эпохи корреляции дважды: сначала как слабый корреляционист, затем, как субъекталист, переносящий отношение между человеком и миром на все сущее.

²²⁹ Meillassoux Q. Iteration, Reiteration, Repetition: A Speculative Analysis of the Meaningless Sign. Unpublished version / Trans. Mackay R. – 2012. – Berlin: Freie Universität – URL: <https://s3.amazonaws.com/arena-attachments/886529/539a4b4a8c213179c159eefc04a28947.pdf> (дата обращения: 12.07.2021)

²³⁰ «Оригинальность» субъектализма Хармана, по мнению Мейясу, видимо, заключается в том, что ООО, распространяя человеческие свойства на вещи, не отрицает в-себе. В то время как «обычный» субъектализм отрицает в-себе.

В силу того, что «поздний» Брассье пытается отстоять «рациональность» и приоритет научного дискурса, он считает, что ООО «иррационалистична». По Брассье, наука предоставляет нам критерии, которые позволяют сводить манифестный образ к научному, в то время как Харман не доверяет подобным критериям и делает ставку на «чувственность». Брассье пишет «...под хармановским контролем спекулятивный реализм лишь усиливает пренебрежение рациональностью, философской или научной, что является одним из нежелательных последствий корреляционизма», потому «объектно-ориентированная философия Хармана... является — экстравагантным дядюшкой корреляционизма»²³¹. Впрочем, тот факт, что Брассье выступает за науку, ещё не делает его самого меньшим корреляционистом, чем Харман. И об этом мы будем говорить в разделе, посвященном Брассье.

Брассье соглашается с тем, что Харман антропологизирует²³² реальность. Мы также разделяем мнение, что ООО является субъектализмом, но представляется, что нужно поддержать Хармана и Брассье, когда те, в отличие от Мейясу, пытаются защитить кантовское в-себе. Пожалуй, позиция слабого корреляционизма является более адекватной, чем идея, согласно которой мы должны отрицать существование в-себе. Возражения против «аргумента круга»²³³ рассмотренные в прошлой главе в разделах о Хармане и Брассье, представляются вполне убедительными.

Несмотря на все антипатии, испытываемые друг к другу, Харман и

²³¹ Брассье Р. Спекулятивная аутопсия / пер. с англ. П. Борисова. – 2016. – Гефтер. – URL: <https://syg.ma/@pavelborisov/rei-brassie-spiekuliativnaia-autopsiia> (дата обращения: 13.07.2021).

²³² В первой главе мы употребляли это слово как синоним «субъектализма»

²³³ Мейясу странным образом осциллирует между принятием и неприятием «аргумента круга». В «После конечности» философ однозначно поддерживает данный аргумент, однако в более позднем тексте «Итерация, реитерация, повторение. Спекулятивный анализ знака, лишённого значения» он оговаривается, что защищает доводы против этого «аргумента». Это противоречие Мейясу пока не прояснил.

Брассье также похожи в том отношении, что создают теорию объектов²³⁴. Для Брассье объект одновременно является «разрезом в ткани корреляционистского синтеза» (унилатеральностью) и элементом реального мира. Харману более импонирует вторая интерпретация объекта; здесь оба философа совпадают. Впрочем, не чужда Харману и унилатеральность, поскольку нечто подобное основатель ООО предлагает называть «нереципрокностью». Харман пишет: «ООО допускает невзаимные (non-reciprocal) отношения, означающие, что один объект может вступать в отношения с другим без всякой обратной связи...»²³⁵. И, напомним, сама эта нереципрокная связь в ООО является объектом. С чем-то подобным мы имели дело, когда обсуждали одностороннюю дуальность, которая означает, что субъект (который из перспективы вымирания является объектом²³⁶) отличает себя от объекта, в то время как объект безразличен к этому различию, он не отличает себя от субъекта. В таком случае выходит, что оба смысла понятия объекта (как элемента мира и как отношения между элементами) имеют место и у Брассье, и у Хармана.

Кроме того, в обеих теориях объекты конечны: в ООО они просто внезапно исчезают, а по Брассье объекты необходимо аннигилируются в ничто вследствие всеобщего вымирания. Также данные подходы предполагают, что существует бесконечное число объектов. В случае ООО это объявляется прямо, Брассье же, видимо, имплицитно подразумевает этот тезис, когда отстаивает бадьюдианскую интерпретацию бытия, которая также постулирует бесконечность (правда, в данном случае нельзя

²³⁴ Философия 20 века, в целом, предлагала скорее негативные концепции объектов. Хайдеггером, постструктуралистом, постмодернистом и АСТ, идея того, что объекты могут выступать в качестве первичных элементов мира, отвергалась. Считалось, что отталкиваясь от объектов, нельзя построить продуктивную философскую теорию. Однако были и исключения вроде Уайтхеда.

²³⁵ Харман Г. Объектно-ориентированная онтология: новая «теория всего» / Пер. с англ. М. Фетисов. – Москва: Ад Маргинем, 2021. С. 131.

²³⁶ По раннему Брассье, субъект полностью должен сводиться к объекту, в то время как в поздний период, философ предлагает понимать субъекта как нередуцируемую к объекту, но пока зависимую от материального носителя структуру.

уточнить бесконечность ли это объектов или множеств). Тем не менее, несмотря на все сходства, данные теории различны в одном принципиальном отношении, а именно, в представлении о внутренней сущности объектов: для ООО реальность объектов создается чувственно²³⁷, для Брассье объекты являются материей. Поэтому и столь сильно отличается вектор, которого нам предлагается придерживаться в отношении объектов: в одном случае, это искусство и чувственность, в другом – науки и разум.

Нам остается не ясным, на каком основании Брассье и Харман называют кантовское в-себе именно объектом. Что дает им право интерпретировать вещь-в-себе как объект? Да, в-себе аффицирует нас, а мы не можем скрыться от этого воздействия, и здесь с философами можно согласиться. Но посредством чего мы переходим к тезису, что это именно объект и из их совокупности состоит мир? На нас влияет нечто, об именах чего мы договорились (бактерии, космические тела и т.п.), но почему они обязаны быть «объектами»? Убедительного обоснования тому, почему объекты должны быть связаны с «чувственностью» или «материальностью», в текстах мыслителей мы также не находим.

Перейдем к теме субъекта. Как представляется, ни Мейясу, ни Брассье бы не согласились с призывом Хармана полностью исключить субъекта. Для Мейясу и позднего Брассье субъект является политическим активистом, который меняет мир для достижения человеческого счастья. Сложно спорить с тем, что эта цель достаточно привлекательна. Другое дело, что в основу ее реализации у Мейясу и позднего Брассье кладется отрицание кантовского в-себе, что мы будем обсуждать дальше и с чем мы не согласны. Заявление Хармана об отсутствии субъекта также понять тяжело. Кто тогда создавал ООО, а также, каковы были мотивы мыслителя, формировавшиеся в определенном контексте? К тому же, философ сам оказался способным

²³⁷ Напомним, всякая связь сама является объектом, а раз между объектами возможны лишь чувственные отношения, то любой объект создается чувственно.

отличить себя от давления со стороны вещи-в-себе, т.е. перестать быть объектом и осознанно создать теорию.

Мы предполагаем, что ООО все-таки содержит некоторые признаки субъекта, и к тому же эта инстанция здесь присутствует в «корректном» для онтологии виде. Скажем, мы анализируем чувственные качества и совершаем концептуальную деятельность. Искренность, разумеется, захватывает и определяет ситуацию, в которой мы оказываемся, но, тем не менее, человек узнает себя в качестве человека и не полностью растворяется в искренности. В этом отношении, вероятно, субъект не до конца сводится к этой аффектации, он несколько ее превышает.

Закончим этот раздел тем, что обратимся к обсуждению, насколько оправдано ООО претендует быть «теорией всего» (это выражение самого Хармана). Из 1 главы книги «Объектно-ориентированная философия: новая “теория всего”» можно заключить, что Харман хочет создать не просто теорию чего-то конкретного, но, видимо, теорию в буквальном смысле всего вообще. Если «ООО – это теория всего»²³⁸, то поэтому, к примеру, «для объектно-ориентированного мыслителя физические объекты — это всего лишь один из видов объектов среди прочих»²³⁹. Получается, Харман не просто претендует на то, что его теория лучше описывает реальность, чем другие концепции, но она включает и остальные дискурсы, которые также нечто рассказывают о мире.

Мейясу нас предостерегает от теорий, которые оставляют за собой право на исчерпывающее описание реальности и исключают подобные претензии со стороны других дискурсов. Мейясу не имеет ничего против субъектализма, он лишь против тотальности оных: субъектализмы могут и должны сосуществовать, но лишь при том условии, что они будут несводимы к единой метатеории. Пожалуй, здесь стоит согласиться с Мейясу, поскольку

²³⁸ Харман Г. Объектно-ориентированная онтология: новая «теория всего» / Пер. с англ. М. Фетисов. – Москва: Ад Маргинем, 2021. С. 42.

²³⁹ Там же. С. 40.

претензия на «правильность» какой-либо одной модели реальности сейчас кажется по меньшей мере, странной²⁴⁰.

Продолжим тему «универсальности» ООО. Представляется, что данная теория противоречива в том отношении, что относится к себе в качестве объекта объектов, существование которого отрицает²⁴¹. Харман, разумеется, прямо не говорит, что его теория является сверхобъектом (иначе это бы не соответствовало ключевым постулатам ООО), но это следует из ее претензии на исчерпывающее представление о реальности (как бесконечном наборе объектов и отношений между ними).

Кроме того, раз ООО претендует на то, чтобы быть «теорией всего», тогда она должна в себя непротиворечиво включать данные других дискурсов. Например, ООО понимает время и пространство как «напряжения» между ЧК и ЧО, и ЧК и РО²⁴². Но тогда каким образом представление ООО о времени и пространстве соответствует оным в общепринятой теории относительности? Как в ООО встраивается идея того, что пространство и время являются континуумом, который, искривляясь под действием массы, создает гравитацию? Где место этому представлению о

²⁴⁰ Харман считает, что именно для физики характерно стремление создать «теорию всего». В данном случае Харман ссылается на «Теорию струн», которая некогда работала над объединением квантовой механики с теорией относительности. В общем-то, даже Теория струн не претендовала на что-то больше, что бы выходило за рамки решения вопросов внутри физики, в отличие от ООО, которая хочет охватить все дискурсы.

²⁴¹ Идея о том, что ООО является объектом всех объектов была позаимствована у Александра Ветушинского / см. Ветушинский А. С. На пути к симметрии: как онтология стала плоской // Философия и культура. – 2016. – № 12. – С. 1625 – 1630.

²⁴² Под «напряжением», следует полагать, Харман имеет в виду характер связи, который первичен в отношении связываемых элементов. Когда мы воспринимаем нечто (ЧО), то мы наблюдаем его разные черты (ЧК) в некоторой продолжительности и изменчивости. Это непостоянство и одновременно принадлежность качеств к своему чувственному объекту Харман называет временем. «Пространством» Харман называет одновременную связь и отсутствие таковой между реальным объектом и его чувственными качествами. Философом приводится такой пример: я нахожусь далеко от Токио, но у меня имеется какое-то чувственное представление об этом городе, к тому же есть возможность туда отправиться (потому нельзя сказать, что между мной и Токио вообще нет никакой связи), однако если я приеду в самый центр японской столицы, то я как реальный объект так и не узнаю всей реальности Токио, хотя чувственных впечатлений о городе у меня и будет больше; соответственно, между мной и Токио существует некоторое напряжение «приближения и отдаления», которое ООО называет «пространством».

пространстве и времени в хармановской онтологии? Очевидно, что идея пространственно-временного континуума (пока) никак не вписывается в метатеорию Хармана. Аналогичных примеров, видимо, можно привести бесчисленное число. Мы ни в коем случае не защищаем позицию, что научные представления ближе к реальности, чем какие-либо другие. Мы просто хотим сказать, что если Харман считает, что «физические объекты — это всего лишь один из видов объектов среди прочих», то он вынужден объяснять характер перехода пространства (или времени) от реальных объектов в физические²⁴³.

Следовательно, философ спешит с тем, чтобы выдавать свою онтологическую модель за универсальную. Иначе она должна быть более разработанной концептуально, чтобы непротиворечиво включить в себя общераспространенные и признанные факты других дискурсов. Ведь ООО считает, что ее идеи лежат в основании концепций, которые столь значимы для нашей современной культуры (речь о той же физике).

Как мы видим, ООО, по мнению коллег, обладает серьезными недостатками. Так, данная концепция необоснованно распространяет отношения между людьми и вещами на нечеловеческие сущности. В этом смысле корреляционизма становится не меньше, а больше (даже в количественном отношении, т.к. корреляция существует теперь не между двумя инстанциями, а между бесконечным набором таковых). Также Харман поспешно отвергает фигуру субъекта, хотя бы потому что сам является субъектом, который создал философскую теорию. В конце концов, ООО, претендуя на статус метатеории, не объясняет, как в нее включаются другие концепции, описывающие реальность.

²⁴³ О.В. Головашина в статье «Объективная онтология? Метафизика Г. Хармана» также считает, что раз ООО претендует на то, чтобы быть метатеорией, то она должна объяснять, как согласуются ее постулаты с общеизвестными фактами из современной культуры (в том числе из науки).

3.1.2. Непроясненность теории объектов и дорефлексивная чувственность

Объявленный выход за пределы философии доступа Харман не совершает. В противном случае, на каком основании считается, будто все вещи состоят друг с другом в такой же корреляции, что и человек к вещам? Почему наши отношения с вещью-в-себе аналогичны «связям» между нечеловеческими сущими? Харман не доказывает то, что ему удалось преодолеть онтологический таксономизм (вариантом которого является доступ). Один из авторитетнейших комментаторов этой теории Н. Янг справедливо пишет, что «позиция Хармана заключается скорее в отказе от проблемы доступа, а не в ее опровержении»²⁴⁴.

В таком случае оказывается под сомнением принцип «онтологической плоскостности». На каком основании утверждается, что у вымышленных, искусственных и физически существующих вещей одинаковый объем реальности? Представляется, что это не больше, чем произвольный постулат конкретного мыслителя, который нам предлагается принять на веру. Что нас заставляет поверить в то, что воображаемый дракон и лавандовые пачули имеют одинаковую реальность? Те и другие якобы способны создавать «чувственные зоны» с другими вещами. Но мы не наблюдаем чувственных отношений между вещами, которые по аналогии испытываем мы сами. Поэтому мы не видим, каким образом тезис о горизонтальности, заявляемый в качестве основного способа преодоления корреляционизма, можно принять как обоснованный.

Выходит так, что в данном случае разумней остаться в рамках отношений человек-мир, поскольку тогда мы хотя бы не рискуем усилить корреляцию и инфицировать ей весь мир; в противном случае, не хотелось бы получить результат, которого так старательно пытались избежать. Харман отстаивает своего рода «чувственность» или «искренность», которой

²⁴⁴ Young N. On Correlationism and the Philosophy of (Human) Access: Meillassoux and Harman // Open Philosophy. – Berlin: De Gruyter, – 2019. – №3.

захвачен один объект по отношению к другому. Тяжело сказать, чем именно является подобная чувственность. Вероятно, если Харман, как он утверждает, защищает вещь-в-себе, то она должна на нас влиять. Эта аффектация случайна, и мы всегда уже подчинены этому давлению. Структуры, которыми формируется опыт, не могут создавать эмпирию без слепого материала, который произвольно поставляет в-себе.

Подобная чувственность является первичным неоформленным материалом. Она опережает рефлексию и, соответственно, корреляцию. В момент особенно сильного «ушибания» вещью-в-себе мы не сразу способны себя отличить в качестве субъектов, и в этом смысле аффектация бессубъектна; это, как нам представляется, и есть проявление нескоррелированности вещи-в-себе. Благодаря удару вещи-в-себе у нас возникает оформленное чувственное содержание, над которым мы уже вполне можем совершать концептуальные операции, но все это уже будет находиться на уровне рефлексии, т.е. будет скоррелировано. Если Харман имеет в виду такого рода «чувственность» (аффектацию со стороны в-себе), то с ним можно согласиться, но нельзя утверждать, что эта чувственность характерна и для нечеловеческих вещей²⁴⁵.

Обратимся к другому сюжету, а именно к хармановской интерпретации Хайдеггера. Взаимодействие с вещью-в-себе (бытием) немецкий мыслитель описывал в терминах сокрытого-несокрытого, но Харман достаточно необычно интерпретирует эту структуру. Мы полагаем, что Харман прав, когда утверждает, что раз подручное, – находящее в сети отношений, – ломается, то Хайдеггеру нужно предполагать, что такое подручное содержит «...упрямый избыток помимо своих текущих

²⁴⁵ Можно допустить, что аналогом воздействия вещи-в-себе на животных является раздражение, оказываемое со стороны ветра или солнечных лучей, но проверить каким образом неодушевленные предметы *чувствуют* давление вещи-в-себе, нам не удастся. Кроме того, можно сказать, что наш биологический вид обладает специфическими органами чувств, благодаря которым, мы с особой интенсивностью испытываем давление вещи-в-себе. Даже если поверить в то, что эта научная гипотеза абсолютно верна (а теории имеют тенденцию меняться), то все равно для функционирования наших чувственных органов требуется внешний фактор.

эффектов и влияния...»²⁴⁶. Но как из этого, по всей видимости, верного положения вытекает то, что подручные ускользают не только от человека, но и друг от друга? Этот более фундаментальный тезис для своей теории, Харман как нам представляется, не обосновывает²⁴⁷. Хайдеггерианство Хармана, по нашему мнению, состоит лишь в том, что он заимствует у немецкого философа структуру тождества различного и различия тождественного. Но ООО это кружение мышления и бытия друг вокруг друга опять же произвольно переносит на все вещи, чем якобы демонстрирует существование космического танца взаимного утаивания объектов.

Хармановская теория объектов встречается с массой трудностей. Философ пытается убедить нас, что объекты обладают «реальностью». С какой целью вводится эта реальность? Кетин Баланье считает, что «реальный объект Хармана – не обитатель царства кантовского ноумена, а скорее реальность, полностью присутствующая в царстве феноменов, извлекающая выгоду из всех возможностей феноменального царства»²⁴⁸.

Действительно, складывается ощущение, что Харманом не всегда руководит желание соприкоснуться именно с нескоррелированным бытием, а скорее он хочет спасти все феномены скоррелированного мира. Вероятно, эта страсть к феноменальному подталкивает его к тому, чтобы приписать способность восприятия совершенно всему. Повторимся, что нам пока не известно ни одно сущее, которое бы испытывало давление вещи-в-себе помимо человека, потому не стоит торопиться наделять этой способностью кого-то еще, кроме людей. Если мы хотим добиться минимизации

²⁴⁶ Харман Г. Спекулятивный реализм: введение / пер. с англ. А.А. Писарева. М.: РИПОЛ классик, 2020. С. 173–174.

²⁴⁷ Прочтение ООО инструмент-анализа не вызвало особо ажиотажа в хайдеггероведческих кругах (на, что жалуется сам Харман). А если на хамарновскую интерпретацию Хайдеггера и реагируют, то, как правило, недоумением / чит. Wolfendale P. Object-Oriented Philosophy: The Noumenon's New Clothes. Urbanomic, 2014

²⁴⁸ Parildar S. All For A Realist Defense of Metaphysics: Graham Harman vs. Peter Wolfendale. URL:https://www.researchgate.net/publication/337200299_All_For_A_Realist_Defense_of_Metaphysics_Graham_Harman_vs_Peter_Wolfendale (accessed: 20.08.2021)

корреляционизма, то следует остаться в рамках модели человек-мир и продумывать влияние на нас нескоррелированного бытия.

«Реальность» своих объектов Харман определяет апофатически. Раз так, то не слишком ли мы рискуем здесь тем, что каждый будет волен понимать под этой реальностью все, что захочет? И как тогда добиться согласия насчет понимания этого бытия? Ведь Харман претендует не просто на соприкосновение с в-себе (которое не так остро нуждается в понятийной определенности, поскольку каждый из нас, так или иначе испытывает давление в-себе), но на анализ объекта и составление описывающей всю реальность онтологической схемы. Можно ли положиться на такую универсальную модель реальности, которая однозначно не определяет свое исходное понятие?

Кроме того, по мнению критиков, Харман не показывает, каким образом объекты различаются друг от друга, и что препятствует тому, чтобы они слились в Единое бытие. Процитируем Д. Кралечкина:

«Отсутствие реальности — между объектами (или, точнее, отсутствие такого — между) не позволяет говорить даже о том, что эти объекты являются — разными, поскольку и различие здесь устранено в качестве одного из отношений (этот опасный поворот Харман специально не затрагивает). А раз так, ничто не гарантирует нам множественности объектов, которые вполне могут схлопнуться в единый объект или попросту Единое, представляющееся главным врагом хармановской онтологии плюральных объектов...»²⁴⁹.

Помимо этого, Харман не объясняет, почему объектов должно быть бесконечное количество. Да, он говорит, что это следует из непрерывной каузальной обусловленности объектов, но опять же, откуда берется эта бесконечная связанность? Также Харман не показывает, как способны возникать объекты. В данном случае, философ ссылается на простую неопределенность или нетождественность, которая принадлежит реальности самих объектов. Но здесь Харман в очередной раз в

²⁴⁹ Кралечкин Д. О сургуче и капусте // Логос. – 2014. – Т. 100. – №4.

произвольном порядке наделяет «реальность» качествами, которые просто удобны для его теории, при этом вновь никак аргументативно это не обосновывая.

Допустим, что реальные объекты возникают произвольно. Но как именно они продуцируют свои чувственные качества и чувственные объекты? Каким образом вообще реальность связана со своим заместителем в феноменальной сфере? И могут ли такие «чувственные зоны» вообще выступать основанием для отношений между реальными объектами, т.е. благодаря чему на самом деле взаимодействуют сущности?

По всей видимости, Харман бы не отнесся к данным вопросам серьезно, поскольку он полагает, что рациональные критерии – лишь одни из возможных и к тому же не самые продуктивные. Харману обычно нечего ответить на подобные замечания, а в крайнем случае он ограничивается отсылками к высказываниям авторитетных философов на этот счет (скажем, позднему Уайтхеду²⁵⁰).

При первом знакомстве концепция Хармана вызывает достаточно одиозное чувство: как можно предлагать теорию, в которой практически ни один из базовых постулатов никак не обоснован? Надежда на то, что подобные мысли улягутся и перестанут беспокоить при более полном погружении в эту концепцию, не оправдывается. Мы видели, что Харман не преодолевает корреляционизм, но усиливает его. Вместо того чтобы действительно попытаться потеснить человека с господствующего положения, он распространяет наше отношение к вещам на все сущее. Это очень необычный результат, с которым сложно примириться.

²⁵⁰ Харман одобритительно цитирует слова Уайтхеда: «Замечено, что философская система никогда не опровергается: от нее только отказываются. Причина этого в том, что логические противоречия, за исключением простых заблуждений ума (которых предостаточно, но которые лишь временны), являются наиболее безобидными из ошибок, и они обычно тривиальны...». Цит. Харман Г. Четвероякий объект: Метафизика вещей после Хайдеггера / пер. с англ. А. Морозова и О. Мышкина. – Пермь: Гиле-Пресс, 2015. С. 70.

Чем-то странным кажутся претензии хармановского подхода быть «теорией всего». ООО не может в себя непротиворечиво включить факты других концепций, известные почти всякому образованному человеку. О какой всеохватности этой теории может идти речь, если она натывается на банальные противоречия? Например, мы отмечали, что ею отрицается существование метаобъекта, которым сама ООО по факту и является. Не может эта концепция и объяснить, что такое для нее «реальность», как и то, почему ей обладают в равной степени все вещи. Нет в этой онтологии и аргументов, которые бы поддерживали ее теорию объектов; остается непонятным, как объекты возникают, взаимодействуют, продуцируют свои чувственные заместители и т.д.

Несмотря на все вышесказанное, Харман обоснованно отвергает «аргумент круга» и восстанавливает кантовскую вещь-в-себе. И если продолжить размышление Хармана, то представляется, что идею о давлении чего-то внешнего действительно можно поддержать. Случайный удар, который производит в-себе, прерывает обыденное отношение субъекта к вещам. На это чувство, которое нас всюду сопровождает, можно положиться для снижения корреляции.

3.2. Недочеты фактуальной онтологии Квентина Мейясу

Начнем также с критики Квентина Мейясу со стороны Грэма Хармана и Рэя Брассье, после обратимся к мнению других авторов и дадим свою оценку.

3.2.1. Невозможность существования позиции сильного корреляционизма и другие замечания относительно идей Мейясу

На первый взгляд, Харман и Брассье поддерживают идею «эпохи корреляции». Другое дело, что товарищи Мейясу по спекулятивному реализму не рассматривают позицию слабого корреляциониста в качестве той, которую необходимо преодолеть. Мы уже несколько раз говорили, что

Харман и Брассье показывают несостоятельность «аргумента круга» (который использует субъектализм²⁵¹), исходя из чего считают восстановление в-себе слабого корреляционизма правомерным.

Но как уберечь эту реальность от сильного корреляциониста, ведь последний, напомним, не выносит однозначного утверждения о существовании или не существовании в-себе и этим опровергает как слабого корреляциониста, так и субъекталиста? Ожидаемо, что через отрицание того, что позиция сильного корреляциониста вообще существует. Это и делает Харман когда критикует Мейясу за то, что тот сначала задействует «аргумент круга», чтобы отбросить в-себе слабого корреляциониста, а затем восстанавливает это в-себе (видимо, забывая про данный аргумент), чтобы опровергнуть субъекталиста и прийти к сильному корреляционизму. Харман считает, что «Мейясу использует идеалистический ход [*субъекталистский и сильно корреляционистский — ДИ*] против слабого корреляциониста и слабо корреляционистский ход против идеалиста»²⁵². В-себе либо есть, либо его нет, и точка. «Следовательно, позиции сильного корреляциониста просто не существует»²⁵³.

«Повторюсь, сильный корреляционизм это лишь еще одно название идеализма, а не название позиции, отличающейся от идеализма. Таким образом, сильный корреляционизм и якобы возникающий путем его абсолютизации спекулятивный материализм [*т.е. позиция самого Мейясу — ДИ*] попросту несостоятельны»²⁵⁴ – говорит Харман. В принципе, редукции сильного корреляционизма и субъектализма к «идеализму» придерживается и Брассье. Здесь товарищи Мейясу по спекулятивному реализму согласны

²⁵¹ Харман, напомним, является субъекталистом, который защищает в-себе. ООО прямо не реагирует на обвинения в субъектализме со стороны Мейясу. Вероятно, Харман признает свою близость данной позиции, и это следует из того, что он открыто защищает панпсихизм.

²⁵² Харман Г. Спекулятивный реализм: введение / пер. с англ. А.А. Писарева. – М.: РИПОЛ классик, 2020. – С. 245.

²⁵³ Там же.

²⁵⁴ Там же. С. 251.

между собой: идеализм (субъектализм и сильный корреляционизм) сводит «аргументом круга» в-себе к для-нас.

В силу этого «идеалист» Мейясу в глазах Хармана оказывается ещё и антропоцентристом, т.е. тем, кто сохраняет «доступ» и, соответственно, остается в рамках модели человек-мир. Тем не менее ранее мы писали, что Харман сам не смог предложить способа выхода за пределы «доступа», поэтому лучше придерживаться дихотомии человек-мир, чем следовать за ООО. Далее мы будем говорить, что раз постулируемая Мейясу контингентность не является принципом, благодаря которому удастся выйти к вещи-в-себе (наоборот, кантовское в-себе превращается в для-нас), то субъект, руководствующийся контингентностью, теряет контакт с в-себе. В силу этого, мы не считаем, что теория субъекта Мейясу отвечает требованию преодоления корреляционизма, более того, она усиливает корреляционизм.

Брассье в «Несвязанном Ничто» обсуждает идеи Мейясу в нескольких контекстах. Брассье подмечает недостатки фактуальной философии, связанные с «интеллектуальной интуицией», к которой обращается Мейясу. Нельзя сказать, что Мейясу часто употребляет это выражение в своих работах, тем не менее, под ним он подразумевает способность мышления мыслить абсолют. По Мейясу, выходит так, что интеллектуальная интуиция посредством математики описывает вещь-в-себе. Мейясу отрицает то, что он поддерживает пифагорейский тезис о сущностной математичности бытия, однако, при этом он утверждает, что интеллектуальная интуиция именно посредством математики имеет доступ к в-себе.

Такое сочетание тезисов противоречиво, на что указывает Брассье, и об этом, видимо, знает сам Мейясу. В общем-то, Мейясу не дает разъяснений относительно того, каким образом математике удастся описывать реальность, которая нематематична. И в данном случае Мейясу остается в пределах мышления (интеллектуальной интуиции) и не

показывает, благодаря чему происходит переход к нескоррелированному бытию. Брассье пишет:

«Мейясу оказывается в затруднительном положении, пытаясь примирить утверждение о том, что бытие сущностно не является математическим, с утверждением о том, что бытие по своей сути доступно интеллектуальной интуиции. Он не может утверждать, что бытие математично, не впадая в пифагорейский идеализм; но этот возврат к пифагореизму предотвращается только ценой идеализма, который делает бытие коррелятом интеллектуальной интуиции»²⁵⁵.

Другое возражение касается архиископаемого, которое Брассье, по всей видимости, интерпретирует как аргумент. То есть он полагает, что задача архиископаемого заключается в том, чтобы подорвать корреляционизм, а не просто указать на его трудность. Брассье считает, что архиископаемое должно демонстрировать первичность объективного времени перед субъективным, т.е. то, что наше внутреннее переживание времени существует благодаря космологическому времени. Но, по Брассье, Мейясу не достигает этой цели, поскольку просто показывает, что концепция субъективного времени натывается на трудность, когда пытается помыслить эпоху до возникновения мышления. Мейясу не эксплицирует первичность объективного времени и, по мнению Брассье, этим подчиняет космологическое время субъективному (или нескоррелированное время скоррелированному).

Здесь, видимо, Брассье бьет мимо цели, поскольку задача архиископаемого, как мы помним, показать недостаток корреляционизма, а не его ложность. Несмотря на это, сражаясь в данном случае против мнимого врага, Брассье полагает, что именно «вымирание», а не архиископаемое преодолевает корреляционизм. Вымирание, напомним, не эмпирично, но реально, т.е. мы не воспринимаем Большой разрыв, но он будет, и мы можем это мыслить. Брассье пишет: «Таким образом, мысль о

²⁵⁵ Brassier R. *Nihil Unbound: Enlightenment and Extinction*. – London: Palgrave Macmillan, 2007. – P. 88.

вымирании уничтожает корреляцию, избегая при этом любого обращения к интеллектуальной интуиции, потому что она превращает отсутствие корреляции – а не доисторическую реальность – в объект мысли, но такой, который превращает саму мысль в объект»²⁵⁶.

У Брассье можно встретить и такую идею, что унилатеральность способна разрешить затруднения Мейясу как в отношении математики, так и концепции архиископаемого. Насчет последнего мысль ясна: пространство-время является условием существования внутреннего времени, последнее отличает себя от первого, без ответного отличия первого от второго. Что касается математики, то Брассье, видимо так же, как и Мейясу, поддерживает тезис о том, что бытие может быть доступно для математического описания. Но, видимо, Брассье хочет сказать, что разрыв между нематематичностью бытия и математическим описанием не представляет существенной трудности, поскольку это различие есть только для нас, но не для бытия самого по себе. Нематематичное бытие заставляет себя осмыслять посредством математики и такое описание парадоксальным образом удается, поскольку определяется самим бытием. Пресловутая унилатеральность как-то указывает на правомерность математического описания нематематичного бытия. На этом мы оставим попытку более внятно прояснить данную идею Брассье.

Унилатеральность и концепцию вымирания мы разберем в следующем разделе, но, забегаая вперед, скажем, что, в общем-то, критика Брассье бьет мимо цели, поскольку обе эти идеи в конечном итоге предлагается нам принять на веру. Брассье несколько не лучше справляется с задачами, которые ставит перед собой Мейясу, поскольку по факту произвольно вводит удобные для себя концепции. Однако Брассье прав, когда указывает на проблематичность сочетания представления о нематематичности бытия с возможностью математического описания

²⁵⁶ Brassier R. *Nihil Unbound: Enlightenment and Extinction*. – London: Palgrave Macmillan, 2007. – P. 229.

реальности. В целом, несмотря на неправомерность адресованной Мейясу критики со стороны Брассье, нам показалось крайне интересным сравнить его позицию с Мейясу по обозначенным вопросам.

Последнее, что нужно отметить, это «пустоту и формальность» концепции контингентности, о которой говорит Брассье, и, в принципе, такой оценки придерживается Харман. По мнению этих философов, контингентность ничего содержательного не говорит нам о нескоррелированной реальности. Согласно Харману, например, мир наполнен чувственными отношениями между нечеловеческими объектами, а космологическая метафизика Брассье представляет собой драму слепой и равнодушной работы унилатеральности во вселенском масштабе. На этом фоне контингентность Мейясу, в самом деле, выглядит как-то бессодержательно, поскольку почти ничего не рассказывает о том, что именно происходит в мире. С другой стороны, практически все, что говорят о реальности Харман и Брассье, не обосновано. Харману, по нашему мнению, удастся показать только захваченность человека внезапным действием вещи-в-себе, а Брассье просто напоминает нам о каких-то общеизвестных фактах насчет положения людей в мире.

Итак, Харман и Брассье соглашаются с идеей «эпохи корреляции», но считают, что позиция сильного корреляциониста (на опровержении которой Мейясу выстраивает свою концепцию контингентности) является несуществующей. Они также полагают, что Мейясу, принимая «аргумент круга», остается последовательным корреляционистом (т.е. полностью сводит в-себе к для-нас). Помимо этого, некоторые интересные замечания насчет философии Мейясу делает Брассье, но эта критика не всегда является правомерной.

3.2.2. Необоснованность перехода мышления в бытие и еще некоторые трудности фактуальной онтологии

Но в чем состоит ключевое возражение, адресованное Мейясу его критиками? По нашему мнению, оно заключается в отсутствии убедительной аргументации тезиса о переходе мышления в бытие. На этот счет приведем цитату из статьи Дианы Хамис:

«Вместо того чтобы разорвать круг корреляционизма изнутри и превратить разницу между бытием и мышлением в их эквивалентность, Мейясу всего лишь допускает ее по ходу своего рассуждения. Думая о контингентности, корреляционист вовсе не гипостазировал ее как независимое бытие, он всего лишь сознается, что не может мыслить, не мысля именно ее. Она – абсолют феноменологический, а вовсе не реальный. Круг корреляционизма, таким образом, не разрывается, а завершается – Мейясу доказал самое большее то, что, чтобы помыслить что-либо вообще, мы должны мыслить контингентность, что мы не можем ее не мыслить, но это совершенно не связано с тем, чем является бытие... Корреляционист не проводит никаких скрытых абсолютизаций и не хочет ничего заявлять о реальности. На деле Мейясу сам делает тот шаг к абсолютизации, который он так хочет увидеть у корреляциониста. Именно Мейясу приравнивает логическую возможность небытия всего с онтологически значимой возможностью и при этом задним числом опровергает корреляциониста»²⁵⁷.

Другой комментатор пишет нечто похожее:

«Мейясу использует область материального и область логического конвертируемо или взаимозаменяемо, что позволяет ему спроецировать логическое отсутствие причины в материальное бытие»²⁵⁸.

В том же духе высказывается и Альберто Тоскано:

«Все выглядит так, словно бы, пытаясь учредить... суверенность философского разума, хотя и защищая принцип безосновности и нарушая корреляционистскую самодостаточность, Мейясу на самом деле восстанавливает идеализм на уровне

²⁵⁷ Хамис Д. Пустота корреляционизма. // Логос. – 2013. – Т.92. – №2. – С.122–123.

²⁵⁸ Lindner E. Un-Becoming. An Uneven Note on Meillassoux and Deleuze. 2018. – URL: <https://homepage.univie.ac.at/eckardt.Lindner/un-becoming-a-hasty-note-on-meillassoux-anddeleuze/> (29.01.2022).

формы...допускается возможность выведения онтологических следствий из логических интуиций»²⁵⁹.

Эти комментаторы отстаивают общий тезис: Мейясу не удается окончательно обосновать переход от мышления к реальности, от субъекта к бытию. Где доказательство того, что контингентность представляет собой именно реальность, находящуюся вне субъекта, а не «пустой и формальный» принцип мышления? Мейясу удалось обнаружить, что мышлению для того, чтобы мыслить свою случайность, приходится мыслить отсутствие мышления. Но почему это отсутствие указывает именно на вещь-в-себе? На данный момент, такого обоснования Мейясу предоставить не может.

Выходит так, что характеристики, которыми Мейясу наделяет бытие, это черты не самой реальности, но только мышления. Мейясу, пожалуй, среди спекулятивных реалистов был единственным, кто имел претензию на обоснованный способ выведения свойств нескоррелированного бытия. Харман, как мы видели, вообще не приводит аргументов в поддержку свойств, которыми он наделяет реальность. Брассье тоже, как мы увидим, в основном просит нас поверить в то, что реальность является именно такой, а не какой-то другой. В общем, мы не видим оснований для того, чтобы следовать за кем-то из спекулятивных реалистов в плане принятия всех из предлагаемых ими свойств бытия.

Вслед за этим отметим и то, что Мейясу противоречит сам себе, когда говорит, что онтологии следует заниматься условиями возможности дискурсов, но не ввязываться в сами дискурсы. Или так: установление общих свойств бытия должно происходить не через обращение к частным сущим, но через характеристику бытия как бытия. Но чем объяснять тот факт, что Мейясу исследует субъекта, создает общественную утопию и пишет труд по поэме Малларме? Мы недоумеваем, каким образом в тексте

²⁵⁹ Тоскано А. Против спекулятивизма // Логос. – 2013. – Т.92. – №2. – С. 93.

2012 года «Итерация, реитерация, повторение. Спекулятивный анализ знака, лишённого значения» философ требует сужения поля онтологической работы до установления условий контингентности и *в том же году*, составляя текст о Малларме, сам не следует своему запрету. Это противоречие, которое лежит на поверхности, и не ясно, что заставляет французского философа с ним мириться.

Несмотря на это, принципы, которые выдвигает фактуальная онтология, достаточно привлекательны, поскольку нам предлагается легитимизировать любые дискурсы, описывающие мир. Главное, что требует Мейясу, чтобы эти дискурсы были: эмпиричными (не допускали существование потустороннего метафизического мира), нередуцируемы друг к другу и исключали претензию на всеохватность²⁶⁰. Но вопрос в том, нужна ли нам такая онтология, которая будет иметь основание лишь в мышлении и никак не соотноситься с нескоррелированной реальностью?

Отметим еще некоторые недостатки теории Мейясу. Так, Питер Грэттон говорит о том, что «объяснение происхождения мысли из жизни *ex nihilo* и независимость чувственных вторичных качеств от математизируемых первичных качеств,...в конечном счете, сохраняют большую часть феноменологического объяснения опыта, традиционно пользующегося предпочтением в корреляционизме»²⁶¹. В самом деле, постулат об автономном существовании чувственных качеств указывает на регистр, который радикально независим от материи, а именно, – сознание. И Мейясу не прописывает переход от бытия к сознанию, т.е. мышление опять-таки полностью автономизируется от вещи-в-себе, а значит есть риск того, что в-себе растворится в для-нас. Кроме того, Грэттон верно подмечает «идеалистичность историософии» Мейясу: французский

²⁶⁰ Такую онтологию Йозель Регев охарактеризовал «твёрдостью без тяжести», имея в виду, что она имеет твёрдое основание (онтологична), которое состоит в абсолютном отсутствии последнего основания (неметафизична).

²⁶¹ Gratton P. and Paul J. Ennis *The Meillassoux dictionary*. Edinburgh: Edinburgh University Press Ltd, 2015. – P. 35.

мыслитель постулирует разрывы, которые происходят сродни «чуду» (речь о возникновении материи, жизни и сознания). И вообще говоря, в данном случае мы имеем дело со странным «материализмом», который утверждает возникновение человеческого сознания в качестве одного из центральных моментов истории вселенной, а пришествие Бога объявляет наиболее важным будущим событием.

В целом, выделение этапов возникновения материи, жизни и сознания не является чем-то оригинальным, к тому же Мейясу не приводит обоснование, почему он считает именно эти события ключевыми, а не какие-то другие. Кроме того, Грэттон пишет «...Мейясу должен объяснить, ... почему то, что есть, кажется стабильным и подчиняющимся физическим законам от одного момента к другому»²⁶². Иными словами: выдвинув тезис, что мир может радикально меняться без всякой на то причины, Мейясу не показал то, почему он все-таки не меняется.

Теперь выскажем несколько соображений насчет обращения философа к математике. Напомним, Мейясу делает ставку на определенную математическую теорию, а именно его интересует «стандартная аксиоматика множеств (так называемая аксиоматика ZF, Цермело-Френкеля), последовательно разрабатываемая с первой половины XX века на основе работ Кантора...»²⁶³. Встает вопрос: на каком основании выбрана эта математическая теория? По всей видимости, Мейясу бы ответил на это в духе: так распорядилась сама контингентность и назначила данную теорию в качестве «истинной». Мы понимаем, что это не ответ. Философ пока не может, или не хочет объяснять необходимость выбора определенной математической теории.

Несмотря на это, Мейясу считает, что данная математическая теория дает нам доступ к абсолюту, т.е. к тому, что не изменяется, а потому

²⁶² Gratton P. and Paul J. Ennis The Meillassoux dictionary. Edinburgh: Edinburgh University Press Ltd, 2015. – P. 63.

²⁶³ Мейясу К. После конечности: Эссе о необходимости контингентности / пер. Л. Медведевой. – М.: Кабинетный ученый, 2016. – С. 153.

находится вне истории. Однако Александр Галлуэй отмечает, что сама постановка вопроса о математике как доступу к абсолюту – исторична:

«Нет ли исторической специфики в — способности математики высказываться о Великом внешнем? Ответ — решительное — да; такую историческую специфику можно назвать индустриальной современностью вообще и постфордистской (то есть программной) современностью в частности»²⁶⁴.

Другая сложность, с которой сталкивается Мейясу, состоит в том, что его заявление о случайности законов логики вступает в противоречие с неизменностью математики, которую имплицитно предполагает философ. На этот факт указывает Е.В. Косилова:

«невозможно представить себе, как этого требует Мейясу, чтобы остались неизменными законы математики, но были изменены законы и принципы логики. Ему надо было бы выбрать что-то одно из двух: или постулировать сохранение и логики, и математики, или требовать контингентности логики, но тогда говорить о том, что и математика меняется»²⁶⁵.

Честно говоря, претензия Мейясу на познание в-себе нам остается неясной. В истории мысли «онтологическая установка» часто себя противопоставляла «гносеологической». В данном случае имеется в виду, что познание (как философское, так и научное) начинается там, где вещь-в-себе перестает быть основным предметом философского интереса и внимание переносится на вещь-для-нас²⁶⁶. Возможно, допущения «гносеологизма» и элиминирования в-себе взаимно поддерживают друг друга и в философии Мейясу: гносеологизм ведет к исключению в-себе, а отбрасывание в-себе способствует становлению гносеологизма. Мы считаем, что возврат в-себе слабого корреляционизма и принятие тезиса о

²⁶⁴ Galloway A.R. The Poverty of Philosophy: Realism and Post-Fordism // Critical Inquiry. – 2013. – Vol. 39. – №2.

²⁶⁵ Косилова Е.В. Соотношение философии математики и физики у К. Мейясу // Идеи и идеалы. – 2020. – Т. 12. – № 2, ч. 1. – С. 173.

²⁶⁶ Подобной позиции придерживались, например, Гартман и в определенном отношении Хайдеггер.

том, что мы не можем познать вещь-в-себе, приблизит нас к менее корреляционистской позиции, чем та, что предлагается Мейясу.

Основной трудностью онтологии Мейясу является необоснованный переход мышления в бытие. Мейясу не предлагает довода в пользу того, что контингентность представляет собой именно нескоррелированную реальность, вещь-в-себе, а не простую способность мышления мыслить свое отсутствие. Вследствие чего характеристики контингентности принадлежат скорее не бытию, а мышлению. Кроме того, нужно согласиться с Харманом и Брассье, что Мейясу, используя «аргумент круга», теряет контакт с нескоррелированной реальностью. Поэтому теория субъекта, которую Мейясу пытался представить как некорреляционистскую, на самом деле оказывается корреляционистской. Прямого познания вещи-в-себе, на которое претендует такой субъект, также не происходит.

Кроме того, философия Мейясу имеет противоречия и недоказанные постулаты. Так, философ заявляет о том, что онтология должна работать с бытием как таковым, а на деле сам Мейясу исследует частные сущие. Также мыслитель не объясняет, на каком основании он принимает события возникновения материи, жизни и сознания; к тому же сами эти события сводятся к «чуду». Кроме того, Мейясу постулирует автономность мышления от в-себе, но не проясняет то, как возникает мышление из материи. Все это плохо согласуется с «материализмом» Мейясу. Нет у философа и объяснения тому, почему всевластная контингентность, которая беспричинно меняет мир, загадочным образом сохраняет все как есть. Наконец, Мейясу не приводит довода в пользу выбора определенной математической теории, а также не показывает, каким образом сочетаются тезисы о нематематичности бытия и математическом описании реальности. Также Мейясу отрицает историчность ставящегося им вопроса о

математике в отношении абсолюта и наталкивается на трудность, когда постулирует случайность логики при неизменности математики.

Итак, что ценного в фактуальной онтологии? Пожалуй, в первую очередь ее неуспехи. Негативный опыт, тоже опыт, и за это следует быть благодарным Мейясу. Мы, по крайней мере, поняли, что следование за «аргументом круга» не ведет к преодолению корреляционизма, но лишь к усилению одного, а также лишней раз подтвердили, что ставка на гносеологизм чревата сведением в-себе к для-нас. Впрочем, пока что рано судить о философии Мейясу в целом, поскольку ныне здравствующий философ еще вполне может продолжить развивать свою концепцию, решая трудности, которые были обнаружены ее критиками.

3.3. Критика вычитательной онтологии Рэя Брассье

Обсуждение концепции Рэя Брассье мы хотели бы начать с претензий, выдвинутых в его адрес другими спекулятивными реалистами. Далее мы расширим круг привлекаемых комментаторов и дадим свою оценку его проекту.

3.3.1. Необоснованность введения унилатеральности и проблематичность ставки на естественные науки

Мейясу критикует центральную для «раннего» Брассье идею унилатеральности. «Несвязанное Ничто» можно назвать содержательным наполнением достаточно сухой и формальной работы «После конечности» Мейясу. Но она претендует лишь на легитимацию для онтологии дискурса о «мире смерти», в то время как Брассье уже стремится провести более обстоятельную реконструкцию этой реальности.

Цитата из Мейясу:

«Нигилизм Рэя Брассье ближе к позиции, которую стремлюсь защищать я,

поскольку она кажется мне одновременно антикорреляционистской и антисубъекталистской. Мое несогласие с его важной и впечатляющей книгой («Несвязанное Ничто») заключается в том, что я до сих пор не понимаю, как не-философия Ларуэля, которая кажется Брассье существенной, позволяет ему добиться такого результата»²⁶⁷.

Под «результатом» Мейясу подразумевает преодоление корреляционизма. И в чем Мейясу здесь видит трудность? – Прежде всего, в ссылке на Ларуэля. Впрочем, идеи последнего критически оценивает не один только Мейясу. Один из комментаторов Ларуэля так комментирует его постулат о Реальном как радикальной имманентности: «Этот тезис не является выводом из какой-либо цепи рассуждений, он постулируется в своем прямом безотносительном тематизме аксиоматически»²⁶⁸. Нужно полагать, это высказывание означает, что Реальное постулируется произвольно. Соответственно, и унилатеральность, которая функционирует в сцепке с Реальным, также предлагается нам просто принять на веру. В связи с этим вновь обратимся к словам Мейясу:

«то, что он [Ларуэль – ДИ] называет “Реальным”, не более чем Реальное как результат полагания... [Ларуэль – ДИ] говорит: ““Реальное” предшествует мысли — в частности философской мысли — и безразлично к ней”, но порядок того, что он делает, противоречит тому, что он говорит: а начинает он с того, что думает... Реальное это на самом деле понятие Реального, а оно зависит от мышления»²⁶⁹.

Мейясу хочет сказать, что постулируемое Ларуэлем Реальное (и вслед за ним унилатеральность), не проходит «аргумент круга», и по этой причине философ полагает, что Брассье, ссылавшемуся на Ларуэля, не

²⁶⁷ Meillassoux Q. Iteration, Reiteration, Repetition : A Speculative Analysis of the Meaningless Sign. Unpublished version / Mackay R. (tr.) – Berlin: Freie Universität, – 2012. – URL: <https://s3.amazonaws.com/arena-attachments/886529/539a4b4a8c213179c159eefc04a28947.pdf> (accessed: 12.07.2021).

²⁶⁸ Гогтившивили Л.А. Философия языка Лосева и «не-философия» языка Ларуэля // Философия и культура 5(65). 2013 С. 658

²⁶⁹ Brassier R., Grant I. H., Harman G., Meillassoux Q. Speculative Realism // Collapse. — 2007. — Vol 3. — P. 419.

удается преодолеть корреляционизм. Мы же защищали ту идею, что «аргумент круга» несовершенен, поэтому необязательно ему следовать. Но Брассье в данном случае имеет в виду не просто вещь-в-себе, но стремится наделить ее конкретным специфическим смыслом, поэтому возражение Мейясу имеет силу. Дело в том, что Реальное описывает определенное содержание в-себе, а унилатеральность представляет собой более или менее подробный механизм того, как нескоррелированное бытие проникает в субъекта. И вот обоснование именно такому концептуальному наполнению идей Ларуэля должен дать Брассье.

Можно спросить: на каком основании выбран Ларуэль, а не другой философ? Почему мы должны положиться на его идеи? В случае Ларуэля эти концепции постулируются «аксиоматически» («на веру»), но как нам это может помочь в борьбе с корреляционизмом, если для нас изначальное принятие каких-либо содержательных положений о мире является корреляционистским? Мейясу не прав, когда считает, что «аргументом круга» можно отрицать существование реальности вне мышления, но мы согласны с ним, что нельзя нечто конкретное утверждать о некорреляционном бытии, не дав этому необходимое основание.

В тоже время все-таки поспешно отвергать тот тезис, что вещь-в-себе, нас аффицируя, сама безразлична к этому аффицированию; данную мысль поддерживал ещё Гартман. В принципе, каждый из нас знаком с этим ощущением, когда, к примеру, случайно ударяясь о стул, мы наталкиваемся на сопротивление, но то, *что* вызвало это сопротивление равнодушно к самому удару, которое оно спровоцировало в нас. Но мы не можем вслед за Брассье утверждать, что в-себе принуждает нас к замене манифестного образа научным. Тем более, как предложить необходимое обоснование идеи, согласно которой от материи унилатерально отпадает жизнь, а от жизни сознание? Какие доказательства приводит Брассье в поддержку такого понимания односторонней дуальности? Откуда у Брассье такая уверенность, что до возникновения людей и после нашей смерти, мир

также продолжит жить по принципам унилатеральности и Реального? Возможно, Брассье и приводит какие-то аргументы в поддержку своего утверждения, но в таком случае их крайне проблематично реконструировать в силу сложности языка «Несвязанного Ничто».

Подобные рассуждения ставят под вопрос всю программу преодоления корреляционизма намеченную «ранним» Брассье. Возникает проблема обоснования идеи как постепенного снижения корреляционизма посредством вычитания манифестного образа, так и полного преодоления одного через вымирание. Брассье с Мейясу схожи в том, что мыслят преодоление корреляционизма путем задействования фигуры смерти: они пытаются показать, что если мы можем осознавать свою смерть, то мы уже мертвы, а значит, и корреляции уже нет. Но разница в том, что Мейясу в данном случае апеллирует к контингентности, в отличие от Брассье, который полагается на один из космологических сценариев. Но опять же, чем обоснован выбор Брассье, ведь научные теории, как известно, меняются, не говоря о том, что речь в данном случае не о теории, а именно о сценарии, причем одном из возможных, обсуждаемых космологами, и почему нам стоит поверить какому-то одному из них?

Харман вообще сомневается, что онтологии необходимо делать ставку именно на естественные науки. Мы не хотим в данном случае вслед за ООО сказать, что онтологии нужно ориентироваться на эстетику. Это требование Хармана является тоже очень странным, поскольку сложно представить себе теорию эстетического опыта, которая бы высказывалась о нескоррелированном в-себе²⁷⁰. Но Харман выдвигает другие претензии к Брассье, которые касаются рациональных критериев, содержащихся в научных представлениях.

Напомним, Брассье считает, что «нейронауки сегодня проясняют

²⁷⁰ Скажем, «формализм» в эстетике, который отстаивает Харман, никогда не стремился выстраивать дискурс о независимой от человека реальности.

структуры, которые задают наши репрезентации...»²⁷¹, т.е. нам следует «онаучить» наши представления о данном (что дано) и что более важно о данности (как дано). А образы, которые предоставляет нам наука, имеют более ясные и воспроизводимые критерии, чем, скажем, феноменология, которая сводит науку к сознательным актам, не всегда демонстрируя общепонятные критерии такой редукции. Но Харман на это справедливо возражает: «любые критерии, предназначенные для того, чтобы отличить один образ от другого, все равно оставят нас на уровне образов»²⁷². Речь о том, что насколько бы рациональными не были критерии, которым удовлетворяет образ, он все равно будет образом. В этом смысле вычитательная онтология Брассье, видимо, даже в отдаленной перспективе не поможет нам избавиться от корреляционизма.

Кроме того, Харман выступает против тезиса Брассье об «адекватности без соответствия»²⁷³ (см. стр. 75 наст. работы). Данное положение Харман понимает так, что, «отказавшись от соответствия как критерия истины, Брассье, тем не менее, утверждает, что все же можно говорить об — адекватности: это означает, что естественные науки дают нам более тесную, более корректную связь с реальным, чем любые другие типы человеческого мышления»^{274 275}. При этом, считает Харман, «мало что говорится о том, как какой-либо образ в принципе может быть адекватен реальности по ту

²⁷¹ Brassier R. Transcendental Logic and True Representings. – 2016. URL: <http://www.glassbead.org/article/transcendental-logic-and-true-representings/?lang=enview> (дата обращения: 18.12.2021).

²⁷² Харман Г. Спекулятивный реализм: введение / пер. с англ. А.А. Писарева. – М.: РИПОЛ классик, 2020. С. 100.

²⁷³ Brassier R. Nihil Unbound: Enlightenment and Extinction. – London: Palgrave Macmillan, 2007. – P. 239.

²⁷⁴ Харман Г. Спекулятивный реализм: введение / пер. с англ. А.А. Писарева. – М.: РИПОЛ классик, 2020. С. 58.

²⁷⁵ Юджин Такер тоже считает, что Брассье достаточно произвольно выбирает естествознание в качестве дискурса, с которым должна сближаться философия: «книги Рэя... просят нас сделать тактическую инвестицию в — научную картину мира, поскольку она показывает его безразличным к человеческой морали, интересам, средствам и т.д.». Цит. Такер Ю. Пессимизм, Тщетность и Вымирание: интервью с Юджином Такером. URL: <https://vk.com/@zhelvachki-pessimizm-tschetnost-i-vymiranie-intervu-s-udzhinom-takerom> (дата обращения 13.03.2022).

сторону образов»²⁷⁶. Выходит, что Харман ставит под сомнение как саму привилегированность дискурса нейронаук, так и обоснованность критериев адекватности реальности. Раз выбор когнитивистики ничем не обоснован, а критерий отличия в-себе от для-нас не выходит за рамки человеческих образов, то исполнение задачи минимизации корреляционизма значительно усложняется.

Таким образом, другие спекулятивные реалисты не считают, что Брассье преодолевает корреляционизм. Мейясу это связывает с необоснованным введением концепций унилатеральности и Реального, а Харман с неаргументированной ставкой на естествознание²⁷⁷. В целом, мы согласимся с такой критикой: у Брассье не выходит как полностью избавиться от корреляционизма апелляцией к вымиранию, так и добиться постепенного снижения корреляционизма посредством вычитательной онтологии.

3.3.2. Сведение в-себе к для-нас у «позднего» Брассье и продуктивность возврата фигуры пассивного субъекта

Напомним, Брассье в 2010-е гг. меняет вектор своего размышления: если раньше в центре его внимания было вымирание²⁷⁸, то теперь философ

²⁷⁶ Харман Г. Спекулятивный реализм: введение / пер. с англ. А.А. Писарева. – М.: РИПОЛ классик, 2020. С. 58.

²⁷⁷ Гартман подобно Брассье подчеркивал близость онтологии и естествознания, когда писал, что «онтология, таким образом, поскольку ее исток лежит не в односторонних философских теориях, но непосредственно в жизни и научной работе, с самого начала находится в адекватной ей установке». Но, пожалуй, как и Брассье, Гартман не приводил более основательных доводов в пользу существования связи между наукой и онтологией.

²⁷⁸ Удивляет, что в «Несвязанном Ничто» имеются отсылки ко многим философам, но ни разу не упоминается имя Ника Ланда, с которым Брассье связывает сотрудничество по Йорскому университету. Ведь идеи Брассье имеют очевидные параллели с ландианским дискурсом. Данный факт уже был подмечен некоторыми комментаторами, и в частности, Винстентом Ли. / см. Le V. The Decline of Politics in the Name of Science? Constellations and Collisions between Nick Land and Ray Brassier // *Cosmos and History: The Journal of Natural and Social Philosophy*. – 2018. – Vol. 14. – №. 3. – PP. 31–50.

Мы бы хотели указать на две центральные для Брассье концепции, которые, по нашему мнению, выдают в нем едва ли не последовательного ландианца. Речь идет об идее

стремится понять, как людям нужно прожить отведенное им время. В «поздний» период Брассье защищает несводимость мышления к материи, или для-нас к в-себе. Мышление зависит от материи, поскольку оно функционирует благодаря ей, но оно «более совершенно», чем материя. Мы осознаем зависимость от материи, а также нечто о ней узнаем посредством наук и включаем этот образ в наши представления, пересоздавая концепцию материи (как и самих себя) в результате такой работы. Материя не проделывает таких операций и не сознает себя в качестве материи, поэтому разум выше ее.

Проблема в том, что в данном случае материя «детерминирована мыслящим субъектом»²⁷⁹ — пишет один из критиков. Брассье, конечно, пытается на это ответить в духе того, что «трансцендентальное различие между репрезентациями и вещами-в-себе является не теорией двух миров (чувственных/сверхчувственных), а двухаспектной теорией об одном имманентном мире». Но что в данном случае подразумевается под «одним имманентным миром»²⁸⁰? Почему мы должны поверить, что такой мир существует? Если же Брассье в данном случае имеет в виду Реальное, то опять же, где необходимое основание, чтобы принимать эту концепцию?

вымирования и Реального. К вымированию как нашей неизбежности апеллирует Ланд в своих работах 90-х гг. А вот как сам Брассье, по всей видимости, в единственной работе о Ланде, описывает ландианское понимание Реального: «для Ланда, — реальность тождества — смерть: вся витальная дифференциация является односторонним отклонением от смерти как нулевой степени интенсивной материи... не-тождественность материи не противопоставляется тождественности понятия, так как это концептуальное различие само является следствием материального процесса стратификации, устанавливающего порядок репрезентации и логику тождества и различия как таковых. Не-тождественность... генерирует и обуславливает как тождество, так и различие в их одностороннем отличии от безразличия... ДНК, виды, цивилизации, галактики — все временные преграды являются несущественными загустителями, подавляющими расплывающуюся смерть». / Брассье Р., Маккей Р. Предисловие к «Клыкастым ноуменам». URL: <https://syg.ma/@hylepress/rei-brassie-i-robinmakkiei-predisloviie-k-klykastym-poumienam> (дата обращения: 09.01.2022).

²⁷⁹ Roden D.J. Promethean and Posthuman Freedom: Brassier on Improvisation and Time // *Performance Philosophy*. – 2019. – Vol. 2. – №4. – P. 512.

²⁸⁰ Brassier R. *Transcendental Logic and True Representings*. – 2016. URL: <http://www.glassbead.org/article/transcendental-logic-and-true-representings/?lang=enview> (дата обращения: 18.12.2021).

Вместе с тем, несмотря на высказанный тезис о едином имманентном мире, «поздний» Брасье защищает несводимость сознания к мозгу. Последняя точка зрения означает одно: корреляционизм никогда не будет преодолен, он является нашей неизбежностью. Реальность, состоящую из объектов, мы исследуем посредством понятий, а прояснением перехода от материи к мышлению, по мнению Брасье, занимаются нейронауки. Брасье пишет, что «когнитивная наука в настоящее время исследует именно природу эпистемологической корреляции между отдельными понятиями и отдельными объектами»²⁸¹. Но почему мы убеждены, что нескоррелированные объекты и данные нейронаук независимы от мышления? Мы согласимся с Питером Грэттоном на счет того, что постулат об автономности мышления «по-видимому, заманивает Брасье... в ловушку идеализма: истинное знание исходит из рациональности,... в результате мы оказываемся в ловушке концептуальных схем»²⁸².

Выходит, что «поздний» Брасье, по большому счету, сводит в-себе к для-нас. Но как нам вновь добиться соприкосновения с нескоррелированной реальностью? Полагаем, что имеет смысл вернуться к концепции субъекта, представленной в «Несвязанном Ничто». Однако такое представление о субъекте должно быть скорректировано. Так, тезис о том, что «мы уже мертвы» не говорит чего-то существенного. Это положение в каком-то очень отстраненном, исключительно теоретическом смысле указывает на отсутствие корреляции, но по факту мы сейчас живы и находимся внутри корреляции.

Питер Грэттон пишет:

«Как и в хайдеггеровском — бытии-к-смерти, которое имплицитно присутствует в жизни каждого Dasein, эта окончательная смерть, заключает Брасье, в скрытом виде содержится в нашей воле к познанию и в жизненном мире манифестного образа. Однако Брасье утверждает, что “это не какая-то космологическая перекодировка

²⁸¹ Брасье Р. Понятия и объекты // Логос. – 2017. – Т. 27. – № 3. – С. 258.

²⁸² Gratton P. Speculative realism: Problems and Prospects. – London: Bloomsbury, 2014. – P. 135.

хайдеггеровской конечности, а ее спекулятивное снятие в форме нового синтеза мысли и объекта, или субъекта и смерти – мертвого субъекта»²⁸³

Тезис о «новом синтезе мысли и объекта» кажется плохо аргументированным в силу того, что здесь в качестве обоснования Брассье просит нас поверить в один из космологических сценариев. Но, допустим, Большой разрыв произойдет, и опять-таки, какое жизненное наизидание это нам дает? Да, мы расстроились или ужаснулись при мысли о вымирании, но как грядущее событие проявляется в нашей текущей жизни? В общем-то, на нас продолжает давить реальность сама по себе, и Брассье пытается описать именно этот процесс, когда говорит об унилатеральности. Однако в связи с односторонней дуальностью, как мы писали, философ не вполне обоснованно привлекает нейронауки, а также переносит унилатеральность на эволюцию космоса. «Хайдеггеровская конечность» означающая ограниченность субъекта своей чувственностью и невозможность познания в-себе, вероятно, все-таки более приемлема для онтологии, чем слишком абстрактная идея вымирания.

Та настроенность, которую Брассье стремился передать в «Несвязанном Ничто» ближе к «гностической»²⁸⁴, как говорит Данкан Ло. Видимо, в данном случае, под гностическим подразумевается какое-то невыразимое переживание, которое возникает, когда мы полностью растворяемся в бытии-ничто, оно даже «глубже», чем простое аффицирование вещью-в-себе. И Ло подмечает, что Брассье стремится объединить такой вид гностического переживания с рациональным опытом, который нам дают науки, что является противоречием. Критик считает, что «сложно уяснить, каким образом гностицизм мог бы ужиться с радикально

²⁸³ Gratton P. *Speculative realism: Problems and Prospects*. – London: Bloomsbury, 2014. – P. 144.

²⁸⁴ Ло Д. Две онтологии материализма: от не-философии к не философии / Гефтер // пер. с англ. К. Майоровой. – 2015. – URL: <http://gefeter.ru/archive/15520> (дата обращения: 13.07.2021).

натуралистической (более того, элиминативно-материалистической) точкой зрения, поддерживаемой Брассье»²⁸⁵.

Интересный выход из этой ситуации предлагает Ло, когда пишет, что «радикальная имманенция, способная разрешить противоречия проекта Брассье, это не более и не менее чем наша эмпирическая, материальная имманенция эмпирической материальной среды, в которой мы живем»²⁸⁶. Мы согласны с таким пониманием имманенции, которая является давлением реальности самой по себе, испытываемой нами в повседневности. Между уровнем опыта (на котором происходит понятийная научная деятельность) и бытием-ничто (где есть только полное растворение субъекта) находится уровень, где на субъекта непредсказуемым образом влияет нескоррелированное в-себе.

Анна Лонга подмечает другую особенность концепции Брассье, утверждая, что, «даже если объекты не зависят от мышления, мышление определенным образом зависит от объектов... [*поскольку Брассье – ДИ*] устанавливает абсолютную корреляцию в обратном смысле»²⁸⁷. В данном случае Лонга хочет сказать, что Брассье ставит мышление в зависимость от бытия, что, в целом, верно. Однако Лонга считает, что тот же Мейясу успешнее преодолевает корреляционизм, поскольку отрицает такую корреляцию со стороны в-себе. Обсуждая концепцию некорреляционистского субъекта Мейясу, мы выяснили, что философ стремится освободить от корреляции не только вещь-в-себе, но и субъекта²⁸⁸.

²⁸⁵ Ло Д. Две онтологии материализма: от не-философии к не философии / Гефтер // пер. с англ. К. Майоровой. – 2015. – URL: <http://gefeter.ru/archive/15520> (дата обращения: 13.07.2021).

²⁸⁶ Там же.

²⁸⁷ Лонга А. Вне-научная фантастика и истории ужаса (Квентин Мейясу и Рэй Брассье) / пер. с фр. – URL: <http://s357a.blogspot.com/2019/01/blog-post.html> (дата обращения: 17.03.2022)

²⁸⁸ Мейясу, с одной стороны, утверждает, что вещь-в-себе способна сделать с нами, что угодно, включая немислимое, с другой, – он автономизирует субъекта от повседневного влияния корреляции. Следует полагать, что Лонга, говоря об «отрицании корреляции в обратном смысле» имеет в виду факт независимости мышления от рутинного давления со

Однако, в конечном итоге, проект Мейясу не ведет к избавлению от корреляционизма, поэтому не согласимся с Лонга и поддержим тезис Брассье о неизбежном влиянии реальности на субъекта.

Кроме того, Брассье прав и насчет положения человека в мире, которое описано в «Несвязанном Ничто». Наверное, никто не станет спорить с тем, что история людей как биологического вида и культурных существ несравнимо короче истории вселенной. Кроме того, если произойдет какое-либо космологическое событие, которое для нас может стать катастрофическим, то факт исчезновения жизни на Земле останется незамеченным. Нельзя наверняка сказать, что мы являемся самыми совершенными существами на нашей планете, поскольку мы возникли случайным образом в результате естественного отбора, который идет до сих пор и может привести к созданию более развитых видов, чем наш. Все эти общеизвестные научные данные вызывают в нас ту или иную степень разочарованности. Чтобы согласиться с ними, не нужно принимать вычитательную онтологию Брассье, достаточно быть знакомым с популярными фактами из естествознания.

Брассье не преодолевает корреляционизм введением концепта вымирования, поскольку не приводит обоснования, согласно которому выбирает именно определенный космологический сценарий. Кроме того, вычитательная онтология Брассье имеет тот существенный недостаток, что требует от нас поверить в привилегированность естественнонаучного дискурса. Но также Брассье не показывает, каким образом замена манифестного образа научным выводит нас за пределы корреляционизма. К тому же, постулаты унилатеральности и Реального оказываются необоснованными, что также не способствует борьбе с корреляционизмом.

стороны в-себе. По нашему мнению, Мейясу добивается такого эффекта отрицанием самой кантовской вещи-в-себе посредством «аргумента круга».

«Поздний» Брассье, автономизируя мышление от нескоррелированной реальности, фактически сводит в-себе к для-нас. Тем не менее в «Несвязанном Ничто» Брассье предлагает взглянуть на субъект как на пассивную инстанцию, которая определяется воздействием вещи-в-себе, и эту идею мы можем поддержать.

3.4. Вывод по главе 3

По результатам разбора спекулятивного реализма мы видим, что никому из его представителей не удалось преодолеть корреляционизм. Чаще даже случалось наоборот: эти антикорреляционистски настроенные философы еще более усиливали корреляционизм. Помимо этой ведущей цели, новым онтологам не удалось достичь и других поставленных перед собой задач. У них не получилось обосновать обращение ни к одному из дискурсов, внешних онтологии, благодаря которому можно бы было приблизиться к вещи-в-себе. По большому счету, апелляция к математике в случае Мейясу, к естествознанию у Брассье и эстетике у Хармана является произвольной.

Кроме того, спекулятивные реалисты, заявляя, что их поиски направляются понятием вещи-в-себе, на деле зачастую подменяют его категориями, скорее, связанными с вещью-для-нас (например, понятием контингентности у Мейясу). Никто из этих онтологов также не обосновывает правомерность выведения тех черт нескоррелированной реальности, которые ими предлагаются. Также каждая из рассмотренных онтологических программ сталкивается с рядом частных, но серьезных трудностей, в силу которых она не может быть названа успешной и принята. Помимо этого, отношение спекулятивного реализма к такой лежащей в основе корреляционизма инстанции, как человеческий субъект, мы не можем оценить как адекватное, поскольку Мейясу и «поздний» Брассье выдвигают

концепции субъекта, где в-себе окажется сведенным к для-нас, а Харман вообще предлагает редуцировать субъекта, что является другой крайностью.

Мы не можем знать наверняка, но, возможно, отмеченные неудачи стали основанием для изменения интеллектуального вектора Брасье и «философского молчания» Мейясу. Исключением не является и Харман, книги которого все чаще стали представлять собой пересказ одних и тех же идей, притом философская аргументированность этих концепций не растет. Пожалуй, к сегодняшнему дню пик деятельности спекулятивного реализма прошел. Каждый из трех философов все больше занимается своей нишей, практически не пересекаясь в своей работе с бывшими единомышленниками. Некогда громко заявившее о себе и многообещающее интеллектуальное движение теперь лишь стало частью истории европейской философии начала XXI века.

Новому онтологическому повороту вряд ли удалось добиться большего, чем аналогичному повороту в начале прошлого века (в лице Хайдеггера и Гартмана). Тем не менее спекулятивный реализм вынес в публичное поле и на какое-то время сделал центральными ключевые онтологические сюжеты. Новые онтологи напомнили, что нашему познанию и эмпирическому опыту предшествует столкновение с реальностью; исходно мы всегда вынуждены иметь дело с бытием, которое случайно ударяет нас, но само остается безразлично к этому контакту.

Заключение

В первой главе мы установили специфику нового онтологического поворота: она заключается в акценте на независимой от мышления реальности, притом что совершающие поворот авторы признают необратимость кантовской «революции» и не призывают возвратиться к докантовской догматической философии. Также новые онтологи стремятся потеснить человека с господствующего положения среди объектов философского исследования. Но проблема состоит в том, что мы можем осмыслять нечто лишь в том случае, когда оно становится предметом мышления и в таком своем качестве существует благодаря акту нашего мышления. Однако мы живем в мире, который в целом равнодушен к тому, есть ли человек, который его наблюдает, или нет. Реальность сама по себе убеждает в своем автономном существовании тем, что производит на нас различные воздействия, невзирая на то, хотим мы этого или нет. Но как только мы пытаемся размышлять о такой реальности, то тут же превращаем ее в вещь-для-нас.

Спекулятивный реализм считает, что зачастую философия забывает о том, что несвязанная с нами реальность первична в отношении нашего мышления²⁸⁹. Следствием этого забвения является то, что внимание философов традиционно переключается на то, как мир дан именно человеку. Современные онтологи полагают, что подобная тенденция в философии относительно нова и имеет родоначальников в лице Канта и Беркли, хотя и возвращаться к докантовской философии они тоже не собираются, а пытаются найти новые пути. Прояснение связи с независимой от нас реальностью требуется для того, чтобы получить более адекватное представление об этой связи с вещью-в-себе. Идет ли речь о претензии на познание вещи-в-себе? Для одних спекулятивных реалистов – да, для других

²⁸⁹ Спекулятивные реалисты сближаются с диалектическим материализмом в том, что постулируют первичность бытия в отношении мышления. Однако диалектический материализм базируется на двух предпосылках, которые не разделяет спекулятивный реализм: во-первых, тождество бытия и мышления, во-вторых, антропоцентризм.

– нет. Но и те, и другие главную проблему видят в том, что, если ограничиться только скоррелированной с нами реальностью, то человек оказывается ее безусловным центром. В самом деле философия последних двухсот лет склонна была ставить человека в центр Вселенной и делать субъекта независимым от реальности самой по себе.

Основным предметом философских исканий после «коперниканской революции», осуществленной Кантом, становятся структуры, посредством которых мы создаем зависимую от нас реальность: это могут быть трансцендентальный аппарат, язык, сознание, социально-культурные практики, история и прочее. Философия, которая считает, что нам следует работать на этом уровне, спекулятивными реалистами именуется корреляционизмом. Среди новых онтологов нет полного единодушия в вопросе о том, что считать корреляционизмом. В первой главе мы предложили обобщающее понимание корреляционизма, с которым бы, за некоторыми исключениями, согласились все спекулятивные реалисты. По нашему мнению, корреляционизм включает в себя: субъектоцентризм, антропологизацию и примат корреляции. Последнее означает, что философия не может работать с реальностью как таковой, но лишь с тем, посредством чего скоррелированная реальность дана субъекту (трансцендентальный аппарат, язык и т.д.). Корреляционизм, делая акцент на этих «формах корреляции», по мнению спекулятивных реалистов, концентрируется лишь на человеке, и поэтому антропологизирует бытие, т.е. человеческие характеристики на всю реальность. Наконец, «субъектоцентризм» на языке спекулятивных реалистов означает, что корреляционизм признает фигуру человеческого субъекта основным предметом философского исследования. В целом, все три компонента тесно связаны и входят в зонтичное понятие корреляционизма.

Поначалу спекулятивными реалистами руководил пафос преодоления корреляционизма, т.е. полного избавления от влияния на философию всех трех его частей. Основная проблема состояла для них в том, как можно

выйти за пределы корреляции, если мы всегда находимся внутри нее? Каким образом, обладая лишь человеческим мышлением и чувственностью, соприкоснуться с тем, что от нас полностью автономно, не заражая это антропологическим? Как выйти за пределы субъекта, будучи субъектом?

Новый онтологический поворот изначально претендовал на окончательное решение этих проблем, что было названо «преодолением корреляционизма». Эти мыслители определили корреляционизм как самую распространенную теорию последних двухсот лет, которую философы порой принимали бессознательно и не всегда эксплицитовали. Спекулятивные реалисты сфокусировали внимание философского сообщества на этой концепции, к которой, так или иначе, обращалось большинство мыслителей посткантовского периода. Однако структура корреляционизма не так часто прояснялась и редко ставилась под сомнение. Вместе с тем, осознавая невозможность исполнения подобной задачи, спекулятивные реалисты, можно сказать, стали проводить стратегию «снижения роли корреляционизма», т.е. не полное упразднение корреляционизма, но уменьшение его значимости для философии.

Из опыта преодоления корреляционизма спекулятивными реалистами мы извлекли следующие уроки. Современной философии нужно чаще задумываться над корреляцией и учитывать ту роль, которую она играет в наших размышлениях. Скажем, не нужно забывать: если мы не можем выйти за пределы мышления, то это не означает, что не существует реальности вне мышления. Также следует иметь в виду, что мы не являемся центром мировой драмы, вокруг которого разыгрываются природные события. Кроме того, не стоит торопиться примешивать к объектам, попадающим в поле нашего мышления, человеческие свойства. В конце концов, важно помнить о таком влияющем на нас факторе, как нескоррелированная реальность.

Забвение вещи-в-себе и историческое становление корреляционизма являются основными поводами для нового онтологического поворота. Помимо них можно выделить теоретические истоки спекулятивного

реализма. К таковому, по нашему мнению, относится критика идеи субъекта в философии XIX-XX вв. Современные онтологи вписываются в традицию такой критики, поскольку борьба с корреляционизмом требует упразднения фигуры новоевропейского субъекта. Кроме того, спекулятивный реализм вдохновляется и некоторыми научными теориями, толкуя их в антиантропоцентристском духе (биологическая эволюция, космология, геология и нейронауки). Также современные онтологи следуют посткантовской критике метафизики в том, отвергая тождество между бытием и мышлением. Одновременно с этим, они стремятся восстановить для философии право рассуждать о независимой от мышления реальности, как то было в докритической философии. Особенно на одновременном удержании догматической и критической установок настаивает Мейясу.

Поставив в первой главе проблему и обсудив истоки современного онтологического поворота, во второй главе работы мы реконструировали и проинтерпретировали программы преодоления корреляционизма, предложенные новыми онтологами. По результатам этой главы мы пришли к выводу, что спекулятивного реализма как сколько-нибудь единого движения не существует. Есть набор совершенно разных проектов, которые неодинаково понимают корреляционизм и предлагают непохожие способы борьбы с ним, и тем более выдвигают зачастую противоречащие друг другу антикорреляционистские программы.

Мейясу называет философию последних двухсот лет «эпохой корреляции» и включает в данное понятие слабый и сильный корреляционизм, а также субъектализм. Во второй и третьей главах работы мы подробно разбирали эти понятия. Мейясу полагает, что следует преодолеть все три позиции и создать теорию субъекта, в которой бытие не будет подчинено мышлению и всей реальности не будет приписываться то, что принадлежит мышлению. Харман называет корреляционизм «философией доступа». В интерпретации корреляционизма данным мыслителем имеется следующий специфический оттенок: Харман

фактически считает, что сутью философии доступа является наличие фигуры субъекта, а слабый корреляционизм, признающий существование вещи-в-себе, и субъектализм философ не причисляет к своим противникам. В свою очередь Брассье считает, что в понятие корреляционизма входят, во-первых, сильный корреляционизм, который отрицает существование вещи-в-себе, и, во-вторых, субъектализм, распространяющий человеческие характеристики на реальность. В то же время слабый корреляционизм, признающий существование независимой от нас реальности, и факт наличия инстанции субъекта мыслитель не рассматривает в качестве того, чему необходимо противостоять.

На полное упразднение корреляционизма претендует Мейясу, заявляя, что корреляционизм как теория, которая отрицает достаточное основание у всего, не имеет основания и поэтому сама себя уже преодолела. Харман также считает, что ему удастся выйти за пределы корреляционизма, наделяя равным онтологическим статусом и характеристиками объекты любого рода: реальные, воображаемые и создаваемые людьми. Брассье полагает, что избавляется от корреляционизма ссылкой на космологический сценарий грядущего вымирания: если корреляция необходимо перестанет существовать в будущем, то ее уже нет сейчас. В общем-то, Харман и Брассье принимают теорию «эпохи корреляции» Мейясу, но, в отличие от своего коллеги, стремятся занять позицию «слабого» корреляционизма, который признает существование вещи-в-себе.

Спекулятивные реалисты предлагают зачастую непохожие концепции вещи-в-себе: у Мейясу она является Абсолютом, у Хармана – объектами, в случае Брассье – это материя.

В третьей главе мы провели критический анализ трех программ и пришли к общему выводу, что ни одному из проектов не удастся преодолеть корреляционизм. Более того, зачастую спекулятивные реалисты не ослабляют, а, наоборот, усиливают корреляционизм. Так, Харман распространяет человеческий способ отношения к сущему на все возможные

виды вещей во Вселенной, т.е. у него происходит не преодоление антропологизации, а ее гипертрофия. В свою очередь Мейясу не доказывает, что вводимое им понятие контингентность является не просто принципом мышления, но характеристикой самой реальности. Философ фактически упраздняет кантовскую вещь-в-себе, из-за чего усиливает корреляционизм, поскольку остается лишь вещь-для-нас, которая является продуктом нашего мышления. Брассье же вводит концепцию вымирания, апеллируя к определенному космологическому сценарию, согласно которому жизнь и материя исчезнут. Но философ не обосновывает, почему нам следует поверить именно подобному представлению о гипотетическом будущем нашей Вселенной, а не какому-то другому. Помимо этого Брассье не объясняет, почему привлекаемые им тезисы из философии Франсуа Ларуэля являются не произвольными постулатами, но идеями, способствующими преодолению корреляционизма.

По нашему мнению, остается не обоснованным и обращение спекулятивных реалистов к дискурсам, внешним для онтологии, за счет которых, как они надеются, мы бы смогли приблизиться к вещи-в-себе. Не удастся обнаружить убедительного обоснования такой апелляции ни у Мейясу к математике, ни, в случае Брассье, к естествознанию, ни у Хармана к эстетике. Станным образом, но вещь-в-себе, которая активно защищается спекулятивными реалистами, подменяется категориями, имеющими мало общего с кантовским понятием. Так, контингентность, постулируемая Мейясу, отсылает, как мы показали в третьей главе, только к вещи-для-нас. Харман произвольно утверждает, что любой объект является отдельной вещью-в-себе, которая аффицирует другие объекты, продуцируя свои чувственные заместители. Брассье же не показывает, почему его понятие материи является вещью-в-себе.

Характеристики бытия, которые предлагаются спекулятивными реалистами, по большому счету приписываются вещи-в-себе необоснованно. Новые онтологи не предложили способы, благодаря которым можно бы было

обеспечить выведение черт такого бытия. Более всего на это претендовал Мейясу, но в конечном итоге его онтология не доказывает, что описывает именно вещь-в-себе, а не мышление и его объект.

В контексте противостояния корреляционизму выбор адекватной теории субъекта особенно важен. Но представители спекулятивного реализма в основном отстаивают крайние точки зрения на идею субъекта: либо субъект поглощает нескоррелированное бытие (как в случае концепций Мейясу и «позднего» Брассье), либо вовсе упраздняется (как у Хармана).

Вместе с тем, «ранний» Брассье, а также отчасти Харман предлагают представление о субъекте как пассивной инстанции, которая зависит от нескоррелированной реальности. По нашему мнению, подобная трактовка субъекта отвечает требованию снижения влияния корреляционизма на философию и открывает возможность более адекватного контакта с реальностью как таковой. Спекулятивные реалисты показали, что независимая от нас реальность не сводима к мышлению о ней. Эта реальность случайно и неожиданно «ударяет» нас, не говоря о том, что мы постоянно испытываем ее воздействие в повседневной жизни. В дальнейшем философии нужно стремиться снизить влияние корреляции в своих концептуальных построениях, а для этого стоит больше уделять внимания прояснению аффицирования вещью-в-себе.

Мы показали, что спекулятивным реалистам не удалось сказать об онтологии нечто принципиально новое. Они попытались развить интуицию, которая в чем-то была свойственна онтологическому повороту прошлого столетия: для того, чтобы задать онтологию, требуется приблизиться к несвязанной с мышлением реальностью, а для этого нужно перенести акцент с активности субъекта на то, что обуславливает эту активность. Спекулятивные реалисты вновь обратили внимание философского сообщества на эти центральные для онтологии вопросы, но сколько-нибудь значительно продвинуться в их решении у них не вышло. Негативный

результат тоже результат, и нужно попробовать сделать из него соответствующие выводы.

К сегодняшнему моменту некогда амбициозное и активно развивающееся движение, привлекшее на свою сторону множество молодых интеллектуалов, осталось лишь частью истории философии начала XXI века. Впрочем, пока рано списывать спекулятивных реалистов со счетов, поскольку ничего не запрещает им идти на новые философские свершения или хотя бы прокламировать очередные призывы к свержению общераспространенного типа философствования.

Закрит ли вопрос преодоления корреляционизма? Сложно сказать однозначно, но мы, в свою очередь, не видим перспектив для окончательного решения этой задачи, т.к. нам не удалось обнаружить философских подходов, которые бы способствовали исключению субъективной человеческой оптики. Тем не менее проблема остается, поскольку сложно примириться с тем, что корреляционизм обесмысливает высказывания наук, в том числе и антиантропоцентристские выводы естествознания. Но кто всерьез станет оспаривать тот факт, что жизнь на Земле является случайным явлением и может бесследно пропасть в связи с каким-то природным или космическим событием? Или как можно отрицать, что с точки зрения масштаба Вселенной мы являемся незначимым материальным образованием? Однако из корреляционистской перспективы приходится утверждать, что подобные факты, устанавливаемые наукой, просто созданы нами. Предложенные решения данной проблемы нам видятся бесперспективными, но вместе с тем нам стоит учиться жить с этим противоречием и каким-то образом привыкать к разочаровывающим общепризнанным фактам науки.

Мы не видим способов выхода за пределы корреляционизма. Но, безусловно, необходимо учитывать его ограничения и всегда перепроверять самих себя насчет того, не забываем ли мы о влиянии на наше мышление вещью-в-себе и не заблуждаемся ли, полагая, что наш вид находится в центре природных процессов, начиная с квантового уровня и заканчивая

космическим. Мы согласны со спекулятивными реалистами в том, что корреляционизм препятствует получению адекватного представления о нас и нашей зависимости от некоррелированной реальности, поэтому поддерживаем стратегию снижения значимости корреляционизма посредством признания существующей независимо от нас реальности и смещения внимания философской работы с вещи-для-нас на эту реальность саму по себе.

Список литературы

1. Аверинцев С.С. Авторство и авторитет // Историческая поэтика. Литературный эпохи и типы художественного сознания. М.: 1994.
2. Адо П. Духовные упражнения и античная философия. – СПб.: «Степной ветер», 2005.
3. Аквинский Ф. Сумма теологии / Пер. С.И. Еремеева. – Киев: Эльга. Ника-Центр, 2003
4. Альтюссер Л. За Маркса / Пер. с франц. А. В. Денежкина. — М.: Праксис, 2006
5. Анри М. Неинтенциональная феноменология: задача феноменологии будущего // (Пост)феноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами / Сост. С.А. Шолохова, А.В. Ямпольская. — М.: Академический проект, 2014. С. 43-58
6. Аристотель. Метафизика. Переводы. Комментарии. Толкования / Сост. и подготовка текста С. И. Еремеев. — СПб.: Алетейя, 2002 г.; Киев: Эльга, 2002.
7. Бадью А. Философия и событие. Беседы с кратким введением в философию Алена Бадью / пер. с фр. Д. Кралечкина. – М.: Институт общегуманитарных исследований 2013.
8. Барт Р. Смерть автора // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М., 1994 – С. 384–391
9. Брайант Л. Р. Демократия объектов пер. с англ. О. С. Мышкина. — Пермь: Гиле Пресс, 2019.
10. Брайдотти Р. Постчеловек // Пер. с англ. Д. Хамис, под ред. В. Данилова. – Москва: Издательство Института Гайдара, 2021.
11. Брассье Презентация как анти-феномен в «Бытии и событии» Алена Бадью / Пер. с англ. А.В. Дьякова // 2008. – №1. – Курс: Хора. – С. 63 – 80.
12. Брассье Р. Понятия и объекты // Логос. – 2017. – Т. 27. – № 3. – С. 227– 262

13. Брассье Р. Спекулятивная аутопсия / пер. с англ. П. Борисова. – 2016. – Гефтер. – URL: <https://syg.ma/@pavelborisov/rei-brassie-spiekulativnaiaautopsiia> (дата обращения: 13.07.2021).
14. Брассье Р. Танатоз Просвещения / Логос. – 2019. – Т. 29. – № 4. – С. 83–106.
15. Брассье Р. То, чего нет: философия как сплетение истины и негативности // Stasis. – 2013. – №1. – С. 188 – 202.
16. Брассье Р., Маккей Р. Предисловие к «Клыкастым ноуменам». URL: <https://syg.ma/@hylepress/rei-brassie-i-robin-makkiei-priedisloviie-k-klukastymnoumenam> (дата обращения: 09.01.2022)
17. Ветушинский А. С. На пути к симметрии: как онтология стала плоской // Философия и культура. – 2016. – № 12. – С. 1625 – 1630.
18. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. — М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2019.
19. Вольф Х. Прологомены к первой философии или онтологии // Христиан Вольф и философия в России. – СПб.: РХГИ, 2001.
20. Вудард Д. Динамика слизи. Зарождение, мутация и ползучесть жизни / пер. с англ.. Хамис. — Пермь: Гиле Пресс, 2016.
21. Вульфиндейл П. Рационалистический ингуманизм / пер. Гуриновича Е.И. – URL: <https://spacemorgue.com/rationalist-inhumanism/> (дата обращения: 18.02.2022)
22. Вяткин Д. «Плазма в себе»: между онтологией и эпистемологией // Логос. – 2017. – № 3. – С. 57–82.
23. Гартман Н. К основоположению онтологии / Пер. с нем. Ю.В.Медведева под ред. Д. В. Складнева. — СПб.: Наука, 2003.
24. Гоготившивили Л.А. Философия языка Лосева и «не-философия» языка Ларюэля / Философия и культура. – 2013. – Т.65. – №5. – С. 656 – 679.

25. Головашина О.В. Объективная онтология? Метафизика Г. Хармана // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. – 2018. – Т. 34. – С. 4 – 16.
26. Гомбрих Э. История искусств. М.: «Издательство-АСТ», 1995.
27. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: «Искусство», 1984.
28. Девайкин И.А. Векторный субъект в фактуальной онтологии / Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика, Т. 21. – № 3. – С. 247–251.
29. Девайкин И.А. Критика "метафизики субъективности" в философии М.Хайдеггера // Вестник Воронежского государственного университета, серия Философия, издательство Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Воронежский государственный университет". – № 3. – С. 93–98.
30. Девайкин И.А. О понятии корреляционизма: Мейясу, Харман, Брассье // Идеи и идеалы. №1. 2022. – С. 82–99.
31. Девайкин И.А. Онтологические концепции Г. Хармана и К. Мейясу // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2022. – № 477.
32. Декарт Р. Размышления о первой философии. СПб.: Азбука, 2000.
33. Декарт Р. Рассуждение о методе. Разыскание истины / пер. М. Позднева. – СПб.: Азбука, 2018.
34. Делез Ж. Логика смысла. — М.: Раритет; Екатеринбург: Деловая книга, 1998.
35. Делез Ж. Различие и повторение. — С.-Пб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998.
36. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / Пер. с фр. и послесл. С.Н. Зенкина — М.: Институт экспериментальной социологии, С.-Пб.: Алетейя, 1998.

37. Деррида Ж. О грамматиологии. Перевод с французского и вступительная статья Н. Автономовой. — М.: Издательство "Ad Marginem", 2000.
38. Деррида Ж. Письмо и различие. — М.: Академический Проект, 2007.
39. Деррида Ж. Письмо к японскому другу // Вопросы Философии. — 1992. — № 4. — С. 53–57.
40. Деррида Ж. Поля философии / Пер. с фр. Д.Ю. Кралечкина. — М.: Академический Проект, 2012.
41. Детистова А.С. Феноменологический проект М. Ришира: фантазия как измерение феноменологического // Вопросы философии. — 2012. — №6. — С. 139–148.
42. Доброхотов А.Л. Категория бытия в классической западноевропейской философии. М.: Издательство Московского университета, 1986.
43. Доброхотов А.Л. Онтология / Новая философская энциклопедия. — URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0155bae870519c2e6689cb55> (дата обращения: 03.02.2022)
44. Доброхотов А.Л. Телеология культуры. М.: «Прогресс-Традиция», 2016.
45. Ерахтин А. В. Онтология и трансцендентальная метафизика Иммануила Канта // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. — 2014. — № 4. — С. 111-114.
46. Жижек «Философия начинается с Канта и заканчивается Гегелем // Логос. — 2007. — Т.58 — №1. — С. 8
47. Жижек С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии / Пер. с англ. С. Щуковой. — М.: Дело, 2014.
48. Йегер В. Пайдейя: воспитание античного грека. Т. 1. М.: «Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина», 2001.

49. Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н.О. Лосского с вариантами пер. на рус. и европ. языки. – М.: Наука, 1999.
50. Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике / под ред. А. Сараджева. – Москва; Ленинград: Соцэкгиз (ОГИЗ, Государственное социально-экономическое издательство), 1934.
51. Карнап Р. Преодоление метафизики логическим анализом языка / Пер. А.В. Кезина // «Вестник МГУ», сер. 7. «Философия». – 1993. – № 6. – С. 11–26.
52. Косилова Е.В. Соотношение философии математики и физики у К. Мейясу // Идеи и идеалы. – 2020. – Т. 12. – № 2, ч. 1. – С. 167–183.
53. Кралечкин Д. О сургуче и капусте // Логос. – 2014. – Т. 100. – №4. – С. 293 – 318.
54. Кралечкин Д. Ю. Мейясу и экономия конечности // Логос. – 2013. – Т. 92. – № 2. – С. 44–69.
55. Лакан Ж. Инстанция буквы в бессознательном или судьба разума после Фрейда / Пер. с фр. А.К. Черноглазова. – М.: Русское феноменологическое общество, Логос, 1997.
56. Ларюэль Ф. Словарь нефилософии // Синий Диван. – 2013. – № 18. С. 7–30.
57. Ло Д. Две онтологии материализма: от не-философии к не философии / Гефтер // пер. с англ. К. Майоровой. – 2015. – URL: <http://gefter.ru/archive/15520> (дата обращения: 13.07.2021).
58. Лонга А. Вне-научная фантастика и истории ужаса (Квентин Мейясу и Рэй Брассье) / пер. с фр. – URL: <http://s357a.blogspot.com/2019/01/blog-post.html> (дата обращения: 17.03.2022)
59. Малабу К. Можем ли мы отказаться от трансцендентального? / пер. с англ. М. Д. Мирошниченко // Философский журнал. – 2018. – Т. 11. – № 1. – С. 99–110.

60. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. второе, Т. 42, М.: Издательство политической литературы, 1974.
61. Мейясу К. Метафизика и вненаучная фантастика / Пер. с фр. Н. Архипова. – Пермь: Гиле Пресс, 2022.
62. Мейясу К. После конечности: Эссе о необходимости контингентности / пер. Л. Медведевой. – М.: Кабинетный ученый, 2016.
63. Мейясу К. Число и сирена. Чтение «Броска костей» Малларме / Пер. с фр. С. Лосевой и К. Саркисова. – М.: Носорог, 2018.
64. Метцингер Т. Наука о мозге и миф о своем Я. Тоннель эго / Пер. Г. Соловьевой. – Москва: Издательство АСТ, 2017.
65. Негарестани Р. Мертвая невеста. URL: <https://syg.ma/@yanavolkova/rieza-nieghariestani-miortvaia-nieviesta> (дата обращения: 13.03.2022).
66. Негарестани Р. Работа нечеловеческого // Логос. – 2021. – Т.31. – №3. – С. 1–38.
67. Негарестани Р. Циклопедия: соучастие с анонимными материалами / Пер. с англ. П. Хановой. – М.: Носорог, 2019.
68. Негарестани Р. Что такое философия? URL: <http://www.philosophystorm.org/reza-negarestani-что-такое-философия> (дата обращения: 09.03.2022).
69. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей (черновики и наброски из наследия Фридриха Ницше 1883- 1888 годов в редакции Элизабет Фёрстер-Ницше и Петера Гаста). Пер. с нем. – М.: Культурная революция, 2016.
70. Парменид. О природе / Пер. М. Л. Гаспарова // «Эллинские поэты VIII—III вв. до н. э.». – М.: Ладомир, 1999.
71. Платон. Парменид // Полное собрание сочинений в одном томе. М.: Альфа-книга, 2013.

72. Реев Й. Исток сосудов выше, чем исток света (Жиль Делёз и материалистическая диалектика) // Stasis. – 2019. – Т. 7 – № 1. – С. 314–338.
73. Реев Й. Коинсиндентология: краткий трактат о методе. – М.: ТрансЛит, 2015.
74. Реев Й. Невозможное и совпадение: о революционной ситуации в философии / пер. с иврита М. Макаровского; пер. с англ. П. Хановой. – Пермь: Гиле Пресс, 2016.
75. Реев Й. Невозможное и совпадение: о революционной ситуации в философии / пер. с иврита М. Макаровского ; пер. с англ. П. Хановой. – Пермь: Гиле Пресс, 2016.
76. Реев Радикальный ти-джеинг. – URL:
<https://syg.ma/@sygma/ioelrieghiev-radikalnyi-ti-dzhieingh> (дата
обращения: 13.03
77. Ришир М. Ελοχή, мерцание и редукция в феноменологии // (Пост)феноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами / Сост. С.А. Шолохова, А.В. Ямпольская. — М.: Академический проект, 2014. – С. 209–229.
78. Розэн М. Спекулятивный аннигиляционизм: Пересечение археологии и вымирания / Пер. с англ. Г. Коломийца. – Пермь: Гиле Пресс, 2021.
79. Ростова Н.Н. «Спекулятивный реализм как проект новой набожности» // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 455. – С. 59–67.
80. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / пер. с фр. В.И. Колядко. – М.: Республика, 2000.
81. Срничек Н., Уильямс А. Изобретая будущее. Посткапитализм и мир без труда. — М.: Strelka Press, 2019.

82. Срничек Н., Уильямс А. Манифест акселерационистской политики / Пер. с англ. Д. Колесника // Логос. – 2018. – Т.28. – №2. С. 7–20.
83. Такер Ю. Пессимизм, Тщетность и Вымирание: интервью с Юджином Такером. URL: <https://vk.com/@zhelvachki-pessimizm-tschetnost-i-vymiranie-intervu-s-udzhinom-takerom> (дата обращения 13.03.2022).
84. Такер Ю. Ужас философии: в 3 т / Пер. с англ. А. Иванова. – Пермь: Гиле Пресс, 2017.
85. Тоскано А. Против спекулятивизма // Логос. – 2013. – Т.92. – №2. – С. 81–93.
86. Тригг. Д. Нечто: Феноменология ужаса / пер. с англ. Я. Цырлиной и Д. Чулакова. - Пермь: Гиле Пресс, 2017.
87. Фрейд З. Я и Оно / Под. ред. В. Обручева. – М.: АСТ, 2015.
88. Фролов А.В. «Феноменология жизненного мира и натуралистическая эпистемология» // Идеи и идеалы. – 2021. – Т.13. – №1. – С. 197–209.
89. Фуко М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981-1982 учебном году / пер. с фр. А.Г. Погоняйло. – СПб.: «Наука», 2007.
90. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Пер. с фр. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой. СПб., А-сad, 1994.
91. Фуко М. Что такое автор? // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц. – М., Касталь, 1996.
92. Хайдеггер М. «Черные тетради», 1931–1938 / Пер. с нем. А. Б. Григорьева; науч. ред. перевода М. Маяцкий. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2016.
93. Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В. В. Биbihина. – М.: Академ. проект, 2013.

94. Хайдеггер М. Время и бытие / Пер. с нем. В. В. Библихина. – М.: Республика, 1993.
95. Хайдеггер М. Кант и проблема метафизики. / Пер. с нем. Никифорова О.В. – М.: Русское феноменологическое сообщество, 1997.
96. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики / Пер. с нем. В.В. Библихина. – СПб.: «Владимир Даль», 2013.
97. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии / Пер. с нем. А. Г. Чернякова. – СПб.: НОУ ВРФШ, 2001.
98. Хайдеггер М. Тождество и различие / пер. с нем. А. Денежкина. – М.: Логос, 1997. – С. 29–59.
99. Хайдеггер М. Что такое метафизика / пер. с нем. В.В. Библихина. – URL: http://www.bibikhin.ru/cto_takoe_metafizika (дата обращения: 07.05. 2021).
100. Хайдеггер. Положение об основании. Статьи и фрагменты / Пер. с нем. О. А. Коваль — СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ.
101. Хамис Д. Пустота корреляционизма. // Логос. – 2013. – Т.92. – №2. – С. 113–127.
102. Харман Г. «Мы живем внутри метафизики» // Нож. – URL: <https://knife.media/grahamharman/> (дата обращения: 20.08.2021).
103. Харман Г. Weird-реализм: Лавкрафт и философия / Пер. с англ. Г. Коломойца и П. Хановой. – Пермь: Гиле Пресс, 2020.
104. Харман Г. За эстетикой — будущее философии // Кольта. URL: <http://www.colta.ru/articles/art/12175> (дата обращения: 20.08.2021).
105. Харман Г. Имматериализм. Объекты и социальная теория / пер. с англ. А. Писарева. М.: Издательство Института Гайдара, 2018.
106. Харман Г. О замещающей причинности / Пер. с англ. А. Маркова // Новое литературное обозрение. – 2012. – № 2. – URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2012/2/o-zameshhayushhej-prichinnosti.html> (дата обращения: 11. 08. 2021).

107. Харман Г. Объектно-ориентированная онтология: новая «теория всего» / Пер. с англ. М. Фетисов. – Москва: Ад Маргинем, 2021.
108. Харман Г. Спекулятивный реализм: введение / пер. с англ. А.А. Писарева. – М.: РИПОЛ классик, 2020.
109. Харман Г. Тристан Гарсиа и вещь-в-себе // *Parrhesia*. – 2013. – № 16. – С. 3–24. URL: https://vk.com/doc9769745_452347314 (дата обращения: 20.08.2021).
110. Харман Г. Четвероякий объект: Метафизика вещей после Хайдеггера / пер. с англ. А. Морозова и О. Мышкина. – Пермь: Гиле-Пресс, 2015.
111. Хейзинга Й. Осень средневековья. СПб.: «Издательство Ивана Лимбаха», 2011.
112. Шавиро С. Вселенная вещей // *Логос*. – 2017. – № 3. – С. 127–152.
113. Шеффер Ж.-М. Конец человеческой исключительности / пер. с фр. С.Н. Зенкина. — М.: Новое литературное обозрение, 2010.
114. Шохин В.К. «Онтология»: рождение философской дисциплины // Историко-философский ежегодник '99. — М.: Наука, 2001.
115. Юм Д. Трактат о человеческой природе / пер. с англ. С.И. Церетел. – М.: Мысль, 1965.
116. Янг. Н. «Преодолевая онто-таксономию: тройственное решение от Грэма Хармана». Стол. – URL: <https://stol.guru/papers/overcoming-ontotaxonomy-2021-06-01> (дата обращения 19.03.2022).
117. Backman J. Transcendental Idealism and Strong Correlationism: Meillassoux and the End of Heideggerian Finitude // *Phenomenology and the Transcendental*, ed. Sara Heinämaa, Mirja Hartimo, and Timo Miettinen. – 2014. – PP. 276–294.
118. Badiou A. Being and Event / trans. O. Feltham. – New York: Continuum, 2005.

119. Bensaïd D. Alain Badiou and the Miracle of the Event. – URL: <https://www.marxists.org/archive/bensaid/2004/xx/badiou.htm> (дата обращения: 03.01.2022).
120. Brassier R. Accelerationism. A transcription of the Backdoor Broadcasting Company recording. — 2010. — URL: <https://moskvaх.wordpress.com/2010/09/30/accelerationism-ray-brassier/> (дата обращения: 16.02.2022).
121. Brassier R. Alien Theory: the decline of materialism in the name of matter. PhD thesis. — University of Warwick, 2001.
122. Brassier R. Axiomaticheresy. The non-philosophy of François Laruelle // Radical Philosophy. – 2003. – Vol. 121. – PP. 24–35.
123. Brassier R. Concrete Rules and Abstract Machines: Form and Function // A Thousand Plateaus‘ in A Thousand Plateaus and Philosophy / Ed. Somers-Hall H., Bell J., Williams J. — Edinburgh: Edinburgh University Press, 2017. — PP. 260–279.
124. Brassier R. Nihil Unbound: Enlightenment and Extinction. – London: Palgrave Macmillan, 2007.
125. Brassier R. Prometheanism and its Critics // #Accelerate: The Accelerationist Reader. – Oxford: Urbanomic, 2014. – PP. 467–489.
126. Brassier R. Transcendental Logic and True Representings. – 2016. URL: <http://www.glassbead.org/article/transcendental-logic-and-true-representings/?lang=enview> (дата обращения: 18.12.2021).
127. Brassier R., Grant I. H., Harman G., Meillassoux Q. Speculative Realism // Collapse. — 2007. — Vol 3.
128. Galloway A. Brometheanism. 2017. — URL: <http://cultureandcommunication.org/galloway/brometheanism> (дата обращения: 18.12.2021).
129. Galloway A.R. The Poverty of Philosophy: Realism and Post-Fordism // Critical Inquiry. – 2013. – Vol. 39. – №2. – PP. 347–366.

130. Goddard R. Honouring Nihilism. A Review of Ray Brassier's Nihil Unbound: Enlightenment and Extinction // Other Education: The Journal of Educational Alternatives. – 2016 – Vol. 5 – №2 – PP. 56–86.
131. Gratton P. Speculative realism: Problems and Prospects. – London: Bloomsbury, 2014.
132. Gratton P. and Paul J. Ennis The Meillassoux dictionary. Edinburgh: Edinburgh University Press Ltd, 2015.
133. Harman G. Quentin Meillassoux: Philosophy in the Making. – Edinburgh: University Press, 2011.
134. Land N. The Thirst for Annihilation: Georges Bataille and Virulent Nihilism. – London: Routledge, 1992.
135. Le V. The Decline of Politics in the Name of Science? Constellations and Collisions between Nick Land and Ray Brassier // Cosmos and History: The Journal of Natural and Social Philosophy. – 2018. – Vol. 14. – №. 3. – PP. 31–50.
136. Lindner E. Un-Becoming. An Uneven Note on Meillassoux and Deleuze. 2018. – URL: <https://homepage.univie.ac.at/eckardt.Lindner/unbecoming-a-hasty-note-on-meillassoux-and-deleuze/> (29.01.2022).
137. Lyotard J-F. Can Thought go on Without a Body. The Inhuman: Reflections on Time, tr. G. Bennington and R. Bowlby, Stanford, CA: Stanford University Press, 1991.
138. Meillassoux Q. Iteration, Reiteration, Repetition : A Speculative Analysis of the Meaningless Sign. Unpublished version / Trans. Mackay R. – 2012. – Berlin: Freie Universität – URL: <https://s3.amazonaws.com/arena-attachments/886529/539a4b4a8c213179c159eefc04a28947.pdf> (дата обращения: 12.07.2021).
139. Meillassoux Q. There is contingent being independent of us, and this contingent being has no reason to be of a subjective nature / trans. from the French by Marie-Pier Boucher. URL: <https://quod.lib.umich>.

edu/o/ohp/11515701.0001.001/1:4.4/--new-materialisminterviewscartographies?rgn=div2;view=fulltext
(дата обращения: 13.01.2021).

140. Meillassoux Q. Time without becoming. Mimesis International. – 2013. – URL: <http://gefter.ru/archive/7657> (дата обращения: 13.01.2021).

141. Mendizabal A.D. _Who is time?_: Brassier on Heidegger’s Philosophy of Time. – URL: <https://omnitudo.wordpress.com/2015/09/21/who-is-time-brassier-on-heideggers-philosophy-of-time/> (дата обращения: 18.12.2021).

142. Metzinger, Being No-One: The Self-Model Theory of Subjectivity, London: MIT Press, 2004.

143. Nancy J.-L. Who Comes After the Subject? / edited by E. Cadava, P. Connor. – London: Routledge. 1991.

144. Negarestan R. Intelligence and Spirit. – Falmouth: Urbanomic, 2018.

145. Parildar S. All For A Realist Defense of Metaphysics: Graham Harman vs. Peter Wolfendale. URL:https://www.researchgate.net/publication/337200299_All_For_A_Realist_Defense_of_Metaphysics_Graham_Harman_vs_Peter_Wolfendale (accessed: 20.08.2021).

146. Roden D.J. Promethean and Posthuman Freedom: Brassier on Improvisation and Time // Performance Philosophy. – 2019. – Vol. 2. – №4.

147. Sellars W. Philosophy and the Scientific Image of Man. Frontiers of Science and Philosophy. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1962. 35–78.

148. The speculative turn: continental materialism and realism / edited by Levi Bryant, Nick Srnicek and Graham Harman. – Melbourne: re-press, 2011.

149. Wolfendale P. Object-Oriented Philosophy: The Noumenon’s New Clothes. Urbanomic, 2014.

150. Wolfendale P. Ray Brassier (Dictionary Entry) https://www.academia.edu/26697817/Ray_Brassier_Dictionary_Entry_

151. Wolfendale P. The Reformatting of Homo Sapiens Wolfendale, P. // Angelaki. – 2019. – Vol. 24 – №1 – PP. 55–66.
152. Wu T. A Dream of a Stone: The Ethics of De-anthropocentrism // Open Philosophy. – 2020. – №3. – PP. 413–428.
153. Young N. On Correlationism and the Philosophy of (Human) Access: Meillassoux and Harman // Open Philosophy. – Berlin: De Gruyter, – 2019. – №3.